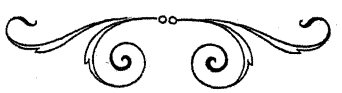
DS
117

Терновский, Е. Ф.

Внѣшнія условія жизни въ Палестинѣ.



11R

САРАТОВЪ.
Типографія Союза Печатнаго Дѣла.
1914.

„Пров 38"

4/94.
37

Внѣшнія условія жизни въ Палестинѣ.

Пища евреевъ.

Пища первыхъ людей, жившихъ до потопа, по сказанію Библіи, была пища исключительно растительная, состояла изъ плодовъ, зелени, кореньевъ, и вообще изъ съѣдобныхъ продуктовъ растительнаго царства. Таково было повелѣніе Божіе Адаму и Евѣ: „И сказалъ Богъ (Адаму и Евѣ) вотъ я вамъ далъ всякую траву, сѣющую сѣмя, какая есть на всякой землѣ и всякое дерево, у котораго плодъ древесный сѣющій сѣмя. Вамъ сіе будетъ въ пищу“ (Б. 1, 19).

Послѣ потопа Богъ разрѣшилъ Ною и его потомству употреблять и мясную пищу—ѣсть мясо животныхъ, только безъ крови ихъ: „все движущееся, что живетъ, будетъ вамъ въ пищу, какъ зелень травную даю вамъ все. Только плоти съ душею ея, съ кровью ея, не ѣшьте“. Таково повѣствованіе Библіи.

Но нѣтъ сомнѣнія, что еще до потопа люди (вѣроятно потомство Каина) нарушили данную Богомъ заповѣдь питаться исключительно растительной пищей. Въ доказательство этого указываютъ на то, что Авель былъ пастырь овецъ, что Нимвродъ былъ сильный звѣроловъ передъ Господомъ, что Ной зналъ раздѣленіе животныхъ на чистыхъ и не чистыхъ, т. е., другими словами, на животныхъ употребляемыхъ и на животныхъ неупотребляемыхъ въ пищу.

Отсюда заключаютъ, что и до потопа люди ѣли мясную пищу и дошли даже до особенной кровожадности, такъ что Богъ послѣ потопа долженъ былъ дать Ною особое запрещеніе употреблять въ пищу кровь животныхъ. Если же сравнительно меньше употребляли древніе люди

мясной пищи, чѣмъ позднѣйшіе, то это потому, что животныя тогда не размножились: Оставляю всѣ эти соображенія на отвѣтственности тѣхъ ученыхъ, которые ихъ высказываютъ.

По поводу библейскаго повѣствованія о дозволеніи людямъ послѣ потопа употреблять въ пищу мясо, одинъ авторъ (Струженцевъ) пишетъ (см. Душесп. Чт. 1901 г. май стр. 25—26).

Нельзя не видѣть, что причины послѣпотопнаго разрѣшенія мясной пищи были двоякія: объективныя, то есть лежащія внѣ человѣка, и субъективныя, то есть заключающіяся въ природѣ его самого. Къ первымъ относятся: уменьшеніе плодородія земли и враждебное отношеніе къ человѣку стихійныхъ силъ природы и многихъ, въ частности, существъ, ее населяющихъ. Засухи, градъ, наводненіе, саранча, порча нивы и садовъ разными животными, пресмыкающимися, птицами и насѣкомыми-иногда и теперь ввергаютъ въ бѣдствіе голода цѣлыя огромныя страны. И это не смотря на то, что человѣкъ питается не одною только растительною пищею, несмотря на широкое развитіе международныхъ сношеній и усовершенствованные пути сообщенія. Во сколько же разъ большее значеніе человѣческія бѣдствія имѣли для людей во время самаго перваго разселенія ихъ по лицу земли послѣпотопнаго міра, при тогдашнемъ несовершенномъ состояніи земледѣлія, при отсутствіи еще не накопившихся излишковъ и особенно при зачаточномъ состояніи формъ общественной жизни. Поставивъ себя мысленно въ положеніе тогдашняго человѣка, мы должны будемъ согласиться, что сказанное уничтоженіе физическими бѣдствіями его садовъ и полей имѣло бы неминуемымъ послѣдствіемъ голодную смерть самого человѣка, если бы онъ не могъ питаться на ряду съ растительной пищей, и мясной, не могъ временно прокормить себя и свою семью охотой, рыбной ловлей и мясомъ домашнихъ животныхъ. Вотъ почему, прежде всего, милосердіе Божіе и дозволило послѣпотопному человѣку употребленіе, на ряду съ растительной пищей, и мясной.

Для приготовленія пищи необходимъ огонь. Нѣтъ сомнѣнія, что люди выучились добывать огонь очень рано. Мы знаемъ, напримѣръ, что одинъ изъ потомковъ Каина, Тувалъ-Каинъ былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза, для чего, очевидно, нуженъ былъ горнъ. А строители Вавилонской башни, по сказанію Библіи, надѣлавши кирпичей, обожгли ихъ огнемъ.

Первоначальнымъ огнемъ на землѣ всего естественнѣе признавать тотъ огонь, который появился на ней отъ удара молніи. Поэтому и впослѣдствіи огонь молніи считался священнымъ, благодѣяніемъ неба, и люди держались того убѣжденія, что если жертву попалитъ молнія, то это знакъ не неблаговоленія, а особой милости неба. Огонь, нисшедшій съ неба на жертву Иліи былъ для Израиля яснымъ доказательствомъ величія религіи Іеговы; тщетныя просьбы о томъ же жрецовъ Ваала—яснымъ доказательствомъ безсилія ихъ бога.

Первоначальный способъ, которымъ сами люди добывали себѣ огонь, состоялъ, по всей вѣроятности, въ ударѣ одного камня о другой. Этотъ способъ считался священнымъ. Когда Маккавеи очистили храмъ отъ осквернѣнія его при Антіохѣ Епифанѣ, то для перваго жертвоприношенія они добыли и огонь именно этимъ способомъ. „Очистивъ храмъ, они (Маккавей и бывшіе съ нимъ) соорудили другой жертвенникъ, разжегши камни и взявши изъ нихъ огонь принесли жертву“ (2 Мак. 10, 3).

Хотя послѣ потопа дозволено было употреблять въ пищу мясо животныхъ, но евреи всегда питались преимущественно растительной пищей. Каждодневное употребленіе въ пищу мясныхъ кушаньевъ было нездорово въ томъ жаркомъ климатѣ, гдѣ они жили. Поэтому евреи всего больше питались хлѣбомъ, опрѣсноками, пирогами, хлѣбными зернами, стручками гороха и бобовъ, зеленью и плодами. Мы знаемъ, напримѣръ, что Исавъ продалъ свое первородство Іакову, не за мясное какое нибудь кушанье, а за чечевичную похлебку.—Когда Давидъ удалился изъ Іерусалима во время возмущенія Авессалома, то на дорогѣ встрѣтилъ его Сива, слуга Мемвивос-

ѳея съ парою навьюченныхъословъ и на нихъ: 200 хлѣбовъ, 100 связокъ изюму, 100 связокъ смоковъ и мѣхъ съ виномъ (2 Цар. 1—2, 16)—все провіанты изъ растительнаго царства. И потомъ, когда Давидъ перешелъ Іорданъ и вступилъ въ Галаадъ, то богатые Галаадитяне прислали ему и бывшимъ съ нимъ: пшеницы и ячменя, и муки, и пшена, и бобовъ, и чечевицы, и жареныхъ зеренъ, и меду, и масла, ибо, говорили они, народъ голоденъ и утомленъ и терпѣлъ жажду въ пустынѣ" (2 Цар. 17, 28—29).

Зерновой хлѣбъ евреи ѣли часто просто въ видѣ сырыхъ или высушенныхъ зеренъ. Что они ѣли и сырыя зерна, это видимъ изъ узаконенія Моисея о приношеніи начатковъ отъ плодовъ земныхъ Господу: „никакого новаго хлѣба, говоритъ Моисей, ни сушеныхъ зеренъ, и ни *зеренъ сырыхъ* не ѣшьте до того дня, въ который принесете приношеніе Господу Богу вашему" (Лев. 14, 23). Въ исторіи пророка Елисея читаемъ между прочимъ слѣдующее. „Пришелъ нѣкто изъ Ваалъ-Шалиши, и принесъ человѣку Божію, Елисею, хлѣбный начатокъ, 20 ячменныхъ хлѣбцевъ, и *сырыя зерна* въ шелухѣ. И сказалъ Елисей: отдай людямъ пусть ѣдятъ" (4 Цар. 4, 12). Такимъ образомъ, читая въ Евангеліи, что ученики Господа, проходя засѣянными полями, начали срывать колосья и ѣсть, мы не должны удивляться этому, не должны думать, что ученики Господа срывали колосья затѣмъ, зачѣмъ мы иногда это дѣлаемъ: чтобы посмотрѣть, сколько зеренъ въ колосѣ, или что либо подобное. Они срывали колосья именно для того, чтобы ѣсть зерна и насытиться ими. Нынѣ часто подсушиваютъ или поджариваютъ зерна. Такъ одинъ изъ путешественниковъ пишетъ объ обѣдѣ кочевниковъ: „изъ валежника сорной травы и соломы женщины развели огонь. Въ горячую золу вытряхнули цѣлую охапку колосьевъ и продержали ихъ тамъ какъ разъ столько времени, чтобы на зернахъ потрескалась кожица. Тогда онѣ быстро и ловко выгребали ихъ изъ золы на разостланную одежду. Потомъ выбили

зерна и провѣяли, подбрасывая ихъ къ верху на легкій вѣтерокъ. И вкусное кушанье было готово. Оно называлось: печеный хлѣбъ. Другія женщины подобнымъ же образомъ поджаривали колосья на сковородѣ, а иныя жарили ихъ на пучкахъ соломы". Былъ обычай поджаривать зерна и у евреевъ. У нихъ высушенныя на огнѣ зерна часто употреблялись въ истолченномъ, нѣсколько размельченномъ видѣ. „Если приносишь Господу приношеніе хлѣбное, говоритъ Моисей, отъ первыхъ плодовъ твоихъ, изъ колосьевъ, высушенныхъ на огнѣ, растолченныя зерна, то"... и т. д.

Но, конечно, всего чаще зерновой хлѣбъ превращали въ муку и пекли изъ нея хлѣбы. Галаадитяне принесли Давиду не только пшеницы, и ячменя, и бобовъ, и чечевицы, и пшена и жареныхъ зеренъ, но и муки. Воозъ нетолько дозволилъ Руѳи подбирать колосья на его полѣ, но и пригласилъ ее во время обѣда *ѣсть хлѣбъ* вмѣстѣ съ его работниками. „И сказалъ ей Воозъ: „время обѣда, пріиди сюда и ѣшь хлѣбъ, и обмакивай кусокъ твой въ уксусъ. И сѣла она возлѣ жнецовъ. Онъ подалъ ей хлѣбъ; она ѣла, наѣлась и еще осталось". (Руѳь 2, 14—18).

Хлѣбныя зерна превращали въ муку на ручныхъ мельницахъ, которыя имѣлись въ каждомъ домѣ, потому что въ каждомъ домѣ пекли хлѣбы для себя, такъ какъ хлѣбниковъ, которые бы пекли хлѣбъ на продажу, въ древнее время у евреевъ не было. Ручныя мельницы состояли изъ верхняго камня, который былъ подвижной и потому его всегда легко можно было снять. Поэтому верхніе камни могли быть при случаѣ и средствомъ для защиты. Въ книгѣ Судей разсказывается между прочимъ, что при нападеніи на Тевецъ, одна женщина бросила отломокъ жернова на голову Авимелеха и проломила ему черепъ (53, 9). А что нижній жерновъ былъ очень твердъ, видно, между прочимъ изъ словъ Іова: „сердце бегемота говоритъ онъ, твердо какъ камень и жестко какъ нижній жерновъ" (41, 16). Мололи въ бѣдныхъ домахъ обычно женщины, въ богатыхъ рабы и рабыни. Это считалось самымъ тяжелымъ и унизительнымъ занятіемъ, и рабъ,

мелющій на жерновахъ, считался самымъ послѣднимъ человѣкомъ. „И сказалъ Моисей: „Такъ говоритъ Господь: Въ полночь Я пройду посреди Египта, и умретъ всякій первенецъ земли Египетской отъ первенца Фараона, который сидитъ на престолѣ своемъ до первенца рабыни, которая при жерновахъ (Исх. 11, 5). Ясно, что здѣсь первенцу Фараона, какъ перваго человѣка въ странѣ, противополагается первенецъ рабыни, какъ самый послѣдній человѣкъ въ Египтѣ. Пророкъ Исаія, изображая бѣдствія, имѣющія постигнуть халдеевъ, сравниваетъ Вавилонъ послѣ его паденія съ женщиною высокаго званія, молодою и изнѣженною, которую въ плѣну заставили сѣсть на землю, чтобы работать у мельницы... „Сойди и сядь во прахѣ дѣвица, дочь Вавилона... возьми жернова и мели муку;“ (Исаіи 47, 2). „Если сердце мое прельщалось женщиною и я строилъ ковы у дверей моего ближняго, говоритъ Іовъ, пусть моя жена мелетъ на другого, и пусть другіе издѣваются надъ нею (10, 31). Оплакивая печальную судьбу Іудеевъ пр. Іеремія пишетъ, „юношей берутъ къ жерновамъ и отроки падаютъ подъ ношею дровъ“ (Плачъ 5, 13). Филистимляне, захвативъ Самсона и ослѣпивъ, какъ извѣстно, заставили его работать при жерновахъ. „Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его къ Газу и оковали двумя мѣдными цѣпями и онъ мололъ въ домѣ узниковъ“. (Суд. 16, 21).

Чтобы молоть пшеницу обыкновенно садились на землю двѣ женщины, ставя предъ собою ручную мельницу: одна ворочала верхній камень, а другая подсыпала зерна. Отсюда объясняется выраженіе Спасителя о судьбѣ людей во время страшнаго суда: „Тогда будутъ двѣ мелющія въ жерновахъ: одна берется, а другая оставляется“ (Мѳ. 24, 40—41). Большіе жернова, какъ и доселѣ, въ Сиріи приводимы были въ движеніе ослами. Спаситель безъ сомнѣнія разумѣлъ подобные камни жерновые, когда говорилъ: „а кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ (въ славян-

скомъ переводѣ: жерновъ осельскій (на шею и потопили въ глубинѣ морской". (Мѳ. 6, 18).

Ручныя мельницы у евреевъ ежедневно были нужны въ домѣ, потому что не было въ обычаѣ дѣлать запасы муки на нѣсколько дней впередъ: мололи столько сколько нужно было для одного дня. Этимъ объясняется то, почему законъ Моисеевъ запрещалъ евреямъ брать жернова въ залогъ. „Никто не долженъ брать въ залогъ верхняго жернова, ибо таковый беретъ въ залогъ душу". (Втор. 6, 24), т. е. отнимаетъ у бѣднаго возможность имѣть хлѣбъ насущный. „Первое, что можно, услышать по утру на Востокѣ, говорятъ путешественники—это шумъ мельницъ". Поэтому слова Іеговы, сказанныя іудеямъ чрезъ пр. Іеремію: „и прекращу у нихъ стукъ жернововъ" (Іер. 10, 25) означали то, что на іудеевъ придутъ великія бѣдствія. Ничто не можетъ такъ хорошо обозначить печальную участь страны, прежде цвѣтущей и населенной, а потомъ подвергшейся крайнимъ бѣдствіямъ, говоритъ одинъ писатель, какъ выраженіе, что въ ней не слышно болѣе жерновыхъ мельницъ. Главные хлѣбные злаки на Востокѣ—пшеница и ячмень, но не рожь и гречиха. По этой то причинѣ всѣ хлѣбныя печенія на востокѣ бываютъ изъ пшеничной или изъ ячменной муки. Ячменная мука собственно употреблялась бѣдняками. Въ Евангельской исторіи о насыщеніи 5000 народа повѣствуется, что среди народа нашлось только у одного мальчика 5 хлѣбовъ ячменныхъ" (Іоан. 6, 9). Ячмень вообще считался плохимъ хлѣбомъ. Одинъ провинившійся римскій солдатъ, оставившій свою службу, долженъ былъ между прочимъ получать въ наказаніе ячменный хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго. Собственно ячмень шелъ на кормъ лошадямъ и осламъ. Мы находимъ, между прочимъ, такой разговоръ объ *ячменномъ хлѣбѣ*. Одинъ говоритъ: „урожай ячменя хорошъ" другой отвѣчаетъ: „скажи объ этомъ лошадямъ и осламъ".

Когда хлѣбъ изъ муки надо было изготовить наскоро, евреи пекли его прѣснымъ. Такъ, напримѣръ, при своемъ поспѣшномъ выходѣ изъ Египта евреи не успѣли

заквасить тѣста и потому приготовленное ими некваше-ное тѣсто завернули въ свою верхнюю одежду и затѣмъ пекли хлѣбъ незаквашенный. „И отправились сыны Израи-левы изъ Раамсеса въ Сокхоѳъ. И испекли они изъ тѣ-ста, которое вынесли изъ Египта, прѣсныя лепешки, ибо оно еще не вскисло; потому что они выгнаны были изъ Египта и не могли медлить и даже пищи не приготови-ли себѣ на дорогу“ (Исх. 12, 39).

Точно также Авраамъ и Лотъ, желая поскорѣе уго-стить явившихся къ нему трехъ странниковъ, предло-жилъ имъ опрѣсноки „*потребники*“—какъ сказано въ Сла-вянской Библіи (Быт. 18, 6, 19, 3). Гедеонъ предложилъ опрѣсноки явившемуся ему Ангелу, а Іессей съ опрѣсно-ками же послалъ Давида къ братьямъ его на поле сра-женія. Далѣе, когда Ангелъ предложилъ пророку Иліи, во время пребыванія его въ пустынѣ, подкрѣпиться пи-щею, то Илія увидѣлъ около себя опрѣснокъ, печеный на камняхъ (3 Цар. 14, 3). „У древнихъ, пишетъ по по-воду этого одинъ толковникъ, при недостаткѣ топлива, уголья и дрова замѣняютъ камнями, раскаленными не столько огнемъ, сколько солнцемъ. На такія камни на-кладывали тонкій слой тѣста и въ нѣсколько минутъ хлѣбъ былъ готовъ“. Одинъ современный путешествен-никъ по востоку пишетъ: „какъ было во времена отда-ленныя, во времена ветхозавѣтныя и евангельскія, такъ осталось это и теперь: хлѣбъ восточный есть прѣсный хлѣбъ по преимуществу. И теперь хозяйка дома тамъ также скоро „опрѣсноки испече“ для пришедшаго путни-ка, какъ это было и въ кущѣ Лота. Опрѣсноки эти по справедливости должны быть названы на востокѣ „*по-требниками*“. Они потребны на каждый день, каждый день, и изготовляютъ ихъ“.

Когда было время евреи пекли и кислые хлѣбы.

О квасѣ для хлѣбовъ часто упоминается въ еванге-ліи. Таково, напримѣръ, замѣчаніе Господа, что „малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ“ и предостереженіе, данное Имъ апостоламъ: „блюдитеся отъ кваса фарисейскаго и саддукейскаго“ (Мѳ. 16, 6). Но по отсутствію ли хоро-

шихъ дрожжей (что обусловливается знойнымъ климатомъ), или по отсутствію муки хорошаго размола, на востокѣ по всей вѣроятности не было въ древности мягкихъ, большихъ, пышныхъ хлѣбовъ, въ родѣ нашего калача. И только названіе тѣхъ пирожковъ, въ приготовленіи которыхъ была искусна дочь Давида Ѳамарь (2 Цар. 13, 6) было *левивот*,—слово, которое происходило отъ глагола *лавав*, означающаго одушевлять, поднимать. Обычно же, если и пыталить восточные жители печь высокіе хлѣбы, то они походили на камни. Объясняя исторію искушенія Господа діаволомъ, одинъ писатель говоритъ: „Господь чувствовалъ голодъ. А такъ какъ указанные Ему искусителемъ камни могли быть изъ породы такъ называемыхъ камней іудейскихъ, которые похожи на каравai хлѣба, то видъ ихъ могъ дѣйствительно усиливать страданія голода". О томъ, что восточные жители и нынѣ не умѣютъ испечь хорошій квасный хлѣбъ, можно судить по тѣмъ просфорамъ, какія продаются въ палестинскихъ церквахъ. Просфоры эти очень низки, жестки, какъ камень и очень темнаго цвѣта. Отсюда объясняется, почему никто изъ паломниковъ не привозитъ домой просфоръ изъ Палестины. Стыдно ихъ показать на родинѣ. Поэтому несомнѣнно, что и квасный хлѣбъ евреи пекли въ древности въ видѣ тонкихъ лепешекъ. Такія тонкія лепешки могли легко пропекаться просто на раскаленномъ камнѣ, или будучи прилѣплены къ стѣнкамъ наполненнаго горячими угольями глинянаго горшка. Такова была еврейская хлѣбная печь: камень или горшокъ. Въ такой печи немного можно испечь. И для насъ понятно отсюда, то бѣдствіе, какимъ Господь чрезъ Моисея угрожаетъ народу за непослушаніе. „Хлѣбъ подкрѣпляющій человѣка, истреблю у васъ: десять женщинъ будутъ печь хлѣбъ вашъ въ одной печи, вы будете ѣсть и не будете сыты" (Лев. 26, 26). Такія тонкія лепешки очевидно не для чего было рѣзать; ихъ просто преломляли. Поэтому въ Библіи вездѣ говорится о преломленіи хлѣбовъ.

Но съ другой стороны, не смотря на такую плоскую форму, хлѣбъ у евреевъ никогда не имѣлъ такого назна-

ченія, какое давали ему другіе народы, напр. римляне. Тогда какъ у римлянъ хлѣбъ при вкушеніи пищи служилъ какъ бы только подставкой, на которой подавались другія кушанья, и когда съѣдали наложенное на него кушанье, бросался подъ столъ, гдѣ его подбирали съ пола рабы,—у евреевъ, напротивъ, хлѣбъ составлялъ главное кушанье каждаго обѣда. Имъ начинался каждый обѣдъ, домашній или пиршественный, и его предлагали всѣмъ присутствующимъ. Это потому, что у іудеевъ хлѣбъ былъ символомъ благословенія дома. Поэтому то, вопреки обычаю Римлянъ, у евреевъ остатки хлѣба, даже самые маленькіе, не бросались на землю, потому что это значило бы, по мнѣнію евреевъ, пренебречь благословеніемъ Божіимъ.

Лучшій хлѣбъ, употреблявшійся между прочимъ для приношенія Господу, дѣлался у евреевъ сдобный, съ масломъ. „Если приносишь жертву приношенія хлѣбнаго испеченаго въ печи, то приноси пшеничные хлѣбы прѣсные, смѣшанные съ елеемъ, и лепешки прѣсныя, помазанныя елеемъ“ (Лев. 2, 4). Еще болѣе вкусные хлѣбы приготовлялись съ прибавкою еще меда; они имѣли вкусъ подобный маннѣ. „И нарекъ домъ Израилевъ хлѣбу тому имя *манна*; она была какъ коріандровое сѣмя бѣлая, вкусомъ же какъ лепешка съ медомъ“ (Исх. 16, 31). Вѣроятно такую лепешку съ медомъ приготовила Ѳамарь, сестра Авессалома, больному брату своему Амнону. Вообще хлѣбъ съ масломъ и медомъ считался самою лучшею здоровою пищею. Изображая свои благодѣянія дщери Сіоновой, Господь у пророка Іезекіиля говоритъ ей: „питалась ты хлѣбомъ изъ лучшей пшеничной муки, медомъ и елеемъ, и была чрезвычайно красива, и достигла царственнаго величія (16, 13). По его словамъ, евреи даже торговали съ финикіанами „сладкимъ пирожнымъ“ (27, 17).*)

Выше я упомянулъ о маннѣ, которою Господь питалъ народъ еврейскій во время пребыванія въ пустынѣ.

*) О пирожныхъ см. еще въ примѣчаніяхъ къ русскому переводу историческихъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, изданному въ Кіевѣ въ 1861 году, стр. 145 и 316.

Въ книгѣ Исходъ по наружному виду манна сравнивается съ зернами коріанда-однолѣтняго растенія изъ породы зонтичныхъ.—Коріандръ это кишнецъ-трава, издающая непріятный запахъ, подобный клоповьему; но сѣмена ея имѣютъ ароматическій запахъ. Поэтому ее разводили въ Египтѣ и Палестинѣ. Въ дикомъ видѣ растетъ она въ Палестинѣ и теперь, преимущественно въ долинѣ Іорданской. Сладкія и пахучія зерна коріандра употреблялись въ древности въ качествѣ приправы къ кушаньямъ и въ качествѣ лѣчебнаго средства; зерна этого растенія бѣловатыя, круглыя, мелкія.—Въ книгѣ числъ (11, 7) манна сравнивается съ *Бдолахомъ*. По мнѣнію однихъ ученыхъ Бдолахъ означаетъ жемчугъ (ср. Быт. 2, 1). Мнѣніе это подтверждается и позднѣйшимъ іудейскимъ пониманіемъ. Но по мнѣнію 70 толковниковъ бдолахъ это не жемчугъ, а родъ крупинокъ кристаллизовавшейся благовонной аравійской смолы, дорого цѣнившейся. Крупинки эти были бѣлаго и свѣтло-желтоватаго цвѣта.

Вкусъ манны въ книгѣ Исходъ (16, 31) сравнивается со вкусомъ лепешки съ медомъ, а по книгѣ Числъ (11, 8) со вкусомъ лепешки съ елеемъ.

Въ настоящее время пользуется извѣстностью мнѣніе, высказанное французскимъ химикомъ Бертло, который отожествлаетъ манну Исхода съ манною, находимою теперь на полуостровѣ Синаѣ и въ Сиріи и получающейся съ кустарникообразнаго дерева тамарина или гребенщика. Тамаринъ растеніе невзрачное. Вѣтви этого дерева раскинуты далеко одна отъ другой и опущены книзу. Листья на нихъ рѣдки и на зиму опадаютъ. Вообще дерево имѣетъ печальный видъ. На молодыхъ вѣтвяхъ этого растенія въ іюнѣ и іюлѣ выступаютъ капли смолистаго клейкаго сока; иногда это происходитъ отъ нѣжности кожицы и молодыхъ вѣтокъ, а по большей части отъ наколовъ, дѣлаемыхъ небольшимъ насѣкомымъ особой породы. Насѣкомое-червецъ, какъ пчела, прокалываетъ верхнюю кору молодыхъ, чрезвычайно нѣжныхъ вѣтвей тамарина. Сдѣланная такимъ образомъ, незамѣтная для

глазъ, рана начинаетъ сочиться, послѣ дождя. Подъ раною мало по малу образуется капля, похожая первоначально на каплю росы. Эти капли вначалѣ жидкія, отъ дѣйствія на нихъ воздуха и ночного холода, постепенно густѣютъ и становятся твердыми бѣлыми крупинками, изъ которыхъ иныя кругловаты, иныя многоугольны и плоски. Такія капли называются собственно *синайскою манною*. Сборъ синайской манны начинается съ іюня и продолжается шесть—восемь недѣль. Мѣстные бедуины, ночью, задолго до восхода солнца, приходятъ въ лѣсокъ тарфъ, разстилаютъ подъ ними полотна и ссыпаютъ въ нихъ крупинки манны; потомъ перекладываютъ ихъ въ жестянныя коробки и хранятъ въ погребахъ. Манны собирается обычно отъ 16 до 20 фунтовъ ежедневно, въ годъ до 30 пудовъ. Въ Синайскомъ монастырѣ манна подается почетнымъ гостямъ послѣ обѣда.

Мнѣніе Бертло имѣетъ нѣкоторое основаніе Капли тамариска также называются манною, какъ еврейская манна. Тамариски дающія нынѣ манну, растутъ въ такихъ долинахъ, которыя могли быть мѣстами остановокъ, для евреевъ. Время года, въ которое евреи въ первый разъ собираютъ манну, совпадаетъ съ временемъ обычныхъ сборовъ и нынѣ. Видъ и вкусъ той и другой манны—сходны, а равно и время сбора ихъ,—раннимъ утромъ, пока не обогрѣетъ солнце. Даже и появленіе червей въ еврейской маннѣ заставляетъ вспомнить, что изъ тамаринской манны сокъ вытекаетъ вслѣдствіе укола насѣкомаго червеца.

Но съ другой стороны существуютъ такія различія между тамарисковой манною и той, которою питались евреи, которыя дѣлаютъ невозможнымъ ихъ отожествленіе.

1) Манна Исхода собиралась въ теченіи всего года, ею безъ перерыва питались евреи 40 лѣтъ, а тамарисковая только въ іюнѣ и іюлѣ.

2) Первая не съ кустовъ собиралась, а ложилась вокругъ всего еврейскаго стана, а вторая собирается около кустовъ.

3) Первой было такъ много, что ею питается цѣлый

народъ, второй такъ мало, что, по увѣренію Станлея, всей тамарисовой манны не хватитъ на пропитаніе одного человѣка въ теченіи полугода. Евреи собирали манны ежедневно 600000 фунтовъ, т. е. въ 500 разъ больше, чѣмъ нынѣшніе бедуины въ цѣлый годъ. И это если считать, что гоморъ вѣситъ 1 фунтъ, а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ вѣсилъ 6 фунтовъ.

4) Первая падала только въ 6-ть дней недѣли, кромѣ субботы, вторая сочится каждый день въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

5) Первая портится уже на другой день послѣ сбора, вторую Тишендорфъ перевозилъ въ ящикахъ въ Европу и она нисколько не портилась.

6) Первую толкли въ ступкѣ или мололи жерновомъ, кипятили въ котлѣ, дѣлали изъ нея пироги, вкусомъ похожіе на свѣжее масло; 2 ю нельзя ни молоть ни толочь, ни дѣлать изъ нея пирожковъ.

Я не могъ узнать, говоритъ одинъ писатель, приготовляютъ ли изъ тамариновой манны хлѣбъ и лепешки. Собираютъ ее только въ дождливое время и она никогда не бываетъ такъ тверда, чтобы можно было молоть ее въ жерновахъ или толочь въ ступѣ. (Числ. 11, 8).

7) Самое важное различіе состоитъ въ томъ, что первая служила для евреевъ настоящею пищею въ продолженіи 40 лѣтъ, при томъ почти единственною. Вторая не можетъ служить въ собственномъ смыслѣ для питанія человѣка: она—слабительное средство, а не питательное вещество. Это настоящій медъ, разбавленный декстриномъ, которымъ нельзя питаться, потому что въ немъ нѣтъ азотистаго начала. Наконецъ надо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что евреи, увидѣвъ въ первый разъ манну,—очень удивились и спрашивали: что это? (ман-гу).—Очевидно они никогда не видали ничего подобнаго. Между тѣмъ тамарисковую манну они могли видѣть и прежде.

Печеніе хлѣбовъ въ древнѣйшія времена составляло у евреевъ занятіе хозяйки дома, хотя бы она, подобно Саррѣ, была большой госпожей. Поэтому,—пригласивъ

къ себѣ трехъ странниковъ, „поспѣшилъ Авраамъ въ шатеръ къ Саррѣ и сказалъ ей: поскорѣе замѣси три саты (почти 60 фунтовъ) лучшей муки и сдѣлай прѣсные хлѣбы". (Быт. 18).—И въ позднѣйшія времена было точно также. Даже во времена Давида царская дочь Ѳамарь пекла пирожки для своего брата Амнона. „У Авессалома, сына Давидова, была сестра красивая, по имени Ѳамарь. И полюбилъ ее Амнонъ, и притворился больнымъ, и пришелъ царь навѣстить его. И сказалъ Амнонъ царю: пусть придетъ Ѳамарь, сестра моя, и испечетъ при моихъ глазахъ лепешку или двѣ, и я поѣмъ изъ рукъ ея. И пошла она въ домъ брата своего Амнона; а онъ лежитъ, и взяла она муки и замѣсила, и изготовила она передъ глазами его и испекла лепешки". (2 цар. 13, 6—8) Во времена Іереміи также хозяйки дома сами пекли пирожки называемые *кавонимъ*, для принесенія въ жертву богинѣ неба Астартѣ (Іер. 7, 18—19). Впрочемъ болѣе изнѣженныя хозяйки дома обыкновенно поручали это занятіе своимъ прислужницамъ. Поэтому уже въ первой книгѣ Царствъ говорится (8, 13) что царь, котораго тогда евреи пожелали имѣть, возьметъ себѣ еврейскихъ дочерей, чтобы сдѣлать ихъ своими пекарками. Вѣроятно Давидъ имѣлъ большое число такихъ пекарокъ у себя въ услуженіи, потому что онъ для каждаго изъ огромной толпы народа, собравшейся для перенесенія ковчега завѣта, велѣлъ изготовить по хлѣбу и по лепешкѣ (2 Цар. 6, 19). О хлѣбопекахъ въ первый разъ говорится у пророка Осіи. „Когда я врачевалъ Израиля, открылась неправда Ефрема и зло дѣйства Самаріи; ибо они поступаютъ лживо. Всѣ они пылаютъ прелюбодѣйствомъ, какъ печь, растопленная пекаремъ" (7—14). Пророкъ Іеремія во время осады Іерусалима ежедневно получалъ по куску хлѣба „*изъ улицы хлѣбопековъ*". „И далъ повелѣніе царь Седекія, чтобы заключили Іеремію во дворѣ стражи и давали ему по куску хлѣба на день изъ улицы хлѣбопековъ, доколѣ не истощился весь хлѣбъ въ городѣ (Іер. 37). Надо полагать потому, говоритъ Янъ, что хлѣбопеки, отъ которыхъ получила свое названіе улица, а также хлѣбопеки, упоминаемые у про-

рока Осіи, состояли на службѣ у царей и со временемъ замѣнили собой царскихъ пекарокъ. Съ хлѣбомъ, какъ повседневная пища, употреблялось молоко, не только коровье, но и овечье, и козье,—свѣжее, густое или свернувшееся, прѣсное или кислое. Изъ молока евреи обычно не дѣлали масло, такъ какъ масло употребляли почти исключительно сливковое, а дѣлали сыръ. Посылая Давида въ станъ къ братьямъ, Іессей велитъ ему взять 10 хлѣбовъ для братьевъ и 10 сыровъ для тысяченачальника.

Теперь сыры въ Палестинѣ рѣдко бываютъ болѣе 2-хъ или 3-хъ фунтовъ. Приготовляется сыръ такимъ образомъ. Въ мѣхъ изъ козлиной шкуры наливаютъ кислаго молока и трясутъ его до тѣхъ поръ, пока отъ творога не отдѣлится сыворотка; сыворотку сливаютъ, а вмѣсто ея еще наливаютъ молока и продолжаютъ трясти мѣхъ. Образовавшійся сыръ потомъ высушиваютъ на солнцѣ, складываютъ его въ камышевыя или пальмовыя корзинки и крѣпко сжимаютъ и связываютъ ихъ. Въ такомъ то видѣ сыръ употребляется въ дорогѣ. Обыкновенно его разбавляютъ водой и употребляютъ какъ прохладительный и укрѣпляющій напитокъ (Гейки 211—214).

Кромѣ хлѣба, въ качествѣ приправы къ нему, евреи ѣли различныя овощи. Упрекая Моисея, что онъ вывелъ ихъ изъ Египта, они говорили ему: „мы помнимъ рыбу, которую ѣли въ Египтѣ даромъ, огурцы и дыни, и лукъ, и рѣпчатый лукъ, и чеснокъ (Числ. 11). Овощи на Востокѣ и въ настоящее время очень употребительны и отличаются сладостью (лукъ, рѣдька)—или нѣжностью вкуса (огурцы, цвѣтная капуста, помидоры и т. д.). Для разведенія этихъ овощей древніе евреи иногда устраивали при домахъ своихъ особые овощные сады. „И сказалъ Ахавъ Навуѳею: отдай мнѣ виноградникъ твой; изъ него будетъ у меня овощной садъ, ибо онъ близокъ къ дому моему. А вмѣсто него я дамъ тебѣ виноградникъ лучше этого, или если угодно тебѣ, дамъ тебѣ серебра сколько онъ стоитъ“. (3 Цар. 21, 2). Иногда искали этихъ овощей въ полѣ. „И сказалъ Елисей слугѣ своему: по-

ставь большой котелъ и свари похлебку для сыновъ пророческихъ. И вышелъ одинъ изъ нихъ собирать овощи, и нашелъ длинное вьющееся растеніе, и набралъ съ него плодовъ полную одежду свою, и пришелъ, и накрошилъ ихъ въ котелъ съ похлебкой" (4 Цар. 4, 37). Какъ видно изъ этого разсказа овощи иногда варили, но больше употребляли ихъ въ сыромъ видѣ. „Лучшее блюдо зелени и при немъ любовь, говоритъ Соломонъ, нежели откормленный быкъ и при немъ ненависть". (Пр. 15, 17). Въ частности чеснокъ считался возбуждающимъ средствомъ и противодѣйствіемъ ревности. Особенно любили евреи похлебку изъ бобовъ и чечевицы, за которую Исавъ продалъ свое первородство Іакову. „И сварилъ Іаковъ кушанье, а Исавъ пришелъ съ поля усталый... и далъ Іаковъ Исаву хлѣба и кушанья изъ чечевицы, и онъ ѣлъ и пилъ, и всталъ, и пошелъ, и пренебрегъ Исавъ первородство". (Быт. 25, 29—34). Бобы и чечевица, говоритъ Янъ, вскипяченные съ масломъ, распаренные и растертые въ кашу, и теперь, какъ въ древности составляютъ дорогое кушанье, которымъ лакомятся богачи и вельможи.

Лакомились еще евреи различнаго рода плодами. Такъ, въ числѣ припасовъ данныхъ Давиду слугой Мемѳивосея Сивой было „сто связокъ изюму и сто связокъ смоквъ". Винограду они могли ѣсть досыта, даже и въ чужомъ виноградникѣ. Были ли тогда въ садахъ померанцы, апельсины, лимоны, точно не извѣстно. Но нынѣ ихъ такъ много въ Палестинѣ, что почти всѣ лимоны получаются изъ Яффы или изъ Триполя,—а апельсины, въ періодъ, когда они поспѣваютъ, продаются копѣекъ по 5-ти за десятокъ. Лучшимъ плодомъ считали евреи гранатовое яблоко, т. е. собственно зерна, которыми наполнена кожуха этого плода. Они похожи на нашу костянику, но конечно гораздо вкуснѣе и прекрасно освѣжаютъ и утоляютъ жажду. Зеренъ этихъ въ каждомъ яблокѣ много, до 400. Еврей, говорится въ Талмудѣ, подобенъ гранатовому яблоку. Онъ хранитъ въ себѣ столь-

ко же спасительныхъ заповѣдей и предписаній—сколько гранатъ имѣетъ въ себѣ сладкихъ зеренъ.

Мясную пищу евреи очень любили, какъ это видно изъ того, что, будучи въ пустынѣ, они подняли плачъ „о мясахъ египетскихъ". О если бы мы умерли въ землѣ египетской, когда мы сидѣли у котловъ съ мясомъ" (Исх. 16, 3); Тоже было и позднѣе: „и сыны Израилевы сидѣли и плакали и говорили: кто накормитъ насъ мясомъ" (Числ. 11, 14). Господь въ первый разъ исполнилъ ихъ желаніе: *и наступилъ вечеръ*, читаемъ въ кн. Исходъ (16, 13—15). *И налетѣли перепела и покрыли станъ*. Была весна, пишетъ Горскій, а весною перепела огромными стаями переселяются изъ внутренней Африки въ сѣверныя страны, осенью улетая опять на теплый югъ.— Въ февралѣ они появляются въ Египтѣ, въ апрѣлѣ въ Константинополѣ, въ маѣ—въ Крыму. Ихъ бываетъ такъ много, что ихъ ловятъ даже руками; мальчики палкою убиваютъ ихъ заразъ по нѣсколько штукъ. Стаи этихъ жирныхъ птицъ направлены были дѣйствіемъ вѣтра (Псал. 77, 26, 27), по особому устроенію Божію, на станъ еврейскій, спустились тамъ и покрыли его; оставалось бить и ловить ихъ. „Перелетъ черезъ море, пишетъ Елеонскій, бываетъ для перепеловъ весьма труденъ, такъ какъ они не отличаются легкостью и быстротою полета. Въ случаѣ противнаго вѣтра множество ихъ даже гибнетъ въ морѣ. Когда же перепела массою перелетятъ черезъ море, въ изнеможеніи падаютъ на берегъ, какъ мертвыя, и лишь постепенно приходятъ въ себя, по нѣсколько дней не рѣшаются летѣть, а бѣгутъ впередъ по землѣ, да и потомъ предпочитаютъ летѣть очень близко къ землѣ (Елеонскій. Представ. жив. царства въ св. Землѣ, 118—119).

Но и послѣ поселенія въ Палестинѣ небогатые евреи употребляли мясную пищу только по праздникамъ, или на пиршествахъ, или при посѣщеніи путника или друга, котораго хотѣли особенно угостить. Вотъ постановленіе Моисеева закона о мясной пищѣ въ праздники. „Все первородное мужескаго пола, что родится отъ крупнаго

скота твоего и отъ мелкаго скота твоего посвящай Господу Богу Твоему: не работай на первородномъ волѣ твоемъ и не стриги первороднаго изъ мелкаго скота твоего. Передъ Господомъ Богомъ твоимъ каждогодно съѣдай это ты, и семейство твое, на мѣстѣ, которое изберетъ Господь Богъ твой". Дѣло въ томъ, что на жертвенникѣ сожигались часто только жирныя части животнаго, а большая часть мяса отдавалась назадъ жертвователю и изъ него онъ устроялъ трапезу для своихъ семейныхъ и друзей. „Если же будетъ на немъ, т. е. на первородномъ животномъ, порокъ—хромота или слѣпота, или другой какой нибудь порокъ; то не приноси его въ жертву Господу Богу твоему, но въ жилищахъ твоихъ ѣшь его; нечистый, какъ и чистый, могутъ ѣсть, какъ серну и какъ оленя. Только крови его не ѣшь; на землю выливай ее какъ воду (Втор. 15, 19—23).

Но богатые люди ѣли мясную пищу ежедневно. Такъ продовольствіе Соломона на каждый день составляютъ (между прочимъ): 10 воловъ (особенно) откормленныхъ (на дому) и 20 воловъ съ пастбища, и 100 овецъ, кромѣ оленей и сернъ и сайгаковъ и откормленныхъ птицъ" (3 Цар. 4, 23). Точно также Неемія вотъ что говоритъ о своемъ ежедневномъ расходѣ. „И вотъ что было приготовляемо у меня на одинъ день: одинъ быкъ, шесть отборныхъ овецъ и птицы приготовлялись у меня" (Неем. 5, 18).

Изъ различныхъ животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, на востокѣ очень высоко цѣнится разнаго рода дичь, а также ягнята и молодыя козы, которыя въ этихъ странахъ и дѣйствительно много вкуснѣе, чѣмъ у насъ. Поэтому большая часть еврейскихъ жертвъ состояла изъ однолѣтнихъ ягнятъ и козъ. Бычачье мясо въ настоящее время мало цѣнится на востокѣ и употребляется рѣдко; но у евреевъ молодые, не старѣе трехъ лѣтъ, особенно откормленные, быки считались очень вкусной и любимой пищей. „Лучше блюдо зелени и при немъ любовь, нежели откормленный быкъ и при немъ ненависть", говоритъ Соломонъ.

Въ древнѣйшее время животное для закланія избиралъ самъ хозяинъ дома, какъ бы онъ ни былъ богатъ и знатенъ. Такъ Авраамъ самъ избралъ теленка для угощенія принятыхъ имъ трехъ странниковъ; тоже сдѣлалъ и Гедеонъ для угощенія явившагося ему ангела.

Мясо животныхъ по бо́льшей части жарили, и мелкихъ животныхъ, какъ напримѣръ, пасхальнаго агнца,— жарили въ цѣломъ ихъ видѣ. „Пусть съѣдятъ мясо агнца въ сію самую ночь испеченное на огнѣ, съ пре́снымъ хлѣбомъ и съ горькими травами, пусть съѣдятъ его (Исх. 12, 8). Но иногда мясо варили. Это видно изъ исторіи сыновей Илія. „Сыновья же Илія были люди негодные. Они не знали Господа и долга священниковъ въ отношеніи къ народу. Когда кто приносилъ жертву; отрокъ священническій,- во время варенія мяса, приходилъ съ вилкою въ рукѣ своей, и опускалъ ее въ котелъ или кострюлю, или на сковороду или въ горшокъ, и что вынетъ вилка, бралъ себѣ священникъ“. (I Цар. 2, 13). Бульонъ или похлебка, являвшійся при варе́ніи мяса въ горшкѣ, также употреблялся въ пищу. „Гедеонъ, читаемъ въ книгѣ судей, для угощенія явившагося къ нему Господа пошелъ и приготовилъ козленка и опрѣсноковъ изъ ефы муки; мясо положилъ въ корзину, а похлебку влилъ въ горшокъ и принесъ ему подъ дубъ и положилъ“ (16, 19).

Между отдѣльными частями животнаго преимущественно цѣнилась плечевая лопатка. Ею угощали самыхъ избранныхъ гостей. Такъ, напримѣръ, ею угощалъ Самуилъ Саула, когда получилъ отъ Бога повелѣніе помазать его въ цари. „И сказалъ Самуилъ повару: подай ту часть, о которой я сказалъ тебѣ: отложи ее особо. И взялъ поваръ плечо и что было при немъ, и положилъ предъ Сауломъ. И сказалъ Самуилъ: вотъ это оставлено; положи предъ собою и ѣшь; ибо къ сему времени сбережено это для тебя“. (I Цар. 9, 23, 24). Описывая этотъ обѣдъ Саула у Самуила, Іосифъ Флавій говоритъ, что Самуилъ предложилъ на трапезу царственныя блюда (Древ. 6, 4, 1). Замѣтимъ еще, что правое плечо жертвеннаго животнаго

по закону предоставлялось священникамъ. Такимъ образомъ угощеніе, предложенное пророкомъ будущему царю, не только выражало почтеніе къ нему, но вмѣстѣ могло быть символомъ его будущей помазанности.

Съ другой стороны имѣя въ виду разсказъ библіи о ночной борьбѣ Господа съ Іаковомъ, при чемъ у Іакова оказалось поврежденнымъ бедро, евреи считали для себя недозволеннымъ ѣсть мясо съ бедра животнаго. Позднѣйшіе евреи распространили это запрещеніе на всю заднюю часть. Въ виду этого не совсѣмъ удобно согласиться съ мнѣніемъ профессора Еленскаго, который, принимая во вниманіе, что плечевая часть какого либо животнаго сравнительно не особенно вкусна, что задняя гораздо вкуснѣе, предполагаетъ, что подъ плечевой лопаткой разумѣется въ библіи собственно задняя часть.

Рыбный столъ евреи также очень любили. Они привыкли къ рыбной пищѣ въ Египтѣ и въ пустынѣ вспоминали о ней и горевали, что нѣтъ у нихъ рыбы Въ окрестностяхъ Генисаретскаго озера питались рыбою самые бѣдные люди. Она была для нихъ такимъ же обычнымъ кушаньемъ, какъ хлѣбъ. Такъ въ евангельскомъ разсказѣ о насыщеніи 5000 человѣкъ—читаемъ, что, у апостоловъ было только пять хлѣбовъ и двѣ рыбы". (Матѳ. 14, 17, 20). Тоже было и при насыщеніи 7000 человѣкъ (Мѳ. 15, 34). Поэтому и въ нагорной проповѣди, сказанной близь Генисаретскаго озера, Господь говоритъ: „просите и дано будетъ вамъ... Есть ли между вами такой человѣкъ, который, когда сынъ его попроситъ *рыбы*, подалъ бы ему змѣю". (Мѳ. 7, 9, 10). Говорятъ, что у древнихъ грековъ была пословица: „дать скорпіона вмѣсто голубя"; она могла быть ходячею и въ Палестинѣ во времена нашего Господа.—Въ Іерусалимѣ также любили лакомиться рыбою, особенно въ субботу. Въ книгѣ Нееміи читаемъ, что тамъ были особыя ворота рыбныя, около которыхъ, вѣроятно, былъ рыбный рынокъ. Въ той же книгѣ читаемъ: „и тиряне жили въ Іудеи, привозили рыбу и всякій товаръ и продавали по субботамъ жителямъ Іудеи и въ Іерусалимѣ. (13, 16). Это значитъ, что

жители Іерусалима не довольствовались мѣстной рыбой изъ Генисаретскаго озера, а покупали большихъ морскихъ рыбъ изъ Средиземнаго моря. Впрочемъ, рыба какую ловили въ Генисаретскомъ озерѣ, вѣроятно, никогда и не доставлялась въ Іерусалимъ, такъ какъ отъ озера до Іерусалима было три дня пути и рыбу сохранить въ свѣжемъ видѣ было невозможно...

Наконецъ бѣднѣйшіе евреи въ древнее время питались саранчею, акридами. Эта саранча, которую употребляли въ пищу, почти въ палецъ толщиною и въ палецъ длиною. Мясо ея вкусомъ походитъ на рѣчного рака. Она составляетъ обыкновенное жареное у простолюдиновъ на востокѣ. У нее отрываютъ ноги и крылья, вынимаютъ внутренности, остальныя части солятъ, затѣмъ, цѣлый рядъ саранчи втыкаютъ на деревянный вертелъ, держатъ его на огнѣ, пока саранча не изжарится, и находятъ кушанье очень вкуснымъ. Есть и другіе способы приготовлять саранчу: ее варятъ и приправляютъ масломъ; также ее сушатъ, затѣмъ, особенно при дороговизнѣ другихъ съѣстныхъ припасовъ, измалываютъ въ муку и пекутъ хлѣбы. Отсюда понятно, почему въ законодательствѣ Моисея есть особое упоминаніе о саранчѣ, какъ о пищѣ чистой. Ясно также и то, что св. Іоаннъ Креститель, когда ѣлъ акриды, питался самою простою, находившеюся въ общемъ употребленіи, пищею.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о положенномъ въ законодательствѣ Моисея раздѣленіи животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ:—чистыхъ которыхъ дозволялось ѣсть, и нечистыхъ, которыхъ евреи не должны были употреблять въ пищу. Объ этомъ подробно говорится въ 11 главѣ книги Левитъ и въ 14 главѣ книги Второзаконія. Здѣсь узаконяется, что евреи должны считать нечистыми: а) изъ *четвероногихъ* животныхъ всѣхъ тѣхъ, которыя не отрыгаютъ жвачку или имѣютъ копыта нераздвоенныя, т. е. не насквозь раздвоенныя; б) изъ *птицъ*: орла, коршуна, сокола и еще птицъ 17, по преимуществу изъ породы хищныхъ: в) изъ *рыбъ*: тѣхъ которыя не имѣютъ чешуи и плавательныхъ перьевъ; г) изъ *на-*

.скомыхъ, тѣхъ которыя не имѣютъ вмѣстѣ съ крыльями, четырехъ ногъ для хожденія и двухъ для скаканія; д) изъ *пресмыкающихся* всѣхъ змѣй и всякій пресмыкающійся гадъ". Отождествленіе еврейскихъ названій животныхъ и птицъ съ существующими нынѣ породами во многихъ случаяхъ затруднительно. Переводъ LXX вноситъ здѣсь (особенно въ ст. 15—18) еще большую спутанность. Такъ напримѣръ LXX относятъ нетопыря (летучую мышь—по еврейски atallerh, по ея виду, къ птицамъ. (см. Властовъ Священная лѣтопись; т. II. стр. 154—157).

Въ виду этого фаресеи временъ І. Христа почитали великимъ грѣхомъ проглотить какое либо насѣкомое, попавшее въ напитокъ, и потому процѣживали напитки. Это были по слову Господн. (Мѳ: 23, 24) вожди слѣпые, оцѣживающіе комара. И нынѣшніе евреи боятся такого же грѣха; при употребленіи чего либо изъ царства растительнаго, какъ то капусты, гороха, фруктовъ и пр., они тщательно перебираютъ ихъ по листочкамъ и зернышкамъ, чтобы тамъ не было нигдѣ червяковъ.

Кромѣ того запрещено было употреблять въ пищу все мертвое, издохшее, удавленное. Не должно было, по закону, ѣсть крови какого бы то ни было животнаго и ничего нельзя было ѣсть съ кровью. Ѣсть съ кровью было прямымъ нарушеніемъ закона Моисеева, который строго *запрещалъ ѣсть* заколотое животное съ *кровью* подъ угрозою явнаго или тайнаго наказанія Божьяго: „а, душа того, кто будѣтъ ѣсть кровь, истребится отъ народа его". гласилъ законъ (Лев. 17, 10, 14; 7, 26). Со всею строгостью и торжественностью воспрещалось употребленіе крови прежде всего потому, что, по библейскому взгляду, въ крови—сѣдалище жизни—душа животнаго (ср. Быт. 9, 4). Въ виду этого запрещеніе вкушать кровь имѣетъ и религіозное основаніе, такъ какъ кровь животныхъ предназначалась Богомъ для жертвенника, чтобы очищать души людей. Кромѣ этого запрещеніе могло быть направлено и противъ суевѣрія язычниковъ, которые придавали крови животныхъ какое то особенно таинственное значеніе при своихъ обрядахъ, а языческіе

жрецы иногда и пили кровь.—Могъ, наконецъ, законъ руководиться и гигіеническими требованіями, такъ какъ употребленіе крови въ жаркой странѣ вредно отражается на здоровьи человѣка (Властовъ, Св. Лѣт. Прим. къ Лев. 3, 17).—Въ связи съ запрещеніемъ ѣсть кровь находится запрещеніе употреблять мертвечину (новела) и звѣроядину (трефа). Это запрещено и въ постановленіяхъ Апостольскаго собора, (Дѣян. 4, 23, 25). По мнѣнію Талмуда *Трефъ* и *Новела* запрещаются потому, что изъ животнаго въ такомъ случаѣ не бываетъ удалена кровь.—Въ Талмудѣ есть особая глава—о Трефъ и Новелъ, именно трактатъ Хуллинъ. (въ пер. Переферковича, изд. 1903 г. 174, 224). Не должно было ѣсть тукъ жертвенныхъ животныхъ. Запрещалось варить козленка въ молокѣ его матери. „*Не вари козленка въ молокѣ матери его.*“ (Исх. 23, 19). Религіозное усердіе собравшихся на великіе праздники могло выражаться желаніемъ употребить лучшіе способы приготовленія въ пищу тѣхъ частей жертвенныхъ животныхъ, которыя были оставлены для пиршества какъ представившихъ въ жертву животное, такъ и священниковъ. Евреи и сами опытомъ могли дознать, и отъ иноземцевъ получить свѣдѣніе, что мясо, сваренное въ молокѣ, особенно любимое мясо козленка (Быт. 27, 9, Суд. 4, 9, 3, 15. I Цар. 16, 20), получаетъ особую нѣжность. Въ большой праздникъ, при святилищѣ, приготовить мясо наиболѣе вкуснымъ образомъ было достаточно побужденій. Законъ и не воспрещаетъ варить мясо въ молокѣ, онъ только воспрещаетъ употреблять для этого молоко матери козленка, потому что и естественное чувство можетъ возмущаться этимъ употребленіемъ матерняго молока для наиболѣе вкуснаго изготовленія ея дѣтеныша. Кромѣ того это постановленіе вѣроятно было направлено противъ какого нибудь языческаго злоупотребленія. Запрещалось, наконецъ, употреблять пищу идоложертвенную. (Солярскій, 5, 362 стр.).

Разбирая эти законы, одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ Шольцъ, пишетъ: „различіе чистыхъ и нечистыхъ животныхъ основывается вообще на принципѣ, высказан-

номъ въ 20 главѣ книги Левитъ": Я Іегова, Богъ вашъ который отдѣлилъ васъ отъ всѣхъ народовъ. Отличай же скотъ чистый отъ нечистаго и птицу чистую отъ нечистой и не оскверняйте душъ вашихъ скотомъ и птицею и всѣмъ пресмыкающимся на землѣ, что отличилъ Я, какъ нечистое. Будьте предо Мною святы, ибо Я святъ, Господь Богъ вашъ, и Я отдѣлилъ васъ отъ народовъ, чтобы вы были люди Мои". Израильтяне, слѣдовательно, должны были отличать чистыхъ животныхъ отъ нечистыхъ потому, что Іегова положилъ раздѣленіе между народомъ Израильскимъ и идолопоклонниками язычниками. Поэтому и въ библейскихъ образныхъ представленіяхъ народъ Израильскій сравнивается съ чистыми животными, напримѣръ съ отдѣльно пасущимися стадами овецъ (Мих. 7, 14), или съ горлицами (Пс. 29, 73), а языческіе народы и ихъ владыки изображаются подъ образомъ нечистыхъ звѣрей, напримѣръ подъ образомъ змѣй, драконовъ, крокодиловъ, львовъ, пантеръ, барсовъ и т. п. (Исх. 14, 29, 27. 1, 51, Іез. 29, 3, 32, 1. Іер. 51, 34. Дан. 7, 2). Поэтому черви и нечистыя животныя относятся въ св. Писаніи къ области идолопоклонства (Іез. 8, 9) и апостолу Петру чрезъ видѣніе нечистыхъ животныхъ, которыхъ ему повелѣно было ѣсть, дано было понять, что въ христіанствѣ разрушена преграда, отдѣлявшая евреевъ отъ язычниковъ. Основаніе, почему извѣстныя животныя считаются символомъ языческихъ народовъ, указывается въ самой природѣ этихъ животныхъ, или въ способѣ ихъ питанія и движенія. *По способу питанія* своего нечистыми признаются всѣ животныя, которыя, въ противоположность отрыгающимъ жвачку, т е. питающимся чисто растительною пищею, для поддержанія своей жизни отнимаютъ жизнь и кровь у другихъ животныхъ (какъ напримѣръ хищные звѣри и хищныя птицы), пожираютъ кровавое мясо, насѣкомыхъ, червей, падаль и др. противныя вещи, къ которымъ евреи чувствовали отвращеніе, и которые напоминали имъ мерзость идолослуженія. *По способу движенія* чистыми считались всѣ тѣ животныя, которыя твердо и вѣрно сту-

паютъ, какъ напримѣръ между четвероногими имѣющія совершенно раздвоенныя копыта, между рыбами тѣ, которыя имѣютъ плавательныя перья или чешую, помогающія имъ плавать. А ползующія всѣ были отнесены, поэтому, къ разряду нечистыхъ Какъ бы то ни было. но по Тациту законы еврейскіе о чистой и нечистой пищѣ воздвигли великое средостѣніе между евреями и другими народами древности (Separax:, epucis discreti. cubiei-bus—Hist. V, cap. 5).

Кромѣ того. по мнѣнію бл. Θеодорита, законы эти предохраняли евреевъ отъ обожанія животныхъ. „Ибо какъ они могли назвать Богомъ нечистое животное, котораго отвращались, и чистое, которое само было жертвою и снѣдалось священниками и приносившими жертву". И такъ законъ о чистой и нечистой пищѣ имѣлъ религіозную основу.

Въ этомъ же смыслѣ существуютъ и другія объясненія этихъ законовъ Моисея о животныхъ чистыхъ и нечистыхъ. Отцы церкви по преимуществу понимали ихъ въ аллегорическомъ смыслѣ, говорили, что законы эти имѣли цѣлью внушать евреямъ воздержаніе и умѣренность. Приведу здѣсь тѣ разсужденія, какія находятся по этому поводу въ 10-й главѣ посланія ап. Варнавы. Почему Моисей сказалъ: не ѣшьте свиньи, ни орла, ни ястреба, ни ворона и никакой рыбы, которая не имѣетъ на себѣ чешуи. Онъ при этомъ имѣлъ въ умѣ три глубокія мысли. Такъ, говоря о свиньѣ, онъ какъ бы такъ сказалъ: не прилѣпляйся къ тѣмъ людямъ, которые подобны свиньямъ, ибо они, живя въ удовольствіяхъ, забываютъ своего Господа, а терпя недостатки познаютъ Его. Такъ и свинья, когда ѣстъ, не знаетъ своего хозяина, а когда терпитъ голодъ—кричитъ; получивъ же кормъ, опять умолкаетъ. Не ѣшь, сказано, ни орла, ни ястреба, ни коршуна, ни ворона, т. е. не прилѣпляйся къ такимъ людямъ, которые не умѣютъ доставать себѣ пищу трудомъ и потомъ, но беззаконно похищаютъ чужое, и, ходя, повидимому, съ простотою, строятъ ковы другимъ; такъ и тѣ птицы; сидя въ бездѣйствіи изыскиваютъ слу-

чай пожрать чужую плоть и своимъ лукавствомъ причиняютъ гибель. Не ѣшь, сказано, ни ворона, ни полипа, ни каракатицы; это значитъ, не уподобляйся и не прилѣпляйся къ тѣмъ людямъ, которые всегда преданы нечестію и осуждены на смерть, такъ какъ и тѣ рыбы, однѣ изъ всѣхъ проклятыя, ходятъ только въ глубинѣ и не всплываютъ, подобно прочимъ, но живутъ въ землѣ подъ бездною.

Моисей также сказалъ: ѣшь все имѣющее раздвоенное копыто и отрыгающее жвачку. Кто разумѣется подъ скотомъ отрыгающимъ жвачку? Тотъ, кто получаетъ пищу, знаетъ своего питателя и насытившись радуется о немъ. Прекрасно сказалъ это Моисей, имѣя въ виду заповѣдь. Какую? Прилѣплятся къ тѣмъ, которые боятся Господа, размышляютъ въ сердцѣ своемъ о полученной ими заповѣди, которые бесѣдуютъ о повелѣніяхъ Господнихъ и соблюдаютъ ихъ, которые знаютъ, что то размышленіе есть дѣло радостное, и, такъ сказать, пережевываютъ слово Господне. А на что указываютъ раздвоенныя копыта? На то, что праведникъ ходитъ въ этомъ мірѣ, но ожидаетъ другого святого вѣка. Но новѣйшіе писатели, въ законахъ Моисея о пищѣ, по почину Спенсера, видятъ позднѣйшую дифференціацію древняго первобытнаго „Табу“, обозначавшаго и святое и нечистое. Такъ думаютъ Novack, Beuzinger, Bentch и др.

Напитки.

Перехожу къ разсказу о томъ, что пили древніе евреи.

Прежде всего, конечно, пили воду. Живя въ жаркой странѣ, они, очень дорожили свѣжею, чистою водой. Повторяю опять слова Господа, что кто напоитъ чашею студеной воды во имя ученика—велій наречется въ царствіи небесномъ, съ добавленіемъ, что эти слова вполнѣ понятны только для восточнаго жителя. Тамъ, на Востокѣ свѣжая, холодная вода продается; тамъ первое уго-

щеніе, которое предлагается всякому гостю—стаканъ воды съ вареньемъ.

Но любили евреи пить и вино, котораго, благодаря множеству виноградниковъ, было изобиліе. Можетъ быть первоначально евреи такъ же пользовались виноградным богатствомъ своимъ, какъ и древніе египтяне, которые считали вино дьявольскимъ напиткомъ, изобрѣтеннымъ злымъ Богомъ Тифономъ, и употребляли поэтому только свѣже-выжатый сокъ винограда. Это предположеніе подтверждается книгою Бытія (40, 11), гдѣ виночерпій фараона такъ разсказываетъ Іосифу свой сонъ: „и чаша Фараона въ рукѣ у меня. Я взялъ ягоды, выжалъ ихъ въ чашу Фараонову, и подалъ чашу въ руку Фараону". Такого рода вино, или, точнѣе свѣже-выжатый сокъ винограда, не опьяняетъ, но укрѣпляетъ человѣка.

Но впослѣдствіи евреи несомнѣнно дѣлали вино изъ винограда и иногда позволяли себѣ излишество при употребленіи вина. Извѣстно, что еще Ной позволилъ себѣ такое излишество. Соломонъ въ 23 главѣ книги Притчей очень вѣрно описываетъ гибельныя послѣдствія пьянства. Ясно, что онъ не разъ видѣлъ людей упившихся. „У кого вой, у кого стонъ, у кого ссоры, у кого горе, у кого раны безъ причины, у кого багровые глаза. У тѣхъ, которые долго сидятъ за виномъ, которые приходятъ отыскивать вина приправленнаго. Не смотри на вино какъ оно краснѣетъ, какъ оно искрится въ чашѣ, какъ оно ухаживается ровно, впослѣдствіи какъ змѣй оно укуситъ и ужалитъ какъ аспидъ; глаза твои будутъ смотрѣть на чужихъ женъ и сердце твое заговоритъ развратное; и ты будешь какъ спящій посреди моря и какъ спящій наверху мачты. И скажешь: били меня, мнѣ не было больно; толкали меня, я не чувствовалъ". По свидѣтельству пророка Исаіи даже священники и пророки преданы были пьянству, хотя и надмѣвались своимъ знаніемъ и не слушали его увѣщаній: „священникъ и пророкъ спотыкаются отъ крѣпкихъ напитковъ, побѣждены виномъ, обезумѣли отъ сикеры, въ видѣніи ошибаются, въ сужденіи спотыкаются; ибо всѣ столы наполнены отврати-

тельнок блевотиною, нѣтъ чистаго мѣста. А говорятъ: кого хочетъ онъ учить вѣдѣнію? И кого вразумлять проповѣдью? Отнятыхъ отъ грудного молока, отлученныхъ отъ сосцевъ матери? Ибо все заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного (Ис. 28—7). „Приходите, говорятъ, я достану вина и мы напьемся сикеры; и завтра то же будетъ, что и сегодня, да еще и больше" (Ис. 56, 12). Вслѣдствіе такой любви евреевъ къ вину въ Библіи есть много символическихъ образовъ, заимствованныхъ отъ опьяненія.

Чтобы усилить крѣпость вина къ нему примѣшивали различныя горькія пряности, въ особенности мирру. Въ Евангеліи Марка говорится, что Господу предъ страданіями давали пить вино со смирною, но Онъ не принялъ его. Въ Евангеліи Матѳея и Іоанна сказано, что Господу давали пить уксусъ, смѣшанный съ желчью. Вѣроятно это былъ тотъ горькій и кислый напитокъ, который приготовлялся изъ вина, смѣшаннаго съ миррою и другими горькими веществами, напитокъ быстро доводящій человѣка до безчувствія. Его предлагали казнимымъ для того, чтобы нѣсколько облегчить ихъ страданія, припоминая изреченіе Соломона: „дайте сикера погибающему и вина огорченному душею и забудетъ горе свое и не вспомнитъ больше о своемъ несчастьи". Въ книгѣ пророка Іереміи мы встрѣчаемъ дважды упоминаніе о напиткѣ съ желчью, который Іегова даетъ людямъ опредѣленнымъ на погибель. „Господь Богъ опредѣлилъ насъ на погибель и даетъ намъ пить воду съ желчью за то, что мы грѣшили предъ Господомъ" (8, 14). „Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: вотъ накормлю ихъ, этотъ народъ, полынью и напою ихъ водою съ желчью и разсѣю ихъ между народами" (9, 14). Чтобы придать вину ароматъ смѣшивали его съ различными ароматными пряностями. Говоря въ кн. Притчей о растворенномъ винѣ премудрости, Соломонъ очевидно имѣетъ въ виду такое благовонное вино. „Премудрость построила себѣ домъ, вытесала семь столбовъ его, заколола жертву, растворила вино свое, послала слугъ своихъ провозгласить: идите,

ѣшьте хлѣбъ мой и пейте вино, мною растворенное (9, 2—4). Точно также описывая Суламиту, Соломонъ въ книгѣ Пѣснь Пѣсней говоритъ: животъ твой круглая чаша, въ которой не истощается гранатное вино (7, 3). Объ ослабленіи вина примѣсью воды въ Библіи нигдѣ не упоминается. У арабовъ названіе вина, смѣшаннаго съ водою, всегда женскаго рода, какъ будто оно годно было только для женщинъ. Пророкъ Исаія говоритъ, что подмѣшивать воду къ вину значитъ только портить его. „Сребро твое стало изгарью, вино испорчено водою“ (1, 22).

Кромѣ цѣльнаго винограднаго вина евреи пили еще искуственно приготовленныя вина и напитки. Всѣ эти напитки были извѣстны подъ именемъ *сикера*. Подъ именемъ сикера, говоритъ бл. Іеронимъ, разумѣется всякій напитокъ, который опьяняетъ, будетъ ли онъ изъ пшеницы, или изъ ячменя, или изъ проса и яблочнаго сока, вываривается ли изъ сотовъ сладкое питье, или приготовляется жидкость изъ воды и сока, выжатаго изъ пальмовыхъ плодовъ. По всей вѣроятности изъ этихъ искуственныхъ напитковъ всего болѣе распространено было среди евреевъ знаменитое египетское ячменное пиво, а также общеизвѣстное вино, приготовленное изъ плодовъ финиковой пальмы—фиников, или изъ гранатовыхъ яблоковъ. Послѣдній напитокъ, по словамъ бл. Іеронима, освѣжаетъ и укрѣпляетъ. Онъ нетолько утоляетъ жаръ желудка, но и излѣчиваетъ желудочныя болѣзни другихъ внутреннихъ органовъ. Бѣдные люди у евреевъ, за обѣдомъ, за отсутствіемъ вина, омачивали хлѣбъ свой въ уксусъ, какъ это видно изъ исторіи Руѳи. „И сказалъ ей Воозъ: время обѣда; пріиди сюда и ѣшь хлѣбъ и обмакивай кусокъ твой въ уксусъ. „Уксусъ разбавленный водой, былъ также обычнымъ питьемъ у солдатъ. Въ разсказѣ евангелиста Матѳея о страданіяхъ Господа на крестѣ читаемъ: „и тотчасъ побѣжалъ одинъ изъ нихъ (изъ стоявшихъ при крестѣ воиновъ), взялъ губку, наполнилъ уксусомъ и, положивъ на трость, давалъ Ему пить. (27, 48).

Библія часто называетъ Палестину землею текущею медомъ и молокомъ. Изъ этого ясно, что молоко и медъ были обычными напитками у евреевъ. Они пили не только коровье, но также овечье и козье молоко, употребляя ихъ обычно за простымъ домашнимъ столомъ. „Довольно, читаемъ въ книгѣ Притчей, козьяго молока въ пищу тебѣ, въ пищу домашнимъ твоимъ и на продовольствіе служанкамъ твоимъ, (27, 27). Въ чемъ содержали евреи свои напитки? Нѣтъ сомнѣнія, что они не имѣли для переноски жидкостей стеклянныхъ сосудовъ, какіе въ употребленіи у насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не употреблялись евреями для храненія жидкостей и деревянныя вмѣстилища, вродѣ нашихъ кадокъ, бочекъ и т. д. Это конечно зависѣло не только отъ того, что на востокѣ мало лѣса (можетъ быть въ древности его было достаточно), но и оттого, что въ знойномъ климатѣ всякій деревянный сосудъ слишкомъ скоро разсыхался. Единственнымъ обычнымъ вмѣстилищемъ для храненія и переноски жидкостей донынѣ на Востокѣ служатъ *мѣхи*. Они предназначаются для сохраненія вина, воды, молока и елея. Устраиваются они изъ шкуръ разныхъ животныхъ: верблюдовъ, рогатаго скота, телятъ, овецъ, козъ. Для мѣха снимается цѣлая шкура со всего животнаго, отрубается только голова, ноги и хвостъ. Мѣсто, гдѣ была голова, служитъ отверстіемъ, а другія дыры зашиваются. Для того, чтобы мѣхи не пропускали содержимой въ нихъ жидкости—кожи дубятъ, т. е. набиваютъ ихъ дубовыми щепками или корой акацій, а затѣмъ обливаютъ крѣпкимъ растворомъ изъ дубовой коры. Отъ этого шерсть на кожѣ удаляется, а самая кожа дѣлается мягкою. Для большей же прочности, мягкости и непроницаемости, мѣха смазываются саломъ. Мѣха тщательно бываютъ смазаны снаружи, какъ для того, чтобы воспрепятствевать водѣ просачиваться наружу, сквозь кожу, такъ и для того, чтобы не дать возможности жидкости испаряться сквозь кожу отъ дѣйствія палящаго солнечнаго зноя. Въ особенности прочны и тщательно изготовлены должны были быть тѣ мѣха, которые предназна-

чались для сохраненія вина. Извѣстно, что кожа имѣетъ свойство расширяться до извѣстной степени; но если давленіе жидкости на нее сдѣлается довольно сильнымъ, то она прорывается; поэтому то Іовъ, для выраженія усилія, которое онъ долженъ былъ дѣлать надъ собою, чтобы не отвѣчать на безумныя рѣчи своихъ друзей, сравниваетъ себя съ мѣхомъ вина, готовымъ прорваться отъ броженія въ немъ напитка. Поэтому и Господь говоритъ: не вливаютъ вина новаго въ мѣхи ветхіе; иначе мѣхи прорвутся и вино погибнетъ. Но иногда даже новые мѣхи нарочно оставляются незавязанными на то время, пока налитое въ нихъ вино находится въ броженіи.

Евреи, конечно, нѣсколько разъ въ день принимали пищу. Первый завтракъ, называвшійся по гречески „аристонъ“, обыкновенно бывалъ у грековъ до восхожденія солнца. Евреи едва ли такъ рано завтракали. Винеръ полагаетъ, что у нихъ—завтракъ аристонъ бывалъ послѣ службы въ синагогѣ. Позже это слово обозначало полуденный обѣдъ. Нынѣ обѣдаютъ на Востокѣ вечеромъ. Евреи, кажется, обѣдали въ полдень. Такъ, въ полдень, напримѣръ, угощалъ Іосифъ своихъ братьевъ и Венададъ, царь Сирійскій давалъ обѣдъ своимъ союзникамъ подъ Самаріею (3 Цар. 20, 16). Въ книгѣ Руѳь разсказывается, что жнецы собирались въ часъ обѣда, чтобы продолжать работу до вечера, и изъ этого слѣдуетъ заключить, что по крайней мѣрѣ простонародіе обѣдало въ полдень, когда зной вынуждалъ оставить работу. Апостолъ Петръ, около шестого часа, т. е. въ полдень, почувствовалъ голодъ. „Петръ около шестого часа, читаемъ въ книгѣ Дѣян., взошелъ на верхъ дома помолиться. И почувствовалъ онъ голодъ и хотѣлъ ѣсть. Между тѣмъ какъ приготовляли и т. д.“. Пророкъ Исаія порицаетъ тѣхъ, которые, начавъ пиръ съ утра, продолжаютъ его до сумерекъ. Едва ли впрочемъ и въ полдень былъ у евреевъ настоящій обѣдъ. Ужинъ въ Палестинѣ, читаемъ у одного путешественника, играетъ роль обѣда, потому что въ другое время дня съѣдаютъ лишь по куску поджареннаго хлѣба, запивая его глоткомъ воды. Дневная жара мѣ-

шаетъ проявиться аппетиту. Зато вечеромъ, когда наступаетъ прохлада и отдыхъ,—самое удобное время для ѣды. Поэтому, когда въ библіи говорится объ обѣдѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду ужинъ.

Предъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, вымывали руки. „Зачѣмъ ученики твои преступаютъ преданіе старцевъ, говорили книжники І. Христу, ибо не умываютъ рукъ своихъ, когда ѣдятъ хлѣбъ". Предъ началомъ обѣда глава семейства, или старшій изъ обѣдающихъ, произносилъ краткую молитву или формулу благословенія. Объ этой молитвѣ предъ обѣдомъ въ первый разъ упоминается въ І-й книгѣ Царствъ (9, 13). Во времена І. Христа она была обычно прежде и послѣ каждаго обѣда и состояла въ *благословеніи*, т. е. въ благодареніи и прославленіи Бога. Мишна говоритъ объ обычныхъ благословеніяхъ хлѣба и рыбы; но благословеніе хлѣба опускалось, когда рыба была соленая, потому что на хлѣбъ тогда смотрѣли, какъ на добавленіе къ рыбѣ. Въ такихъ случаяхъ благословеніе испрашивалось только на соленую рыбу. Талмудъ говоритъ: „запрещается брать въ ротъ какую либо пищу, не поблагодаривъ за нее напередъ Бога, какъ за Его даръ".

Въ первыя времена евреи сидѣли за столомъ. „Встань, сядь и поѣшь дичи моей", говоритъ Іаковъ своему отцу Ісааку. Особенно почетнаго гостя сажали въ верхнемъ концѣ стола, въ глубинѣ обѣденной комнаты: это мѣсто указалъ Самуилъ Саулу еще прежде, чѣмъ помазалъ его въ цари (І Цар. 22); его же занималъ Саулъ въ средѣ своего семейства послѣ того, какъ сдѣлался царемъ (І Цар. 20, 25). На такое почетное мѣсто, по всей вѣроятности, дѣлаетъ намекъ Соломонъ въ кн. Притчей, когда говоритъ: „на мѣстѣ великихъ не становись, потому что лучше, когда скажутъ тебѣ, пойди сюда повыше, нежели когда понизятъ тебя предъ знатнымъ (Пр. 25, 67). Извѣстно, наконецъ, съ какою силою возставалъ Господь противъ гордыхъ и высокомѣрныхъ фарисеевъ, которые, въ подражаніе философамъ, желая прослыть

важными и значительными особами, всегда съ наглою поспѣшностью старались занять первыя мѣста.

Послѣ плѣна вошло въ обычай возлежать за столомъ. Евреи возлежали даже при пасхальной трапезѣ. Хотя по закону Моисееву повелѣвалось есть пасху стоя, но правило это не примѣнялось евреями. Въ позднѣйшія времена по Талмуду вкушеніе пищи стоя означало рабское стояніе, а возлежаніе указывало на переходъ Израиля отъ рабства къ свободѣ. Въ виду этого даже бѣднѣйшій израильтянинъ долженъ былъ ужинать возлежавъ, въ знакъ того, что онъ находится въ состояніи безопасности, спокойствія и свободы. Изъ словъ пророка Амоса (6, 4) можно заключать, что уже въ его время вельможи возлежали за столомъ на ложахъ и диванахъ изъ слоновой кости. Евреи въ позднѣйшій періодъ своей исторіи заимствовали у грековъ и римлянъ систему триклинія. Триклиніемъ назывались три возвышенныя мѣста для возлежанія, уставленныя въ видѣ буквы п. Гости возлежали поперекъ этихъ мѣстъ возлежанія съ трехъ сторонъ стола, а рабы разносили кушанья съ открытаго конца. Въ срединѣ средняго мѣста садился архитриклинъ, т. е. начальникъ пиршества, а справа и слѣва гости, смотря по важности званія или положенія въ обществѣ. Прилагаемъ рисунокъ триклинія, обозначая достоинства мѣстъ цифрами.

Каждый диванъ предназначался для трехъ персонъ, и они возлежали на лѣвомъ боку, спиною опираясь на подушку, а головою обратясь къ столу, такъ, что лѣвая рука, опиравшаяся на другую подушку, подпирала тѣло и голову, а правая оставалась свободною для ѣды и могла доставать кушанья съ невысокаго стола. Ближайшій сосѣдъ возлежалъ, склонившись головою на лоно другого (Лук. 16, 22, 23). Женщина, омывшая ноги Спасителя, проникшая въ комнату во время пира, могла преклонить колѣна позади Господа и омыть его ноги не будучи видима Имъ, такъ какъ у возлежащихъ *за столомъ ноги бываютъ откинуты назадъ*; отсюда недоговоренная Симономъ мысль, что если бы І. Христосъ былъ пророкъ, то онъ почувствовалъ бы себя оскверненнымъ ея прикосновеніемъ, хотя онъ и не смотрѣлъ на женщину. Впрочемъ... приличіе требовало при этомъ, чтобы за столомъ ноги хорошо были прикрыты одеждою.

Женщины на Востокѣ не были приглашаемы къ столу мужчинъ, а обѣдали въ особенной комнатѣ. Только въ Вавилонѣ знатныя женщины присутствовали на пирахъ мужчинъ, а Валтасаръ сажалъ за столъ вмѣстѣ съ министрами, даже и своихъ наложницъ (Дан. 5, 23).

Что касается иноземцевъ, то евреи, вслѣдствіе своихъ особенныхъ законовъ о пищѣ, какъ и египтяне не могли ѣсть ту же пищу, какъ и иностранцы. Кромѣ того самый способъ ѣды у евреевъ, состоящій, какъ увидимъ, въ томъ, что всѣ брали руками изъ одного и того же сосуда,—былъ символъ дружества обѣдающихъ. Поэтому они и не могли обѣдать вмѣстѣ съ необрѣзанными.

Столы, кресла, стулья, скатерти и салфетки на Востокѣ не употребительны, а вмѣсто стола служитъ невысокая скамейка въ полтора аршина длины, въ три четверти аршина ширины и въ 1 аршинъ высоты. На такомъ столѣ, покрытомъ сверху кожей,—не имѣется никакихъ столовыхъ приборовъ; на него поставляется только блюдо съ кушаньемъ. Иногда эти столы бываютъ не больше четверти отъ земли, и не покрываются сверху; а иногда даже ставятъ кушанье на простую кожу, по-

сланную на полу. Насколько просты были столъ и сѣдалище восточныхъ, настолько же простъ и способъ ѣды ихъ. Они, какъ и вообще древніе, не употребляли при этомъ ни тарелокъ, ни ножей, ни ложекъ, ни вилокъ, да эти орудія имъ и не нужны. Вмѣсто тарелки у древнихъ народовъ, какъ я уже говорилъ, служилъ тонкій круглый хлѣбецъ, на который кладется то, что мы кладемъ на тарелку. У евреевъ такого обычая, впрочемъ, не было. Хлѣбъ они разламываютъ, а мясо подается уже нарѣзанное маленькими кусочками. Разрываютъ его также пальцами и берутъ его, также какъ рисъ, зелень и другія кушанья, съ деревяннаго, или же красиво вылуженнаго мѣднаго блюда, и подносятъ ко рту пальцами правой руки. Даже соусъ и молоко ѣдятъ, обмакивая въ нихъ хлѣбъ рукой, и потому не нуждаются въ ложкахъ. Такъ дѣлалось въ древности, такъ дѣлается и теперь во всѣхъ восточныхъ странахъ. Такъ жнецы, по свидѣтельству книги Руѳь, (2, 14) макали свой хлѣбъ въ кислый соусъ или уксусъ. Во дни Іисуса Христа имѣли обыкновеніе ѣсть такимъ же образомъ. „Опустившій со Мною руку въ блюдо, этотъ предастъ Меня“ (Матѳ. 26—23). Слова эти ясно указываютъ, что ученики брали со Христомъ изъ одного блюда. Да иного нельзя было и предполагать, такъ какъ только враги не дѣлаютъ этого. Ѣсть изъ одной миски означало дружбу, довѣріе, миролюбіе, и потому было особенно удивительно, что Іуда, который ѣлъ изъ одного блюда съ Господомъ, былъ объявленъ предателемъ. Вѣроятно дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Іисусъ и прежде говорилъ Своимъ ученикамъ, что одинъ изъ нихъ Его предастъ. Іуда, побуждаемый къ этому нечистою совѣстью, поспѣшилъ одновременно съ Господомъ взять изъ блюда, чтобы воочію показать, что онъ вполнѣ благонадеженъ. Но въ ту же минуту Господь указалъ на него, какъ на лицемѣра и предателя.

Указанный способъ ѣды объясняетъ также, почему фарисеи такъ роптали на то, что Іисусъ ѣлъ вмѣстѣ съ мытарями и грѣшниками (Матѳ. 9, 11). По восточнымъ обычаямъ Іисусъ ничѣмъ не могъ безспорнѣе засвидѣ-

тельствовать свою дружбу и любовь къ грѣшникамъ, какъ тѣмъ, что Онъ съ „грѣшниками“ сидѣлъ на одной циновкѣ и ѣлъ изъ одного блюда. Обыкновеніе ѣсть изъ одной миски, и то, что оно служило выраженіемъ дружбы,—объясняетъ и повелѣніе апостола Павла сторониться еретиковъ: „съ такими даже и не ѣсть вмѣстѣ“. (I Кор. 5, 11). Въ частности объ общеніи въ пищѣ съ самарянами іудеи говорили: „пробующій хлѣбъ самарянъ подобенъ тому, кто ѣстъ мясо свиньи“.

Напитки подавались въ чашахъ или стаканахъ, какъ это и теперь водится на Востокѣ. Въ древности для каждаго гостя назначался особенный стаканъ или чаша, и потому чаша часто служила символическимъ изображеніемъ судьбы человѣка. Молясь передъ страданіями Своими въ саду Гефсиманскомъ, Господь молилъ Отца Своего: да мимо Его идетъ чаша сія, т. е. чаша страданій. Это было древне-библейское выраженіе. „Дождемъ прольетъ Онъ, говоритъ псалмопѣвецъ, на нечестивыхъ горящіе угли, огнь и сѣру: „и палящій вѣтеръ ихъ доля изъ чаши“ (Пс. 10, 6). И въ другомъ мѣстѣ: „Чаша въ рукѣ Господа; вино кипитъ въ ней, полнѣе смѣшенія, и Онъ наливаетъ изъ нея (Пс. 74, 9) и еще: „Чашу Господню пріиму и имя Господне призову“ (Пс. 115, 4). Такъ говоритъ Господь Богъ твой, читаемъ у пророка Исаіи: я беру изъ руки твоей чашу опьяненія, дрожди изъ чаши ярости моей, ты не будешь уже пить ихъ,—и подамъ ее въ руки мучителямъ твоимъ“ (51, 22). „И взялъ я чашу изъ руки Господней, говоритъ пророкъ Іеремія, и напоилъ изъ нея всѣ народы, къ которымъ послалъ меня Господь“ (Іер. 25, 17). „Ты, говоритъ пророкъ Іезекіиль объ Іудеѣ, ходилъ дорогою сестры твоей (Самаріи); зато и дамъ въ руки твои чашу ея. Такъ говоритъ Господь Богъ: ты будешь пить чашу сестры твоей, глубокую и широкую, и подвергнешься посмѣянію и позору, по огромной вмѣстительности ея;—опьяненія и горести будетъ она исполнена. Чаша ужаса и опустошенія—чаша сестры твоей Самаріи. И выпьешь ея и осушишь, и черепки ея оближешь, и груди твои истерзаешь.

(23, 31—33). Египтяне и римляне пили вино только послѣ обѣда; арабы и въ настоящее время рѣдко пьютъ во время обѣда, а начинаютъ пить уже послѣ того, какъ встанутъ изъ-за стола. Персы пили и до обѣда и послѣ обѣда. Относительно евреевъ ничего вѣрнаго на этотъ счетъ неизвѣстно.

У богатыхъ людей на праздникахъ играла музыка и пѣли пѣвцы. Такой же пріемъ гостей имѣлъ мѣсто на религіозныхъ праздникахъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ члены семьи, не исключая рабовъ. Между родственниками поддерживались дружественныя отношенія. Справлялись другъ у друга о здоровьѣ, при встрѣчахъ цѣловались, уходящихъ родныхъ провожали съ музыкой и пѣніемъ. По случаю различныхъ радостныхъ событій въ семьѣ устраивали угощенія, заранѣе приглашая на эти пиршества. „На Востокѣ приглашенные на пиръ гости, пишетъ одинъ изъ путешественниковъ, увѣдомляются за нѣсколько дней до пиршества и затѣмъ имъ напоминается въ самый день, черезъ особо разосланныхъ утромъ того же дня слугъ. Опущеніе этого послѣдняго напоминанія составляетъ крупное нарушеніе этикета, равняющееся уничтоженію первоначальнаго приглашенія. Отказъ отъ вторичнаго приглашенія признается обидою и равносиленъ у арабскихъ племенъ объявленію войны.“

Въ какихъ широкихъ размѣрахъ предлагается угощеніе на званныхъ обѣдахъ видно изъ слѣдующаго примѣра. По случаю брака въ семействѣ одного арабскаго князя, по имени Саута, говоритъ Буркгартъ, отецъ невѣсты пригласилъ къ себѣ всѣхъ гостей въ первый день брака. Онъ убилъ по этому случаю 40 верблюдовъ и 500 овецъ. На другой день Саутъ пожертвовалъ для пира 100 верблюдовъ и 800 овецъ... каждый день надо было насыщать отъ 400 до 500 человѣкъ.

Но въ особенности евреи отличались гостепріимствомъ по отношенію къ странникамъ.

Ученіе раввиновъ о *гостепріимствѣ* изложено въ Талмудѣ слѣдующимъ образомъ. Пусть домъ твой, согласно заповѣди, будетъ широко открытъ на югъ, востокъ,

западъ и сѣверъ, подобно тому, какъ Іовъ устроилъ въ жилищѣ своемъ четыре двери, дабы бѣдные не затруднялись обходить кругомъ. Если кто приходилъ съ сѣвера, то могъ прямо войти, если приходилъ съ юга и другихъ сторонъ, могъ поступать также. Такова причина, почему Іовъ устроилъ четыре двери въ своемъ домѣ.—Пусть бѣдные считаются членами твоей семьи, пусть они говорятъ о томъ, что ѣли и пили у тебя, какъ говорили про Іова. Когда великое несчастье постигло его, онъ сказалъ передъ святымъ: „одинъ ли я съѣдалъ кусокъ мой, и не ѣлъ ли отъ него и сирота. (31, 17). Но, отвѣтилъ Іову святый: Іовъ, ты и въ половину не достоинъ совершенства Авраама. Ты сидѣлъ и ждалъ въ своемъ домѣ, пока посѣтители придутъ къ тебѣ; а Авраамъ сидѣлъ у входа въ шатеръ и приглашалъ приходящихъ зайти къ нему.“ Св. І. Златоустъ говоритъ, что гостепріимство Сарры испросило ей плодородіе у Бога. Лотъ призналъ нужнымъ не щадить даже своихъ дочерей, чтобы поддержать святость гостепріимства. Раавъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, была не блудница, а содержательница гостинницы. Оказавъ услугу соглядатаямъ, она послѣ стала женою Самсона, князя дома Іудина, и родила Вооза. Должно впрочемъ думать, что Воозъ былъ потомкомъ Раавы, а не сыномъ въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны талмудъ указываетъ и примѣръ наказанія за негостепріимство Почему жена Лота обращена въ соляной столбъ? Потому, отвѣчаютъ раввины, что въ предшествовавшій вечеръ, когда Лотъ попросилъ у нея соли, чтобы посолить пищу гостей, она отказалась подать ее, имѣя подобно Содомлянамъ, нерасположеніе къ чужестранцамъ. У есеевъ гостепріимство было религіозной обязанностью. Во всякомъ городѣ, гдѣ они живутъ, пишетъ Флавій, (Война 2, 8, 4) есть особо назначенный попечитель о странникахъ, который заботится объ ихъ одеждѣ и другихъ необходимухъ вещахъ.

По этому, отправляясь на проповѣдь, апостолы по заповѣди Господа не должны были брать съ собой почти ничего. Для ихъ содержанія достаточно было гостепріим-

ства, которое такъ строго соблюдается на востокѣ и нерѣдко даетъ широкое удобство для распространенія новыхъ идей. „Гость на Востокѣ, пишетъ Ренанъ, имѣетъ огромное значеніе, онъ пользуется большей властью въ домѣ, чѣмъ хозяинъ, который обязанъ оказывать ему величайшее довѣріе. Эта проповѣдь у домашняго очага, какъ нельзя болѣе удобна для распространенія новыхъ ученій. Отнимите восточное гостепріимство и распространеніе христіанства невозможно будетъ объяснить.—Замѣтимъ отъ себя, что особенно былъ дорогъ гость изъ дальней стороны, много путешествующій и много видѣвшій. Вѣдь тогда не было газетъ.

Блага земныя, идущія въ пищу и питье,—отъ Господа. Господь обѣтовалъ въ изобиліи дать ихъ Своему народу. „И придутъ они, и будутъ торжествовать на высотахъ Сіона; и стекутся къ благостынѣ Господа, къ пшеницѣ и вину и елею, къ агнцамъ и воламъ и душа ихъ будетъ какъ напоенный водою садъ, и они не будутъ уже болѣе томиться... И напитаю душу священниковъ тукомъ, и народъ Мой насытится благами Моими, говоритъ Господь“ (Іер. 31, 12—14). Но пресыщеніе этими благами не ведетъ къ добру и порицается въ Священномъ Писаніи. „Кто любитъ веселье,—обѣднѣетъ, а кто любитъ вино и тукъ—не разбогатѣетъ (Пр. 20, 14).“ „Горе тѣмъ, которые съ ранняго утра ищутъ сикеры и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ. Горе тѣмъ, которые храбры пить вино и сильны приготовлять крѣпкій напитокъ“. (Екк. 10, 16—17). „Горе тебѣ, земля, когда царь твой отрокъ и когда князья твои ѣдятъ рано. Благо тебѣ, земля, когда царь у тебя изъ благороднаго рода и князья твои ѣдятъ во время, для подкрѣпленія, а не для пресыщенія“.

Сдѣлавъ общій очеркъ того, что и какъ ѣли и пили древніе евреи, дополнимъ его сообщеніями путешественниковъ о томъ, какъ питаются палестинскіе жители въ настоящее время.

„Какое кушанье подаютъ тамъ на первую смѣну? Нашихъ щей, нашего вкуснаго борща, пишетъ о. прото-

іерей Ѳоменко, тамъ не знаютъ. А кашу кушаютъ. Тамъ это очень распространенное кушанье, какъ и у насъ. Что же подаютъ вмѣсто щей? На тѣхъ обѣдахъ, на которыхъ мнѣ приходилось угощаться, первое блюдо состояло изъ порѣзанныхъ на круглыя части помидоровъ (а какъ они превосходно дозрѣваютъ на Востокѣ, и какъ они вкусны тамъ!); къ этимъ помидорамъ добавлялись маслины, сладкій лукъ, изрѣдка чеснокъ; (лукъ и чеснокъ въ Палестинѣ и Египтѣ очень вкусныя и любимыя приправы къ столу) капорцы и оливковое масло. Всѣ эти принадлежности перваго кушанья перемѣшивались вмѣстѣ въ одномъ блюдѣ, подавались въ сыромъ видѣ и ихъ брали изъ блюда руками. Греки называютъ это блюдо: *салатиконъ*. Оно общеупотребительное кушанье во всей Палестинѣ и Сиріи. Другое общеупотребительное кушанье тамъ, какъ и у насъ—это каша. Наименьше мнѣ приходилось встрѣчать кашу въ видѣ разваренаго риса. Чаще мнѣ приходилось угощаться кашей изъ мелкихъ пшеничныхъ и ячменныхъ крупъ. Вмѣсто масла кашу иногда посыпаютъ душистыми сладковатыми зернышками гранатовыхъ яблокъ. Такой кашей въ первый разъ я былъ угощенъ въ Виѳлеемѣ. Простой народъ въ Св. Землѣ главнымъ образомъ питается кашей изъ пшена, носящаго тамъ названіе: дурры. Эта дурра чрезвычайно изобильно родится въ Палестинѣ и Египтѣ. Стеоель ея въ Палестинѣ бываетъ до 1 саж. высоты и приноситъ урожай самъ-пятьдесятъ и болѣе. Эта пища бѣдныхъ феллаховъ и вообще рабочаго люда.

Если трапеза предлагается въ домѣ достаточныхъ хозяевъ, то къ ней могутъ подать въ скоромные дни зажаренную баранину, изрѣзанную на мелкія части (шашлыкъ). Мнѣ не приходилось видѣть, чтобы къ столу подавалось жаркое изъ птицъ. Это встрѣчается только въ домѣ какого либо европейскаго выходца. О жаркомъ изъ свиного мяса на Востокѣ нечего и спрашивать. Это значитъ обидѣть восточнаго человѣка. Теперь, однако же, нѣмецкіе колонисты изготовляютъ тамъ консервы и изъ свинины. Рыбный столъ во время поста въ Св. Градѣ

очень дорогъ, и имъ питаются только тѣ, кому позволяютъ средства получать рыбу или изъ Іордана, или морскую рыбу изъ Яффы. И рыбный столъ тамъ вкуснѣе скоромнаго. Большинство народа во время поста довольствуется или растительной пищей, или салатикономъ и кашей. Въ 1894 году я весь Петровъ постъ довольствовался безъ рыбы, за исключеніемъ двухъ случаевъ, когда почтенная Русская схимонахиня М., случайно получивъ рыбу изъ Іордана, пригласила меня къ обѣду на Іорданскую рыбу, (рыба имѣла видъ нашихъ карасей).

На третье блюдо изрѣдка подаютъ сладкія печенья, и это только въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣются свободныя руки, могущія приготовить сладкіе пирожки. Въ большинствѣ случаевъ въ концѣ обѣда даютъ разные плоды, созрѣвающіе къ тому или другому времени года. Въ весенніе мѣсяцы подаютъ апельсины и мандарины; въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ подаютъ свѣжія смоквы, или винныя ягоды, плоды кактуса, растущія въ св. Землѣ въ большомъ изобиліи, гранатовыя яблоки, которыми полны многочисленные сады Хеврона, виноградъ, дули и арбузы. Нашихъ вкусныхъ яблокъ, грушъ, сливъ, вишень и черешень я почти не встрѣчалъ въ св. Землѣ. Разъ только видѣлъ маленькіе яблоки, которыми въ Геѳсиманіи, послѣ ранней литургіи, угощали греческія духовныя лица нашихъ паломниковъ, предлагая имъ книги для записей именъ для поминанія у Гроба Пресвятыя Богородицы. Финиковыя пальмы уцѣлѣли только у Филистимскихъ береговъ Средиземнаго моря; въ Іерусалимѣ же финиками не угощаются, такъ какъ на весь Св. Градъ имѣется только одна, или двѣ пальмы,— и тѣ растутъ въ недоступномъ саду армянской патріархіи. Финики въ Св. Градѣ угощеніе привозное. Привозное тамъ угощеніе и плоды банана. Кстати замѣтить, что банановое дерево, имѣющее огромныя и широкія листья, носитъ на Востокѣ названіе: Адамоваго дерева, такъ какъ, по мѣстному преданію, послѣ грѣхопаденія, Адамъ сшилъ съ этого дерева именно листвіе смоковное и сотворилъ себѣ препоясаніе. Препоясаніе Адамово изъ листьевъ винной ягоды, или по гречески

сики, есть преданіе классическихъ народовъ, но не палестинское.

Какія питія употребляются обыкновенно на Востокѣ? Ключевая вода-живая вода, дождевая вода изъ цистернъ, которыя устрояются почти при каждомъ домѣ, черное кофе, раки, вино и мастика. Нашъ чай и хлѣбная водка неизвѣстны мѣстному восточному человѣку. Обыкновенно день на востокѣ начинается послѣ утренней молитвы, тѣмъ, что пьютъ маленькую, небольше нашей рюмки, чашку чернаго кофе. Послѣ кофе подаютъ стаканъ холодной воды. Такъ это дѣлается у мѣстныхъ состоятельныхъ обывателей. Греки начинаютъ день тѣмъ, что съѣдаютъ ложечку варенья (глики) и запиваютъ его студеной водой. При этомъ выпиваютъ рюмку мастики, имѣющей сходство съ нашимъ ликеромъ. Мастика приготовляется тамъ въ домѣ, а не покупается въ лавкѣ. Часто утромъ тамъ кушаютъ натощакъ свѣжіе плоды. Покойный нашъ архимандритъ Антонинъ по утрамъ, послѣ обѣдни, натощакъ угощалъ меня свѣжими плодами кактуса и самъ очень любилъ по утрамъ эти сладкіе плоды. Онъ говорилъ, что усвоилъ себѣ этотъ обычай у греческаго духовенства. Когда на разсвѣтѣ 16 іюня 1894 года, я, послѣ литургіи на Гробѣ Господнемъ, получилъ приглашеніе на утреннюю трапезу святогробской братіи, то на сей трапезѣ были предложены мнѣ: чашка чернаго кофе, рюмка раки, свѣжіе огурцы, и свѣжіе потребники. Трапеза эта предлагается часа въ три ночи, какъ у насъ бываетъ розговѣніе на Пасху. Послѣ трапезы святогробское духовенство отправляется на отдыхъ. А мы, паломники, ожидаемъ 6 часовъ утра, когда турецкая стража отпираетъ двери храма Гроба Господня.

Въ теченіи дня на Востокѣ поддерживаютъ себя больше прохладительнымъ питьемъ, чѣмъ горячей пищей. Во время жары самъ организмъ отказывается отъ твердой пищи. Подкрѣпивши свои силы рано утромъ, тамъ учреждаютъ трапезу только вечеромъ, по закатѣ солнца, когда спадетъ дневной зной. Такъ было въ Св. Землѣ и тысячелѣтія до нашего времени. И притча Господня

говоритъ: Человѣкъ нѣкій сотвори *вечерю* велію и зва мнoги: и посла раба своего въ годъ вечери рещи званнымъ: грядите, яко уже готова суть вся.

Вино въ Св. Землѣ хорошаго достоинства До переселенія туда въ послѣднее тысячелѣтіе нѣмецкихъ колонистовъ, тамъ неизвѣстна была широкая европейская практика фальсификаціи винъ. Вино продавалось цѣльное, не крѣпкое, темно-коричневаго цвѣта. Поддѣлокъ разныхъ хересовъ, мадеръ и портвейновъ не было. Лучшаго достоинства вино носило общее греческое названіе: командерія. По цѣнѣ оно очень не дорого, копеекъ 15—20 бутылка. Но, не смотря на эту дешевизну вина на Востокѣ, его пьютъ мало. Турки, согласно приказанію своего корана, вовсе не пьютъ крѣпкихъ напитковъ, т. е. собственно говоря, не пьютъ открыто при людяхъ, но не отказываютъ себѣ пить втихомолку. Греки мало вина пріемлютъ, стомаха ради. За неумѣренное употребленіе вина на Востокѣ солнечный ударъ можетъ дать весьма чувствительное предостереженіе. Такой случай имѣлъ мѣсто съ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, позволившимъ себѣ, 6 января на Іорданѣ, послѣ освященія воды въ Св. рѣкѣ и послѣ погруженія всѣхъ паломниковъ въ священныхъ струяхъ Іорданскихъ, лишнее испить у еврея-кабатчика, устроившаго свою питейную лавочку съ ракіей здѣсь же, въ тылу паломническаго стана. Невоздержанный нашъ паломникъ нашелъ для себя могилу на берегу Іордана.

Самый крѣпкій напитокъ на Востокѣ-это раки. Раки не есть сикеръ, упоминаемый въ Евангеліи;. это открытіе позднѣйшаго времени. Мнѣ говорили, что раки есть та же водка, получаемая отъ перегона не хлѣбныхъ зеренъ т. е. не хлѣбное вино, а добывается отъ перегона виноградныхъ косточекъ и виноградной шелухи; это виноградное, спиртное, крѣпкое вино. Не думаю, что бы раки употребляли на Востокѣ въ большомъ количествѣ, такъ какъ, во время двукратныхъ моихъ путешествій въ Св. землю, на улицахъ большихъ восточныхъ городовъ, каковы: Константинополь, Смирна, Александрія, Каиръ

и Бейрутъ, а также малыхъ, уединенныхъ селъ, я не видѣлъ ни одного пьянаго, валяющагося на землѣ человѣка.

На Востокѣ всѣ блюда къ обѣду подаются вмѣстѣ, заразъ, а не поочередно. Вино и другія питія пьютъ по окончаніи обѣда. Передъ обѣдомъ же допускается рюмка раки и соленая закуска. Все это вполнѣ цѣлесообразно съ климатомъ страны и указаніями гигіены.

Приведу еще разсказъ одного путешественника объ обѣдѣ на сельскомъ праздникѣ въ Ильинъ день въ селеніи Маломъ въ 1 $^1/_2$ часахъ пути отъ Назарета (Сооб. П. О. 1906 г. вып. 4, стр. 572—575).

„Почетные гости были приглашены на обѣдъ къ мухтару (старостѣ села). Обѣдъ былъ накрытъ въ виноградникѣ. На большой площадкѣ для сидѣнія гостей были разосланы циновки. Для митрополита былъ приготовленъ коверъ. Циновки образовали кругъ, въ серединѣ котораго была постлана бѣлая скатерть. Гости и хозяева сѣли за столъ по-турецки т. е. поджавъ ноги. Также усѣлся и митрополитъ. Перемѣнъ никакихъ не было, а все, что было изготовлено для гостей, находилось передъ ними. Тутъ былъ хлѣбъ, ключевая вода въ кувшинахъ съ узкими горлышками, красная рѣдиска, виноградъ, абрикосы, два огромныхъ мѣдныхъ вылуженныхъ таза съ рисомъ и накрошенной бараниной 10 чашъ, по формѣ напоминающихъ полоскательницы, съ подливкою къ этому кушанью.—жареные съ мясомъ помидоры; нѣсколько мисокъ съ жареными на лепешкахъ цыплятами. Вина не было, какъ не было и такихъ необходимыхъ принадлежностей стола, каковы ножи, вилки и ложки. Всѣ ѣли изъ общихъ чашекъ руками, вымытыми передъ тѣмъ, какъ приступить къ обѣду. Женщины на обѣдахъ не присутствовали Приглашенные на обѣдъ два европейскихъ туриста не безъ брезгливости смотрѣли на трапезующихъ и, кажется, только благовоспитанность мѣшала имъ отказаться отъ участія въ обѣдѣ. Митрополитъ, замѣтивъ ихъ смущеніе, указалъ на обычаи страны и между прочимъ добавилъ: я съ большимъ удовольствіемъ всегда принимаю участіе въ этихъ деревенскихъ

трапезахъ, напоминающихъ мнѣ патріархальныя времена и времена первыхъ христіанъ. Самъ нашъ Божественный Учитель, жившій въ этой странѣ, трапезовалъ со своими учениками при такой же незатѣйливой сервировкѣ стола".

Обѣдъ кончался неизбѣжнымъ на Востокѣ чернымъ кофе, который пили по-арабски, безъ сахара; а въ заключеніе обѣдающіе вновь умывали руки.

Приведу наконецъ разсказъ путешественника объ обѣдѣ у богатаго шейха (Сѣверный Вѣстникъ, 1894 № 11, Стр. 42).

Хозяинъ приглашаетъ насъ въ столовую. Этикетъ требуетъ, чтобы мы, гости, шли впереди, а хозяинъ замыкаетъ шествіе. Размѣщаемся на мѣстахъ, указанныхъ хозяиномъ, хотя онъ предупреждаетъ, что за его столомъ всѣ дорогіе гости одинаково близки его сердцу. Садимся на низкую, широкую скамейку, передъ которой длинный, сравнительно невысокій, столъ, безъ скатерти, но весьма чистый, какъ бы полированный. Деревянная посуда, оригинальные блюда, плетеныя изъ соломы пестрой расцвѣтки ложки, двурогія вилки и полное отсутствіе ножей и солонокъ характеризуетъ арабскую трапезу. Слуги подаютъ первое блюдо-вареное мясо, приправленное по туземному разварными бобами, зеленымъ горохомъ и тонкими ломтиками сельдерея. Размѣры заготовленнаго очень велики, такъ какъ на Востокѣ есть правило—„не давать гостю послѣдняго куска". Блюдо поставлено передъ хозяиномъ и онъ, къ немалому нашему изумленію, начинаетъ отбирать лучшіе куски къ себѣ на тарелку. Однако это только одинъ изъ видовъ хлѣбосольства, доведеннаго до изумительной тонкости „Возьми, какъ другъ, лучшій кусокъ съ моей тарелки", говоритъ хозяинъ, и при этомъ быстро раскладываетъ отобранное себѣ мясо каждому гостю. Потомъ блюдо обносится слугами, чтобы каждый взялъ себѣ сколько можетъ скушать. У туземцевъ не принято оставлять кушанье недоѣденнымъ на тарелкахъ Только заклятый врагъ, или желающій умышленно обидѣть хозяина, не доѣстъ предложеннаго, оказавъ, такимъ образомъ, какъ бы пренебреженіе его столу и гостепріим-

ству. А всѣхъ перемѣнъ бываетъ пять или шесть, (между прочимъ жирный пловъ) и въ концѣ обѣда приторно-сладкія лепешки изъ какого то страннаго тѣста, жареныя въ салѣ и обильно посыпанныя коринкой. Арабы ѣдятъ ихъ съ наслажденіемъ, тщательно облизывая пальцы. Не попробовать каждаго блюда считается неприличнымъ. Мой сосѣдъ возмутился этимъ множествомъ блюдъ. Туземцы переглянулись въ недоумѣніи. Но хитроумный драгоманъ съ наивнымъ видомъ простака немедленно перевелъ хозяину и его гостямъ, что почтенный русскій ученый изумленъ щедротами Аллаха, который даетъ правовѣрнымъ столь обильную пищу. Улыбка удовольствія озарила лицо хозяина;—онъ изумляетъ европейцевъ, это такъ лестно и сравнительно достигается пустяками. На столѣ стояли фрукты, но намъ ихъ не предложили. Здѣсь это не принято, сказалъ намъ драгоманъ. Развѣ можно потчевать гостей тѣмъ, что не стоитъ на рынкѣ и одного піастра.

Одежда.

Во время пребыванія въ раю Адамъ и Ева не имѣли одежды. „И были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились (Б. 2, 3 §). Когда они согрѣшили, открылись глаза ихъ; они увидѣли, что наги и сдѣлали себѣ препоясанія изъ смоковничныхъ листьевъ, отличавшихся большой величиной... „И сшили смоковничьи листья и сдѣлали себѣ опоясанія“ (Б. 3, 7). Изгнавъ ихъ изъ рая, Богъ далъ имъ для прикрытія одежды кожанныя. „И сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды кожанныя и одѣлъ ихъ“. (Б. 3, 21) Богъ далъ первымъ людямъ одежды кожанныя. Эти одежды они могли приготовлять, только убивъ животное. Смерть животнаго должна была имъ напоминать и объ ихъ смертности, о томъ, что они сами достойны смерти и рано или поздно должны будутъ умереть. Это одѣяніе, одежда кожанная, какъ Богомъ данная, была потомъ обычнымъ одѣяніемъ всѣхъ подвижниковъ. „Тѣ, которыхъ весь міръ былъ недостоинъ, говорилъ ап. Павелъ, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія“. (Евр. 11, 37).

Скоро евреи, пастухи стадъ, пришли къ мысли стричь овецъ и приготовлять одежду изъ шерсти. Іудеи приписываютъ это изобрѣтеніе Ноемѣ, сестрѣ ковача Θовела. Во всякомъ случаѣ это изобрѣтеніе очень раннее. Въ Библіи говорится о Лаванѣ, что онъ пошелъ стричь скотъ свой,—объ Іудѣ, что онъ пошелъ въ Θамнафу къ стригущимъ скотъ его и т. д. Упоминается, что Ревекка покрывалась покрываломъ, что Іаковъ подарилъ Іосифу разноцвѣтную одежду, а въ книгѣ Іова упоминается о ткацкомъ челнокѣ.—Въ Египтѣ евреи научились приготовленію полотенъ изъ льна Въ Св. Писаніи не разъ упоминается о льнѣ Египетскомъ (Притчи 7, 7, 16; Іезек. 27, 7). Египетскія льняныя издѣлія славились и въ христіанскія времена. Раввинъ Веніаминъ Тудельскій говоритъ о льняной фабрикѣ въ Даміеттѣ. „Большая часть ученыхъ думаютъ, говоритъ Гасселькквистъ, что египетскій ленъ былъ такого превосходнаго качества, которому мы въ настоящее время и подражать не можемъ. Но если сравнить голландское полотно съ тѣмъ, въ которое завернуты египетскія муміи и которое выдѣлано на древнихъ и лучшихъ фабрикахъ Египта, то такъ прославленное египетское полотно покажется намъ довольно грубымъ. Бумажныя ткани въ библейскія времена, какъ кажется, не были извѣстны нигдѣ кромѣ Персіи. Правда, есть много ученыхъ, которые утверждаютъ противное и говорятъ, что священныя одежды еврейскихъ священниковъ сдѣланы были отчасти и изъ бумажныхъ тканей (См. Ключаревъ Исторія ветхозавѣтнаго священства стр. 75). Но это несправедливо. О бумажныхъ тканяхъ упоминается только въ книгѣ Есфирь (Есф. 1, 6). Бумажныхъ тканей не находятъ и на египетскихъ муміяхъ древнихъ временъ (до Александра Македонскаго).

Сомнительно, что до греческаго періода знали въ Палестинѣ и *шелкъ*, который теперь представляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности Ливана.

Шерсть овецъ и козъ, верблюжій волосъ и льняное полотно составляли единственный матеріалъ, который въ

древности вырабатывался въ Палестинѣ для устройства одеждъ.

Моисей въ своемъ законадательствѣ не разъ говоритъ, чтобы евреи не дѣлали одеждъ изъ шерсти и льна вмѣстѣ „Въ одежду изъ разныхъ нитей, изъ шерсти и льна, не одѣвайся“ (Лев. 19, 19). „Не надѣвай одежды изъ разныхъ веществъ, изъ шерсти и льна вмѣстѣ“ (Втор. 23, 11). Нынѣшніе евреи въ виду этого запрещенія не шьютъ нынѣ для себя шерстянаго платья льняной ниткой и бумажнаго платья шерстяной ниткой...

Говоря о матеріалѣ еврейскихъ одеждъ, нужно замѣтить, что въ Палестинѣ, и вообще на Востокѣ шерстяныя ткани были гораздо дешевле, чѣмъ льняныя и бумажныя, такъ какъ, при широкомъ развитіи скотоводства, шерсть имѣла незначительную цѣнность. Поэтому мужская одежда на Востокѣ была по преимуществу шерстяная, а женская льняная. Поэтому же, а можетъ и въ предупрежденіе отъ простуды,—которую на востокѣ получить гораздо легче, чѣмъ у насъ, нижняя одежда восточныхъ жителей,—ихъ рубашка, если такъ можно выразиться, всегда шерстяная. А самыя дорогія одежды были изъ льна. Самое тонкое полотно ослѣпительной бѣлизны, называвшееся виссономъ и цѣнившееся на вѣсъ золота, ткалось изъ Египетскаго льна. Иногда виссонъ дѣлался и цвѣтной. Полотно окрашивалось въ голубой (гіацнитовый) и пурпуровый цвѣтъ, краской доставленной съ острова Елисы, находившагося на Іонійскомъ морѣ. Виссонъ былъ такъ-же мягокъ, какъ шелкъ, и впослѣдствіи вышелъ изъ употребленія, замѣненный шелкомъ. Есть впрочемъ и другія мнѣнія о Виссонѣ. Виссонъ, говоритъ Сибирцевъ, это самая тонкая и мягкая ткань которая съ особеннымъ искусствомъ приготовлялась въ древнемъ Египтѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, матеріалъ для виссона собирали съ какого-то индійскаго дерева, а по другимъ выдѣлывали изъ тончайшаго пуха. Виссонъ былъ не бѣлаго, а пурпуроваго цвѣта и драгоцѣнностью соотвѣтствовалъ золоту (см. Церк. словарь Алексѣева Спб. 1894 г. ч. 1 стр. 171).

Точно также трудно опредѣлить, что такое пурпуръ. Былъ ли это малиновой, или ярко-красный цвѣтъ-съ точностью неизвѣстно. Лучшій пурпуръ добывался въ Тирѣ изъ молюсковъ раковинъ (muret trunculus), которыхъ и теперь много на сирійскомъ побережьи. Каждый молюскъ давалъ только каплю краски. Способъ добыванія былъ извѣстенъ только финикіянамъ и теперь утраченъ. Окрашенная пурпуромъ шерсъ цѣнилась очень дорого. Въ настоящее время названіе пурпуръ прилагается къ краскѣ, получаемой изъ кишенели. Красящее вещество добываютъ изъ высушенаго трупа самки кишенели.

Въ свящ. Писаніи мало намековъ на шитье одежды. Подъ словомъ „шитье“, когда мы его встрѣчаемъ въ Свящ. Писаніи, большею частью надо разумѣть вышиванье. Обычно одежды были въ видѣ продолговатого куска матеріи (для препоясанія) или четыреугольнаго (для плаща). Даже и одежды, имѣющія болѣе сложный покрой, ткались въ цѣльномъ видѣ. Широкія однообразныя одежды древнихъ восточныхъ народовъ, говоритъ одинъ писатель, не давали много работы швеямъ. Тканье и пряжа составляли преимущественно занятіе женщинъ; шитье одежды было преимущественно дѣломъ мужчинъ.

Общее названіе одежды (всякаго вида и верхней и нижней) было повидимому *лебуш*, судя по частому употребленію этого слова въ Св. Писаніи (оно встрѣчается 136 разъ).

Очень часто употребляется въ Библіи для обозначенія одежды вообще слово *бегед* Но подъ этимъ именемъ разумѣлась, кажется, только верхняя одежда. На обыкновенное платье, говоритъ одинъ писатель, евреи часто надѣвали широкую, похожую на нынѣшніе абаи, употребляемые всѣми номадами и фелахами (земледѣльцами и крестьянами).

О томъ, какую форму, какой покрой имѣла одежда древнихъ евреевъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное.—Вообще говоря они любили длинную и широкую одежду. Длинная одежда и спокойная тихая походка на Востокѣ составляли признакъ достоинства человѣка. Ко-

роткая одежда было признакомъ крайней бѣдности или презрѣннаго, хотя часто встрѣчающаго на Востокѣ, ремесла скомороха-фокусника.—Самою обычною широкою одеждою нынѣ у восточныхъ народовъ является халатъ *Мелватах*, у купцовъ обыкновенно длинный и суконный, называющійся Джуббахъ. Но у евреевъ, кажется, халатовъ не было, а были накидки мантіи.

Первоначально и самою малою нижнею одеждою, которую и за одежду не считали, было простое препоясаніе, которое у арабовъ называется *Ирамъ*. Поэтому когда мы читаемъ въ Библіи о людяхъ, которые обнажались, оставались нагими, ходили нагими, по еврейски *арумъ*, то должны предполагать, что это препоясаніе на нихъ всетаки было. Такъ въ книгѣ Іова, друзья его, недоумѣвая о причинахъ его несчастія, между прочимъ говорятъ: „Вѣрно ты бралъ залоги съ братьевъ твоихъ ни за что, и съ полунагихъ снималъ одежду“ (22, 5, 6). О Саулѣ читаемъ, что онъ, встрѣтивъ пророковъ, „снялъ одежду свою и цѣлый день лежалъ неодѣтый“. Точно также ходилъ нагой и босой и пророкъ Исаія. „Сказалъ Господь Исаіи, сыну Амосову: пойди и сними вретище съ чреслъ твоихъ, и сбрось сандаліи съ ногъ твоихъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: ходилъ нагой и босой“ (Исаіи 20, 2). Нагой сидѣлъ въ лодкѣ и ап. Петръ. „Ученикъ. котораго любилъ Іисусъ, читаемъ въ Евангеліи, говоритъ Петру: Это Господь. Симонъ же Петръ, услышавъ, что Господь, опоясался одеждою (ибо онъ былъ нагъ) и бросился въ море (Іоан. 21, 7). Янъ думаетъ, что это препоясаніе было первоначальною одеждою, которуюно сили и мужчины и женщины Но Кейль утверждаетъ, что евреи никогда ирама не носили, что они прямо стали носить хитонъ. По его мнѣнію, тамъ, гдѣ мы читаемъ въ Библіи о нагихъ, мы должны подъ ними разумѣть одѣтыхъ въ одинъ хитонъ, такъ какъ и у грековъ одѣтый въ одинъ хитонъ назывался всетаки нагой.

Хитонъ это было нижнее одѣяніе, въ родѣ рубашки, въ началѣ вѣроятно только съ прорѣзами для рукавовъ, а потомъ и съ рукавами. Хитонъ, по всей вѣроятности,

былъ одѣяніе узкое, плотно прилегающее къ тѣлу, такъ какъ глаголъ *катан*, отъ котораго происходитъ это слово,—значитъ „кутать, облекать“... Вѣроятно хитонъ у мужчинъ достигалъ обыкновенно до колѣнъ, или до щиколотки, рѣдко до ступеней (D: ct oj Ant. Lunica) и если верхняя одежда распахивалась, не закрывалъ наготы. Это видно изъ того выговора, какой сдѣлала Давиду жена его, Мелькола, въ тотъ день, когда онъ плясалъ предъ сѣннымъ ковчегомъ. „Когда Давидъ возвратился, чтобы благословить домъ свой, то Мелькола, дочь Саула, вышла къ нему на встрѣчу, и привѣтствовала его, и сказала: какъ отличился сегодня Царь Израилевъ, обнажившись сегодня предъ глазами рабынь своихъ, какъ обнажается какой нибудь пустой человѣкъ“ (2 Цар. 6, 20)

Совершенно другое представленіе даетъ о хитонѣ С. Мункъ (Еврейскія древности. Переводъ Смышляева. Пермь 1880 г. стр. 19). Онъ говоритъ, что хитонъ была одежда съ рукавами, надѣвалась не только на голое тѣло, но и поверхъ рубашки, что это была одежда просторная и по всей вѣроятности длинная. Это видно, якобы, изъ 10 гл. 2 книги Царствъ, гдѣ говорится, что Амнонъ, съ цѣлью оскорбить слугъ Давида... обрѣзалъ одежду ихъ на половину, до чреслъ.

Впрочемъ были у мужчинъ и длинныя одежды. Такъ, та разноцвѣтная одежда, которую подарилъ Іаковъ Іосифу въ знакъ своей любви къ нему, названа въ Библіи *кетонетъ пассимъ*, что по переводу нѣкоторыхъ ученыхъ, значитъ—хитонъ длинный, закрывавшій оконечности, такъ какъ *пасс* значитъ *конецъ*.

Носили ли евреи шаровары, которые такъ обычны теперь на Востокѣ,—неизвѣстно. Священникамъ Моисей, по повелѣнію Божію, заповѣдалъ, ради благоговѣнія, носить нѣчто въ родѣ шароваръ, очень впрочемъ коротѣкихъ, простиравшихся только до голеней, или даже, какъ переводитъ Горскій, до бедръ. „И сдѣлай имъ нижнее платье льняное, для прикрытія тѣлесной наготы, отъ чреслъ до голеней. И да будутъ они на Ааронѣ и сынахъ его, когда они будутъ входить въ Скинію Собранія или приступать

къ жертвеннику для служенія въ святилищѣ, чтобы имъ не навести на себя грѣха и не умереть". (Исх. 28, 42). Изъ этого особаго указанія объ устройствѣ шароваръ уже можно заключить, что у евреевъ шаровары не были обычною одеждою, какъ вообще на востокѣ въ древнее время. Если Страбонъ говоритъ, что Персы надѣвали три пары панталонъ, одну на другую, то онъ говоритъ это о вельможахъ позднѣйшаго времени.

Часто упоминается въ Библіи и *верхняя одежда*. Такъ въ книгѣ Царствъ читаемъ. „И снялъ Іонаѳанъ верхнюю одежду свою, которая была на немъ, и отдалъ ее Давиду" (1 Цар. 18, 4). Тоже читаемъ о Ѳамари: „На ней была разноцвѣтная одежда, ибо такія верхнія одежды носили царскія дочери-дѣвицы" (2 Цар. 13, 18). Тоже читаемъ въ книгѣ пр. Даніила о трехъ вавилонскихъ отрокахъ. „Мужи сіи (Седрахъ, Мисахъ и Авденаго) связаны были въ исподнемъ и верхнемъ платьѣ своемъ, въ головныхъ повязкахъ и прочихъ одеждахъ своихъ и брошены въ печь, раскаленную огнемъ" (Дан. 3, 21).—Первоначальною формою верхней одежды несомнѣнно было нѣчто въ родѣ плаща или покрывала—четыреугольнаго куска матеріи разнообразно накидываемаго на плечи. „Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ", говорится о доблестной женѣ въ кн. Притчей Соломоновыхъ (31, 10). Эта верхняя одежда, имѣющая видъ покрывала, бѣднымъ людямъ особенно необходима была ночью, чтобы укрыться ею во время сна и чтобы подстилать ее подъ себя вмѣсто кровати. Объясняя слова Господа исцѣленному имъ разслабленному: „возьми одръ твой и ходи",—одинъ писатель говоритъ: „одръ, на которомъ лежалъ разслабленный, ничѣмъ конечно не отличался отъ обыкновенной восточной постели, которая состоитъ у бѣднаго класса изъ циновки, козьей шкуры или грубаго одѣяла. Каждый человѣкъ могъ самъ свернуть свою постель и унести ее съ собой". Поэтому въ законѣ Моисеевомъ дозволялось брать въ залогъ у бѣднаго верхнюю одежду только до вечера. „Если возьмешь въ залогъ одежду ближняго твоего; до захожденія солнца возврати ее; ибо она есть единственный покровъ у него; она одѣяніе

тѣла его; въ чемъ будетъ онъ спать. Итакъ, когда онъ возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу, ибо Я милосердъ“ (Исх. 22, 26, 27)“. „Возврати ему залогъ при захожденіи солнца, чтобы онъ легъ спать въ одеждѣ своей, и благословилъ тебя, и тебѣ поставится сіе въ праведность предъ Господомъ Богомъ“ (Втор. 24, 13). Во времена Іисуса Христа ростовщики нашли средство обходить этотъ законъ, требуя въ залогъ не эту верхнюю, привиллегированную одежду, а нижнюю не имѣвшую такой привиллегіи. На это указываетъ Спаситель, когда говоритъ: „кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. Такъ въ русской Библіи. Въ славянской Библіи это мѣсто, правда, читается иначе: „и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу“,—но это, конечно, потому, что славянскимъ переводчикамъ не былъ извѣстенъ обычай еврейскихъ ростовщиковъ.

Къ этой первоначальной верхней одеждѣ—покрывалу евреи, вѣроятно, привязывали во время молитвы тѣ голубыя кисти, которыя Моисей отъ имени Божія велѣлъ сдѣлать имъ на своей одеждѣ. „Объяви сынамъ Израилевымъ и скажи имъ, читаемъ въ книгѣ Числъ (15, 38 сл.), чтобы они дѣлали себѣ кисти на краяхъ одежды въ роды ихъ, и въ кисти, которыя на краяхъ, вставляли нити изъ голубой шерсти. И будутъ они въ кистяхъ у васъ для того, чтобы вы, смотря на нихъ, вспоминали всѣ заповѣди Господни и исполняли ихъ, и не ходили вслѣдъ сердца вашего и очей вашихъ“. Въ такомъ видѣ одежда эта была священною и называлась талифъ. Лейтфутъ, признавая хитонъ верхней одеждой, говоритъ, что именно хитонъ назывался талифомъ. Онъ доказываетъ это выдержками изъ Талмуда.

Другія верхнія одежды евреевъ, очевидно, имѣющія особый покрой,—а не простой видъ плаща, называются въ священномъ Писаніи: синдономъ, эпанчею. „И сказалъ имъ (брачнымъ друзьямъ) Самсонъ. Загадаю я вамъ загадку: если вы отгадаете ее въ 7 дней пира, и отгадаете вѣрно, то я дамъ вамъ 30 синдоновъ и 30 перемѣнъ

одеждъ“ (Суд. 14, 12). „И будетъ въ тотъ день, читаемъ въ книгѣ пророка Исаіи,—вмѣсто благовонія—зловоніе и вмѣсто широкой эпанчи—узкое вретище“ (3, 23). Но о формѣ этихъ одеждъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго по отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ для этого въ Св. Писаніи.

Были еще верхнія одежды *меилъ и бѣлый эфодъ*. *Меилъ* была одежда зашитая со всѣхъ сторонъ: только для головы было отверстіе, доходившее до груди, и по бокамъ были прорѣхи для рукъ. Одежда эта доходила до икръ и даже до пятокъ. Лейтфутъ говоритъ, что талифонъ назывался хитонъ, который былъ верхней одеждой, доказывая это выдержками изъ талмуда. Но вѣроятно въ талмудѣ хитономъ называется одежда меилъ, очень похожая на хитонъ, но бывшая верхнею одеждою. Меилъ, это льняная одежда, въ родѣ нашей рубашки, говоритъ одинъ писатель, безъ рукавовъ, съ одними отверстіями для рукъ (хотя бл. Іеронимъ ошибочно говоритъ о меилѣ первосвященника какъ объ одеждѣ съ рукавами). Меилъ покрывалъ тѣло, спускаясь ниже колѣнъ, до ладыжекъ, и надѣвался сверху чрезъ голову. Судя по этому меилъ отличался отъ хитона тѣмъ, что хитонъ былъ шерстяной и узкій, а меилъ льняной и свободно надѣвавшійся чрезъ голову. Вѣроятно меилъ былъ верхняя полотняная легкая одежда. Онъ упоминается въ 5 стихѣ 24 гл, 1 кн. Царствъ, гдѣ читаемъ: „и всталъ Давидъ и отрѣзалъ край меила, который былъ на Саулѣ (когда онъ спалъ въ пещерѣ)“. Вѣроятно, что на этой верхней одеждѣ меилъ, какъ и на плащѣ, устроялась, также та священная бахрома, которая дѣлала эту верхнюю одежду—священною. Поэтому, говоритъ одинъ изслѣдователь, раввины и не разрѣшали брать въ залогъ меилъ, дозволяя брать всякое другое платье должника. Часто меилы были безъ швовъ, говоритъ тотъ же писатель, тканые; безъ сомнѣнія о такомъ одѣяніи І. Христа говорится въ описаніи страстей Господнихъ: о немъ воины кидали тогда жребій. Меилъ по славянски: долгая риза, внутренняя (28, 4, 31) исподняя риза“ (Лев. 8, 7)

въ русской Библіи—„верхняя риза“; (39, 32—„тканая“) (Ключаревъ. Ветхо-завѣтное священство стр. 79).

Бѣлый Эфодъ, надѣвавшійся собственно на плечи, состоялъ изъ двухъ кусковъ матеріи, составлявшихъ переднюю и заднюю часть одежды и соединявшихся на плечахъ застежками и ниже руки шнурами или лентами. Эта одежда кажется не свѣшивалась ниже груди. Упоминаніе І. Флавія о томъ, что Эфодъ имѣлъ рукава, ученые относятъ къ эфоду позднѣйшаго времени. Отлично отъ другихъ представляетъ эфодъ Деличъ (Heil. Worterbuh 401—403, гдѣ приложенъ и рисунокъ). По нему эфодъ былъ родъ широкаго пояса, оставлявшаго открытой верхнюю грудь, а сзади доходившаго до плечъ. Здѣсь концы его, въ видѣ мантіи подобныхъ платъ поднимались вверхъ, закрывали плечи и соединялись у горла; внизу же онъ связывался завязками (402). Деличъ ссылается на то, что въ 7 ст. 28 гл. Исхода нарамники отличаются отъ эфода, а въ 2 кн. Царствъ говорится (гл. 6 ст. 14), что Давидъ былъ *опоясанъ* въ льняной эфодъ, что неприложимо къ одѣванію одежды. Но нарамниками могла называться не особая одежда, а двѣ половины эфода,—а свидѣтельство о Давидѣ кн. Царствъ въ русскомъ переводѣ Библіи читается такъ: „Давидъ былъ *одѣтъ въ льняной эфодъ*. Эфодъ носили и священники и другія знатныя лица при религіозныхъ церемоніяхъ. И Самуилъ надѣвалъ эфодъ (1 Цар. 3, 18), и Давидъ при перенесеніи Ковчега Завѣта надѣвалъ льняной эфодъ (1 Цар. 22, 18) и о 85 священникахъ при Саулѣ, убитыхъ Доикомъ въ Номсѣ, говорится, что они носили льняной эфодъ (1 Цар. 22, 18). Одежда *Адерет*, названіе которой происходило отъ глагола „быть полнымъ“—имѣла покрой широкой и длинной мантіи. Упоминаніе объ этой одеждѣ встрѣчаемъ только въ тѣхъ мѣстахъ Библіи, гдѣ говорится о пророкахъ или царяхъ (3 Цар. 19, 13, 19; Іоны 3, 6; Захаріи 11, 3). Словомъ Адеретъ означается въ Библіи и милоть пророка Иліи (4 Цар. 2, 8), которую онъ оставилъ Елисею.

Пророческую *мантію* носили какъ истинные, такъ и ложные пророки еврейскаго народа. Эта мантія была ни

болѣе, ни менѣе, какъ простая овечья шуба, вывороченная мѣхомъ вверхъ. Если же не была она простымъ мѣхомъ, то во всякомъ случаѣ дѣлалась изъ шерстяныхъ матерій, была власяницею. „И возвратились къ Охозіи посланные, читаемъ въ кн. Царствъ, и сказали... навстрѣчу намъ вышелъ человѣкъ. Человѣкъ тотъ весь въ волосахъ, и кожанымъ поясамъ подпоясанъ по чресламъ своимъ. И сказалъ онъ: это Илія Θесвитянинъ". (4 Цар. 1, 8). Въ такой одеждѣ изъ верблюжьяго волоса ходилъ Іоаннъ Креститель. „Онъ имѣлъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ" (Мѳ. 3, 4). Въ такую власяницу одѣвались и ложные пророки „И будетъ въ тотъ день, говоритъ пророкъ Захарія, устыдятся такіе прорицатели каждый видѣнія своего, когда будутъ прорицать, и не будутъ надѣвать на себя власяницы, чтобы обманывать" (Зах. 13, 4). Цари и вельможи на Востокѣ въ торжественныхъ случаяхъ надѣвали мантію виссонную и пурпуровую „И Мардохей, читаемъ въ кн. Есѳирь, вышелъ отъ царя въ царскомъ одѣяніи яхонтоваго и бѣлаго цвѣта, и въ большомъ золотомъ вѣнцѣ, и въ мантіи виссонной и пурпуровой" (Есѳ. 8, 15). Очень можетъ быть, что эта царская мантія для торжественныхъ случаевъ оторачивалась мѣхомъ. Мѣховую одежду принято на Востокѣ считать признакомъ богатства и знатности и въ Турціи богатыхъ людей даже хоронятъ въ украшенной мѣхомъ одеждѣ.

Была еще одежда, называемая *мадъ*. Это названіе встрѣчается въ Библіи всего 9 разъ и большею частію при упоминаніи о царяхъ и полководцахъ—объ Аодѣ (Суд. 3, 16), о Саулѣ, Давидѣ и Іонаѳанѣ (1 Цар. 7, 38, 39; 18, 7), объ Іоавѣ (2 Цар. 20, 8) Переводчикъ Библіи на латинскій языкъ полагаетъ что словомъ *мадъ* означается верхняя одежда, употребляемая въ военное время.

Наконецъ въ позднѣйшихъ книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта и въ книгахъ Новаго Завѣта упоминаются нѣкоторыя греческія и римскія одежды *хламида*-греческій охотничій и солдатскій плащъ; который сшивался на правомъ плечѣ и простирался до колѣнъ,—хламида

червленная, или *багряница*, въ которую облеченъ былъ Господь, конечно это была багряница, выкрашенная самой дешевой краской, а не цурпуромъ. Это шерстяной ярко-красный плащъ римскихъ полководцевъ и офицеровъ, а со времени Діоклетіана и императоровъ;—наконецъ *фелонь*-дорожный и дождевой плащъ безъ рукавовъ, только съ вырѣзкой на шеѣ и сзади съ капюшономъ для покрытія головы. Этотъ плащъ, похожій по формѣ на *меилъ*, при дурной погодѣ надѣвался и мужчинами и женщинами поверхъ другихъ одеждъ.

Бѣдные люди и рабы въ Палестинѣ при жаркомъ климатѣ этой страны, конечно носили на себѣ очень мало одежды. Слуги Авраама, подававшіе воду путникамъ, по предположенію одного повѣствователя, вѣроятно имѣли на себѣ очень простой костюмъ: на нихъ вѣроятно была одна короткая юбка (ирамъ) отъ таліи (чреслъ) до колѣнъ, устроенная изъ куска какой нибудь грубой ткани, быть можетъ полотняной, а то и изъ кожи. Кромѣ этой одежды у нихъ можетъ быть была повязана только голова, да иногда, пожалуй, набрасывался на лѣвое плечо кусокъ какой нибудь матеріи, въ замѣну плаща. (Вейсъ. Внѣшній бытъ народовъ (1, 114).

Но богатые люди у евреевъ, ихъ цари и вельможи, имѣли очень много одежды, какъ для себя, такъ и для своихъ дѣтей, такъ и для подарковъ. Богатые люди на Востокѣ очень заботятся о своемъ нарядѣ, часто они тратятъ на него все свое достояніе. Главная цѣнность ихъ наряда конечно состоитъ въ украшеніяхъ, но и одежды бываютъ очень дорогія. Почему, спрашиваетъ одинъ писатель, Господь сравниваетъ одежду съ цвѣтами, говоря: посмотри на лиліи полевыя... онѣ не труждаются, не прядутъ, но и Соломонъ во всей своей славѣ не одѣвался такъ, какъ каждая изъ нихъ (Мѳ. 6, 28—29).

Это вѣроятно потому, отвѣчаетъ онъ, что у евреевъ и въ то время существовало обыкновеніе вышивать на одеждахъ листья лиліи, розы, нарцысы и другіе цвѣты, какъ это теперь еще можно видѣть въ костюмѣ Виѳлеемскихъ жителей. Такія одежды даже потомъ были запре-

щены евреямъ надѣвать въ церковные праздники, вѣроятно, изъ опасенія огорчить неимѣющихъ ихъ бѣдняковъ. Въ одеждѣ съ вышивками, говорится въ Талмудѣ, нельзя выходить во время шабаса. Женщины въ этотъ день потому же не могутъ выходить въ золотыхъ вѣнцахъ „Дочери Израильскія! Восклицаетъ Давидъ, оплакивая Саула: плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницу съ украшеніями и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы (2 Цар. 1, 24).

Чтобы выразить свою любовь къ Іосифу и оказать ему предпочтеніе передъ всѣми братьями, Іаковъ сдѣлалъ ему разноцвѣтную одежду—*кетонет пассим*. Эта одежда, вѣроятно, сшивалась изъ небольшихъ отдѣльныхъ кусковъ разныхъ дорогихъ матерій и была сдѣлана вродѣ хитона или длинной рубашки, но съ обшитыми по краямъ рукавами (Властовъ Свящ. Лѣтопись 1, 37). Подобныя одежды и теперь еще можно встрѣтить на семейныхъ любимцахъ въ Палестинѣ (Лопухинъ. Библейская Исторія, 1, 377). Правда, названіе этой одежды *кетонетъ пассимъ* значитъ собственно *хитонъ длинный*, покрывающій оконечности, (такъ какъ пасс—значитъ оконечность) и нѣкоторые ученые говорятъ, что эта одежда можетъ быть была не разноцвѣтная; но во всякомъ случаѣ она была лучше, чѣмъ у другихъ братьевъ и болѣе цѣнная.

У еврейскихъ царей и вельможъ было очень по многу одеждъ и была особая должность хранителя одеждъ. „И сказалъ (Іиуй) хранителю одеждъ: принеси одеждъ для всѣхъ служителей Ваала. И онъ принесъ" (4 Цар. 10, 22) Самая важная часть богатства восточныхъ царей и шейховъ еще доселѣ заключается въ большомъ количествѣ одеждъ. То же самое было и во времена пророка Исаіи. Описывая опустошеніе, которому подвергнется Царство Іудейское за грѣхи его царей и народа, онъ предсказываетъ, что придетъ время, когда счастливыми будутъ почитаться избирающіе такого вождя, у котораго есть одежда, который для поддержанія своего сана будетъ имѣть одежду: тогда ухватится человѣкъ за брата своего въ семействѣ отца своего и скажетъ: у тебя есть одежда, будь нашимъ

вождемъ.—Большое количество одежды нужно было знатнымъ людямъ на Востокѣ для подарковъ. Восточные цари съ самыхъ древнихъ временъ имѣли обыкновеніе одаривать приближенныхъ къ нимъ лицъ одеждой. Изъ Библейской Исторіи можно вспомнить о томъ, какъ одарилъ Давида сынъ Саула Іонаѳанъ. „И снялъ Іонаѳанъ свой плащъ и отдалъ его Давиду и всю одежду свою до меча, лука и пояса своего“ (1 Цар. 18, 4). Лица равныя между собой по положенію въ обществѣ въ знакъ дружбы мѣнялись одеждою. Но дружба и благоволеніе высшаго къ низшему выражалась на Востокѣ тѣмъ, что высшій дарилъ низшему одежду съ своего плеча, при чемъ высшіе жаловали низшему одну какую нибудь вещь изъ своей одежды, или перстень, или цѣпь съ шеи. Но Іонаѳанъ по своей любви къ Давиду даетъ ему съ своего плеча всю одежду.

Изъ Библіи вообще видно, что всякому еврею нужно было имѣть разныя одежды, такъ какъ при различныхъ случаяхъ они должны были надѣвать различную одежду. Такъ въ особыхъ одеждахъ они являлись къ царямъ и важнымъ лицамъ. Будучи узникомъ въ Египтѣ, Іосифъ, когда его позвали къ Фараону, остригся, перемѣнилъ одежду свою и пошелъ къ Фараону (Быт. 41, 17). При печальныхъ событіяхъ въ жизни, а также во время траура по комъ нибудь евреи носили рубище. О Іорамѣ, царѣ Израильскомъ, между прочимъ разсказывается, что онъ во время осады Самаріи проходилъ по стѣнѣ (города) и народъ увидалъ, что подъ одеждой на тѣлѣ у него было рубище. (4 Цар. 6, 30). Изъ этого видно, что для выраженія печали евреи, вмѣсто обыкновенныхъ одеждъ, надѣвали и изорванныя и сдѣланныя изъ грубой ткани рубища, и носили ихъ напоказъ всѣмъ. Но люди, хотящіе скрыть свое горе отъ другихъ, прикрывали такое рубище обыкновенными одеждами.

Въ особенности, идя на молитву въ храмъ, евреи считали нужнымъ перемѣнять свою обычную одежду, (а тѣмъ болѣе траурную) на другую, чистую. Такъ о Давидѣ говорится, что когда у него умерло дитя, онъ (не смотря

на свое горе, ради котораго вѣроятно дома былъ во вретищѣ), „всталъ съ земли, и умылся, и помазался и перемѣнилъ одежды свои и пошелъ въ домъ Божій“ (2 Цар: 12, 20). Въ кн. Паралипоменонъ (1 Цар. 16, 29) и въ Псалмахъ о вхожденіи въ храмъ говорится: „Предстаньте предъ Него (въ Псалмѣ—пріидите въ притворы Его),—поклонитесь Ему въ священномъ украшеніи. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется или праздничный нарядъ или особенныя одежды и теперь еще надѣваемыя во время молитвы (одежды, о которыхъ обстоятельная рѣчь будетъ ниже).—Паломники евреи, приходившіе въ Іерусалимъ на праздники,—предъ городомъ мѣняли свои дорожныя одежды на новыя, чистыя. Считалось большимъ нечестіемъ входить на гору Моріа въ дорожныхъ одеждахъ. На этомъ основаніи одинъ писатель утверждаетъ, что евреи, сопровождавшіе Господа изъ Виѳаніи во время Его торжественнаго входа въ Іерусалимъ, дошли только до подножія храмовой горы, а на гору храма и въ ворота не входили. Но соображеніе это не очень убѣдительное, такъ какъ жители предмѣстій Іерусалима, (какова была Виѳанія) могли считать себя жителями Іерусалима, а не паломниками, пришедшими изъ далека.

Особенно необходимымъ считалось на брачный пиръ являться въ новой одеждѣ. Въ притчѣ о бракѣ сына Царева Господь говоритъ, что явившійся на бракъ не въ брачной одеждѣ былъ изгнанъ вонъ (Мѳ. 22, 11). Для пониманія этой притчи надо припомнить то обыкновеніе, которое въ древности было на Востокѣ всеобщимъ и не прекратилось еще тамъ и въ настоящее время. Въ силу этого обычая хозяинъ брачнаго пира предлагалъ явившимся на пиръ гостямъ по мѣрѣ того, какъ они приходили, новыя бѣлыя одежды, которыя онъ запасалъ при подобномъ случаѣ. Если бы кто нибудь изъ гостей, вмѣсто того, чтобы надѣть предлагаемую ему брачную одежду, вошелъ въ торжественную залу въ одеждѣ грязной, или поношенной, то онъ показалъ бы этимъ такъ мало уваженія къ хозяину, что этотъ послѣдній имѣлъ бы право изгнать его изъ своего дома. Поэтому то человѣкъ вошедшій на

пиръ не въ брачной одеждѣ молчалъ, услышавъ простой и краткій вопросъ: „Другъ, какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ?“ Онъ не могъ оправдываться незнаніемъ заведеннаго обычая, или невозможностью сообразоваться съ нимъ.

По многу одеждъ брали съ собой евреи и для путешествій. Такъ, отправляя дѣтей въ Египетъ Іаковъ каждому изъ нихъ далъ перемѣну одежды, а Веніамину далъ 300 сребренниковъ и пять перемѣнъ одеждъ (Быт. 41, 22). Точно также Сирійскій военачальникъ Нееманъ, отправляясь къ царю Израильскому, взялъ съ собою девять перемѣнъ одежды. „И сказалъ царь Сирійскій (военачальнику Нееману, прокаженному): пойди, сходи (къ пророку Елисею), а я пошлю письмо къ царю Израильскому. Онъ пошелъ и взялъ съ собою десять талантовъ серебра и девять перемѣнъ одеждъ“ (4 Цар. 5, 5). Вотъ почему І. Христосъ, желая чтобы апостолы вполнѣ предались волѣ Провидѣнія, запрещаетъ имъ брать съ собой двѣ туники. „Ни суммы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха; ибо трудящійся достоинъ пропитанія“ (Мѳ. 10, 10). Естественно, что имѣя много одеждъ евреи должны были держать ихъ въ сундукахъ, гдѣ отъ долгаго лежанія на одеждахъ появлялись пятна. Эти пятна въ законѣ Моисея называются проказою на одеждѣ, и дается подробное наставленіе, какъ очищать такую одежду (Лев. 13, 47,—59). Другія объясненія постановленія Моисея о проказѣ одеждъ: что въ немъ идетъ дѣло объ одеждѣ, которую носили прокаженные, (какъ думали Абарбанелъ и Трузенъ), или шерстяныхъ матеріяхъ, сдѣланныхъ изъ шерсти больныхъ овецъ (какъ думали Михаэлисъ и Розенмюллеръ) или вообще объ одеждахъ, въ которой завелись микробы (какъ думаетъ Янъ) не имѣютъ основанія въ Священномъ Писаніи.

Поясъ—Верхняя одежда, которая у восточныхъ всегда была широка и накидывалась,—несомнѣнно служила помѣхою при движеніи и работѣ. Поэтому когда восточные жители принимаются за какую нибудь работу, они или снимаютъ съ себя верхнюю одежду, или стягиваютъ ее

на себѣ при помощи пояса. Поясъ составляетъ поэтому необходимую принадлежность восточнаго костюма. Объ этомъ опоясываніи мы часто читаемъ въ Св. Писаніи. Такъ, въ Евангеліи Луки говорится, что тотъ, кто служилъ за трапезою, опоясывался. Такъ и о пророкѣ Иліи говорится, что онъ „препоясалъ чресла свои и бѣжалъ предъ колесницею Ахава“ (1 Цар. 18, 96). Въ особенности часто подпоясывались воины, чтобы имѣть больше силы во время сраженія. Поэтому въ Библіи, напр., говорится: „Онъ препоясалъ чресла свои“ (Притч. 31, 17). Или „Іегова облекся силою, Онъ препоясался ею“. (Пс. 93, 1). Какъ препоясаніе чреслъ на языкѣ Св. Писанія есть символъ силы и боевой готовности, (Пс. 44, 4, Іер. 1, 17), такъ напротивъ снятіе пояса и ослабленіе чреслъ составляетъ символъ безсилія и безполезности. Такъ у пр. Исаіи (41, 1)—обѣщая помощь Киру, Іегова говоритъ: „сниму поясъ съ чреслъ царей“—Въ 4 кн. Царствъ читаемъ, что моавитяне, услышавъ, что цари вышли на войну противъ нихъ, созвали всѣхъ отъ мала до велика (4 Цар. 3, 21). Въ еврейскомъ текстѣ это выражено такъ: *всѣхъ подпоясывающихся поясомъ и выше.* Поясъ, какъ знакъ мужества и часть вооруженія, надѣвали, только по достиженіи совершеннолѣтія, которое по большей части считалось съ 15 лѣтъ, когда мужчина могъ жениться. Между тѣмъ обязанность выходить на войну у народовъ Азіи, также какъ у евреевъ, начиналась съ 25 лѣтъ. Слѣдовательно это замѣчаніе писателя показываетъ, что моавитяне собрали не только воиновъ, но и всѣхъ способныхъ носить оружіе.—Какъ войны и бѣгавшіе на ристалищахъ опаясывали одежды свои, чтобы стать болѣе сильными, такъ и христіанинъ, по ученію ап. Петра, долженъ опоясать чресла своего духа (1 Петр. 1, 13).— Воинъ снималъ съ себя поясъ, когда наступало время отдыха. Поэтому когда пророкъ Исаія, говоря о халдеяхъ, которые должны были опустошить Іудею, восклицаетъ между прочимъ: „не снимутъ они поясовъ съ чреслъ своихъ (Ис. 5, 27 , то эти слова означаютъ, что халдеи будутъ неутомимы въ борьбѣ и не дадутъ пощады

Іудеямъ. Съ другой стороны въ 3 кн. Царствъ читаемъ, что Ахавъ,ославъ Венадата, хвалившимся отъ имени своего царя опустошить землю Израильскую, сказалъ, „пусть не хвалится опоясывающійся, какъ распоясывающійся, то есть хвалиться слѣдуетъ только тому, кто окончилъ уже дѣло, а не тому, кто только еще начинаетъ его“ (3 Цар. 20, 11). Поясъ, которымъ подпоясывались бѣдные евреи, былъ широкій, кожаный, пальца въ 4 ширины, такъ что, по словамъ Нибура, поясъ этотъ могъ служить и постелью. Къ поясу прикрѣпляется пряжка, чтобы стягивать его или ослаблять. Такой поясъ носятъ простолюдины, и такой именно кожаный поясъ носили Илія и Іоаннъ Креститель (4 Цар. 1, 8,. Мѳ. 3, 4). Но иногда поясъ былъ и льняной. Такой льняной поясъ велѣлъ Господь купить Іереміи: „пойди, купи себѣ льняной поясъ и положи его на чресла твои, но въ воду не клади его“. (Іер. 13, 1). Богатые евреи подпоясывались золотыми, вышитыми и другими драгоцѣнными поясами съ золотыми пряжками. Въ книгѣ Даніила читаемъ: „И поднялъ я глаза мои, и увидѣлъ: вотъ одинъ мужъ, облеченный въ льняную одежду, и чресла его опоясаны золотомъ изъ уфаза“. (Дан. 10, 5). Золотая пряжка на поясѣ была чѣмъ то въ родѣ знака отличія. Кажется во времена Давида. Укоряя воина, который видѣлъ Авессалома, висѣвшимъ на деревѣ, за то, что онъ не убилъ его,— военачальникъ Іоавъ говоритъ: „я далъ бы тебѣ десять сребренниковъ и одинъ поясъ“: (2 Цар. 18, 11). Во времена Маккавеевъ царь Александръ далъ Іонаѳану за особыя услуги право носить золотую пряжку, какая давалась по обычію царскимъ родственникамъ, Избравъ своимъ вождемъ Симона, народъ опредѣляя его прерогативы, постановлялъ: „никому изъ народа и священниковъ да не будетъ позволено отмѣтить, что либо изъ сего (что онъ прикажетъ), или противорѣчить словамъ его, или безъ него созывать собраніе въ странѣ и одѣваться въ порфиру и виссонъ и носить золотую пряжку“. (1 Макк. 14, 44).—На членахъ свиты Эмира Бухарскаго, посѣтившаго Россію въ январѣ 1910 года—читаемъ въ описаніи

этого посѣщенія, пояса и серебряные и золотые и съ особыми украшеніями и безъ нихъ. Именно по украшеніямъ на поясахъ и по тому матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, и можно различать болѣе высокопоставленное лицо, отъ низшаго чиновника (Колоколъ 31 янв. 1910 г. № 1165). Изъ того, что сказано о роскошномъ украшеніи поясовъ, можно понять, что значитъ употребленное у пророка Исаіи выраженіе: „И будетъ препоясаніемъ чреслъ его правда и препоясаніемъ бедръ его истина (11, 5), то есть что эти именно добродѣтели служатъ величайшимъ украшеніемъ человѣка.

Поясъ служилъ не только для того, чтобы стягивать одежду для безпрятственной ходьбы и работы, но также и для того, чтобы поднимать кверху, поддергивать длинныя одежды. При такомъ подниманіи выше пояса образовывались пазухи. Здѣсь, въ пазухѣ, люди, отдыхающіе отъ работы, обычно держали свои руки, отчего и читаемъ въ 73 псалмѣ слѣдующее воззваніе Псалмопѣвца къ Господу о наказаніи нечестивыхъ: „для чего отклоняешь руку Твою и десницу Твою. Изъ среди нѣдра Твоего порази ихъ“. Иногда пользовались пазухой, какъ карманомъ, или мѣшкомъ, носили здѣсь мясо, хлѣбъ, хлѣбныя зерна и другіе жизненные припасы. Такъ, при разсказѣ о выходѣ евреевъ изъ Египта читаемъ, что они въ одеждахъ своихъ вынесли изъ Египта невскисшее тѣсто. (Исх. 12, 34). Равнымъ образомъ въ разсказѣ о сынахъ пророческихъ при Елисеѣ читаемъ: „и вышелъ одинъ изъ нихъ въ поле собирать овощи, и нашедъ дикое вьющее растеніе, и набралъ съ него дикихъ плодовъ полную одежду свою“ (4 Цар. 4, 39). Точно также въ Евангеліи Луки читаемъ: „мѣрою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше“ (6, 38). Это выраженіе: „отмѣрить въ нѣдро“ (или въ лоно) встрѣчается въ Библіи много разъ (Пс. 78, 18; Іер. 32, 18; Исаіи 65, 6—7). Въ пазухѣ же, при поясѣ или въ самомъ поясѣ, было особое помѣщеніе для денегъ. Поэтому Господь сказалъ апостоламъ: „не берите себѣ золота, ни серебра, ни мѣди въ пояса свои (Мѳ.

20, 9). Далѣе къ поясу воины привѣшивали мечъ, а писцы чернильницу. Намѣреваясь преслѣдовать Навала, Давидъ сказалъ людямъ своимъ: „опояшьтесь каждый мечомъ своимъ. И всѣ опоясались мечами своими; опоясался и самъ Давидъ мечомъ своимъ.“ А о томъ, что писцы носили чернильницу при поясѣ читаемъ въ книгѣ пророка Іезекіиля. „И вотъ шесть человѣкъ идутъ отъ верхнихъ воротъ, обращенныхъ къ сѣверу, и у каждаго въ рукѣ губительное оружіе его, и между ними одинъ, одѣтый въ льняную одежду, у котораго при поясѣ его приборъ писца (9, 2).

На ноги, или лучше сказать, на подошву ноги, чтобы защитить ее отъ острыхъ камней, евреи надѣвали сандаліи сдѣланныя или изъ невыдѣланной кожи, или изъ простыхъ деревянныхъ дощечекъ изъ тростника, или изъ коры пальмоваго дерева. Онѣ привязывались къ ногамъ двумя ремнями, изъ которыхъ одинъ проходитъ между большимъ и слѣдующимъ за нимъ пальцемъ, а другой обходилъ кругомъ пятки, вдоль, по ступнѣ и здѣсь связывался съ первымъ ремнемъ. Сандаліи очевидно была обувь очень дешевая. Въ книгѣ пророка Амоса Господь укоряетъ Израильтянъ, что они продаютъ бѣднаго за пару сандалій, т. е. за самую дешевую цѣну (2, 6). Кто отказался отъ права на женитьбу, въ виду невозможности для себя содержать жену, тотъ отдавалъ и свои сандаліи, въ наглядное доказательство того, до какой бѣдности онъ дошелъ. Поэтому разутый, съ котораго сняты сандаліи, было браннымъ словомъ, означавшимъ мота, который обѣднѣлъ до того, что у него остались только сандаліи. Сандаліи неизбѣжно надѣваются лишь для путешествія по каменистымъ тропамъ въ горной мѣстности. По травѣ и песку путникъ идетъ босикомъ, держа въ рукѣ сандаліи. Такова была обычная обувь евреевъ. Имѣли они, правда, и башмки. Башмакъ, говоритъ Талмудъ, дѣлается изъ болѣе мягкой, а сандаліи изъ болѣе грубой кожи. У нѣкоторыхъ башмаковъ, которыя мы скорѣе назвали бы туфлями, были деревянныя подошвы и кожанныя верхушки. Раввинъ Хійя говоритъ: „неприлично чтобы ученикъ мудраго носилъ башмаки“. Nork, стр. 52)

Но иногда евреи снимали съ себя обувь и ходили босыми и на улицѣ, для выраженія особой печали и горя. Такъ, Давидъ, во время возмущенія Аввесалома, вышелъ изъ Іерусалима босикомъ. „Давидъ пошелъ на гору Елеонскую, шелъ и плакалъ. Голова у него была покрыта, онъ шелъ босой". (2 Цар. 15, 30). Такъ и пророку Исаіи для выраженія печали Господь повелѣлъ сбросить съ ногъ сандаліи свои. „Въ то самое время. Господь сказалъ Исаіи, сыну Амосову, такъ: пойди, сними вретище съ чреслъ твоихъ, и сбрось сандаліи съ ногъ твоихъ. Онъ такъ и сдѣлалъ; ходилъ нагой и босой" (Исх. 20, 2). Напротивъ, запрещая пророку Іереміи обнаруживать свою печаль, Господь говоритъ ему: вздыхай въ безмолвіи, плача по умершихъ не совершай; но обвязывай себя повязкою и обувай ноги твои въ обувь твою" (Іер. 24, 17).

Привязывать и развязывать ремни сандалій было обязанностью рабовъ и новокупленный рабъ вступалъ въ свою службу тѣмъ, что снималъ сандаліи съ своего новаго господина и несъ ихъ предъ нимъ въ извѣстномъ разстояніи, какъ объ этомъ разсказываетъ Талмудъ. Ученики также считали за честь надѣвать и снимать сандаліи съ своего учителя; только по мнѣнію раввиновъ, они не должны были дѣлать этого въ присутствіи постороннихъ, чтобы послѣдніе не могли почесть ихъ и въ самомъ дѣлѣ за рабовъ. Такимъ образомъ вошедшія въ пословицу выраженія: „отрѣшить ремень сандалій" и „понести предъ кѣмъ нибудь сандаліи" означали совершенно одно и тоже. Эти выраженія употреблялъ Іоаннъ Креститель, говоря о томъ, насколько выше его грядущій агнецъ Божій. „И проповѣдывалъ, говоря: идетъ за мною сильнѣйшій меня, у Котораго я не достоинъ, наклонившись, развязать ремень обуви Его (Мрк. 1, 7). Я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе; но идущій за мною сильнѣе меня, я не достоинъ понести обувь Его. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ (Мѳ. 3, 11).— Такъ какъ при такой обуви ноги во время пути покрывались пылью и грязью, то входя въ домъ, необходимо

было обмывать ихъ. Хозяева всегда должны были позаботиться о томъ, чтобы умыть ноги своимъ гостямъ. Это было знакомъ учтивости и уваженія. Въ Библіи не разъ упоминается объ этомъ обычаѣ, напримѣръ, когда говорится о принятіи Авраамомъ трехъ странниковъ (Быт. 18, 4). Спаситель упрекалъ Симона фарисея за то, что онъ не далъ Ему воды умыть ноги (Лук. 7, 44). Выраженіе „омыть ноги“ значило поэтому окончить путешествіе, достигнуть отдохновенія. Такъ, вызвавъ Урію съ поля сраженія, Давидъ говоритъ: „иди домой и омой ноги свои“. (2 Цар. 11, 8). Омовеніе ногъ было обыкновенно дѣломъ *рабовъ* и только для нѣкоторыхъ, особо высокихъ гостей, эту обязанность исполняли сами хозяева. На Тайной Вечери Господь показалъ величайшую степень смиренія, когда сталъ умывать ноги ученикамъ Своимъ. Поэтому апостолъ Петръ и сказалъ ему: „Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги“ (Іоан. 13, 6).

Въ дополненіе къ описанію одежды евреевъ мужчинъ надо сказать о томъ, что долженъ былъ имѣть на себѣ еврей, когда онъ собирался молиться Богу. Молитвенною одеждою евреевъ былъ *Талиѳъ*. Это та одежда, какую они имѣютъ, исполняя повелѣніе Божіе, данное чрезъ Моисея: „И объяви сынамъ Израилевымъ и скажи имъ, чтобы они дѣлали себѣ кисти на краяхъ одежды въ роды ихъ, и въ кисти, которыя на краяхъ вставляли нити изъ голубой шерсти. И будутъ онѣ въ кистяхъ у васъ для того, чтобы вы, смотря на нихъ, вспоминали всѣ заповѣди Господни и исполняли ихъ (Числ. 15, 38 сл.). Народу, которому предназначено было образовать государство священническое (Исх. 19, 6), говоритъ Штейнбергъ, необходимо было носить на себѣ наглядный знакъ, который напоминалъ бы ему постоянно о зависимости его отъ избравшаго его Бога и объ обязанности быть къ Нему привязаннымъ душею и сердцемъ при всѣхъ своихъ жизненныхъ отправленіяхъ и во всякомъ своемъ мѣстѣ жительства. Такимъ знакомъ должны были служить эти кисти какъ знакъ священный, талиѳъ былъ одеждою только для мужчинъ, какъ руководителей религіозной жизни народа.

Исторія Талиѳа была такова. Первоначально, во времена Моисея, Евреи, исполняя его предписаніе о кистяхъ на одеждѣ, пришивали голубыя кисти къ своей верхней обычной одеждѣ, имѣвшей видъ плаща или покрывала. Какъ особая священная одежда Талиѳъ можетъ быть вошелъ въ употребленіе со времени Давида. Желая показать особое религіозное значеніе перенесенія Ковчега Завѣта, символа Божественнаго присутствія—въ новую столицу, Давидъ, какъ извѣстно, снялъ съ себя царскія одежды и облекся въ бѣлый эфодъ, который носили всѣ служители Іеговы—левиты (2 Цар. 6, 4). Предъ лицемъ Іеговы царь сравнялъ себя съ скромными левитами. „Поклонитесь Богу въ священномъ украшеніи“ по русскому переводу псалмовъ—въ благолѣпіи святыни (1 Пар. 16, 29. Пс. 95. 9), сказалъ онъ народу при этомъ торжествѣ. Поэтому можетъ быть съ тѣхъ поръ всѣ евреи при молитвѣ стали надѣвать особое одѣяніе: большое покрывало съ черными каймами по бокамъ и съ голубыми кистями на четырехъ концахъ, которое они накидывали себѣ на голову. Такая священная одежда у всѣхъ была въ сущности одинакова, въ знакъ равенства всѣхъ людей предъ Богомъ. Но полное талмудическое разъясненіе того, каково должно быть устройство Талиѳа, кто и какъ его долженъ былъ носить, конечно, было выработано только послѣ плѣна.

Кисти Талиѳа (воскрылія края одежды, какъ называются онѣ въ Евангеліи) въ талмудѣ называемыя цициѳъ бахромою приготовлялись изъ шерстяныхъ сученыхъ шнуровъ, при чѣмъ въ каждой кисти было 8 такихъ шнуровъ. Все это дѣлалось съ величайшею тщательностью, непремѣнно евреемъ, и даже составляло особое священное искуство. Шнурки были голубого или гіацинтоваго цвѣта, такъ какъ кисти, какъ долженствующія напоминать о Божественныхъ Заповѣдяхъ, должны были имѣть цвѣтъ неба. Шюреръ говоритъ, что шнурки могли быть и бѣлые и только одинъ долженъ былъ быть непремѣнно голубой, какъ это дѣйствительно дѣлается въ настоящее время. Но это уже позднѣйшее нововведеніе Раввиновъ. Кисти

эти, кромѣ того что напоминаютъ о заповѣдяхъ своимъ цвѣтомъ обозначаютъ общее число ихъ—своимъ именемъ и своимъ устройствомъ. Они назывались *цициѳъ*; но буквы слова цициѳъ, если признать ихъ за обозначеніе цифръ, составляютъ въ своей суммѣ число 600, а такъ какъ каждая кисть должна была состоять изъ восьми шнурковъ и пяти узловъ, что составляетъ сумму тринадцать,—то цифровое число названія цициѳъ и число шнурковъ и число узловъ цициѳа составляютъ число 613, равное числу буквъ въ Десятословіи. Поэтому на вопросъ какая заповѣдь въ законѣ, нѣкоторые раввины отвѣчали, что самая важная заповѣдь въ законѣ, это заповѣдь о Талиѳѣ и цициѳъ, и кто старательно соблюдаетъ ее, того слѣдуетъ признать соблюдающимъ весь законъ. Поэтому раввинъ Іосифъ бенъ Рабба, когда его спросили, что наиболѣе всего приказывалъ ему сохранять его отецъ, отвѣчалъ: „заповѣдь о кистяхъ“. И когда однажды, сходя съ лѣстницы, раввинъ этотъ за что то зацѣпился кистью, и она оторвалась, то онъ и шагу не двинулся дальше, пока кисть не была снова пришита. И когда говорится въ Евангеліи о фарисеяхъ, расширяющихъ вскрилія одеждъ своихъ,—вѣроятно, имѣется въ виду то, что они слишкомъ большими дѣлали указанныя голубыя кисти на краяхъ своей одежды. Нѣкоторые ученые, цитуя еще повѣствованіе Ев. Матѳея о кровоточивой женщинѣ получившей исцѣленіе прикоснувшись *къ краю одежды* Господа (Мѳ. 9, 20) предполагаютъ, что подъ краемъ одежды надо разумѣть находившуюся на спинѣ кисть Талиѳа, который въ это время былъ на Господѣ. Очень можетъ быть, что женщина дѣйствительно приписывала бы большую святость кисти Талиѳа. Но такъ какъ Господь въ это время былъ не въ храмѣ, а на пути, то едвали на Немъ былъ тогда Талиѳъ.

Талиѳъ, какъ уже сказано, имѣлъ видъ большого покрывала, которымъ въ послѣднія времена евреи при молитвѣ покрывали себя съ головой. Они дѣлали это въ подражаніе Моисею, который „закрылъ лице свое, сходя съ горы Синайской (Исх. 34, 33)—Такое правило накры-

вать талиѳомъ и голову—очевидно разумѣетъ и апостолъ Павелъ, когда говоритъ, что молящійся съ открытой головой постыжаетъ свою голову“ (1 Кор. 9, 4), и что „Іудеи при чтеніи закона имѣютъ покрывало на лицѣ своемъ“. (2 Кор. 3, 14).

Въ позднѣйшее время Талиѳъ съ кистями такъ былъ священенъ для евреевъ, что въ меньшихъ размѣрахъ его каждый еврей, съ самыхъ раннихъ лѣтъ имѣлъ всегда на себѣ, нося подъ своимъ платьемъ (собственно подъ жилеткой). Но во время молитвы, и въ особенности въ синагогѣ, всегда евреи надѣвали и большой Талиѳъ, покрывало, закрывающее голову. Верхній Талиѳъ дѣлался потому, что кисти нижняго Талиѳа были закрыты одеждой и ихъ нельзя было во время молитвы постоянно подносить къ губамъ и трижды цѣловать какъ это требовалось раввинскими предписаніями. Верхній Талиѳъ какъ бы осѣнялъ собою всего молящагося и при надѣваніи его евреи читаютъ нынѣ особую молитву. „Прославляй душе моя Господа, говорятъ нынѣшніе евреи, надѣвая талиѳъ, украсившаго тебя подобно небу облаками, и да будетъ мнѣ риза эта во освященіе души и тѣла. И какъ эта риза распростерта на моихъ крыльяхъ и покрываетъ лицо мое какъ летающаго орла, такъ да будетъ покрыта душа моя въ раю ризою небесною“.

Кромѣ талиѳа каждый мужчина, входя въ синагогу, приготовляетъ теперь для надѣванія свой *тефилинъ* или филактеріи (по славянскому тексту евангелія—*„хранилища“*. (Мѳ. 23, 5).—Ихъ можно надѣвать во время утреннихъ молитвъ каждый день, кромѣ субботъ и праздниковъ.—Филактеріи—это два маленькіе ящичка, обтянутые красивою кожею мѣхомъ вверхъ и имѣющіе около дюйма въ квадратѣ. Одинъ изъ нихъ внутри раздѣленъ на 4 части и въ каждомъ отдѣленіи вложено по куску пергамента съ небольшими выписками изъ книгъ Второзаконія и Исхода. На одномъ кускѣ выписана заповѣдь о любви къ Богу: „слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть и люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣми силами

твоими... (Втор. 6, 4,—9); на другомъ—обѣтованіе награды за послушаніе волѣ Божіей (Втор. 9, 13—21), на третьемъ заповѣдь о праздникѣ опрѣсноковъ (Исх. 13, 11, 16).— Второй ящичекъ внутри не былъ раздѣленъ и въ немъ всѣ вышеуказанныя выдержки изъ Св. Писанія были написаны на одномъ кускѣ пергамента. Первый ящичекъ прикрѣплялся ремнями ко лбу, а второй къ лѣвой рукѣ, которую при молитвѣ держали около сердца, при чемъ ремни обертываются семь разъ вокругъ кисти руки и трижды около средняго пальца.

Основаніемъ для такого устройства и ношенія филактерій служили увѣщанія, какими сопровождалось дарованіе указанныхъ выше заповѣдей, выписанныхъ на кусочкахъ пергамента, вложенныхъ въ филактеріи. Увѣщаніе это въ книгѣ Второзаконія читается такъ: „И да будутъ слова сіи, которыя Я заповѣдую тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ (и въ душѣ твоей). И внуши ихъ дѣтямъ твоимъ, говори объ нихъ сидя въ домѣ твоемъ, и идя дорогою, и ложась и вставая. И навяжи ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими. И напиши ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ“ (Втор. 6. 6—9). То же самое сказано дважды и въ 13 главѣ книги Исходъ (Стт. 9 и 16). Конечно это предписаніе значило только то, что евреи должны свято хранить въ своей памяти и сознаніи и что для каждаго еврея всѣ событія Исхода и законы, связанные съ этимъ событіемъ, должны быть ясны, живы, какъ бы осязательны въ такой же степени, въ какой ясенъ и осязателенъ былъ бы знакъ на рукѣ или повязка на глазахъ (Ср. Притчи 3, 3). Но евреи поняли эти предписанія буквально и носили филактеріи съ древнѣйшихъ временъ. Во всякомъ случаѣ это вошло у нихъ въ обычай послѣ Вавилонскаго плѣна. Книжники временъ Іисуса Христа несомнѣнно строго соблюдали обычай носить филактеріи, и потому, отвѣчая на вопросъ книжника: „какая заповѣдь бо́льшая въ законѣ“. Господь указалъ ему только на то изреченіе, которое написано было въ тефилинѣ, который онъ носилъ на себѣ. Эти филактеріи

на лицевой своей части имѣютъ изображеніе буквы шинъ, начальной въ имени Божіемъ Шаддэй, чтобы каждый видя имя Божіе, помнилъ Господа своего. Они пользуются такимъ уваженіемъ у іудеевъ, что уронившій ихъ случайно на полъ обязанъ поститься цѣлый день.

Происхожденіе филактерій Іудеи относятъ ко временамъ Моисея. „Когда Господь проходилъ мимо него. Моисей увидѣлъ задняя Божія и всю славу Его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и узелъ ремней головнаго хранилища; посему Моисей установилъ, чтобы каждый еврей носилъ филактерій. Но всего вѣроятнѣе, что филактеріи своимъ происхожденіемъ обязаны фанатической ревности фарисеевъ о законѣ послѣ вавилонскаго плѣна. Спенсеръ, соглашаясь съ этимъ объясненіемъ, добавляетъ, что книжники ввели ношеніе филактерій еще съ цѣлью противодѣйствовать ношенію суевѣрныхъ амулетовъ, которые употреблялись Халдеями.

Въ заключеніе сдѣлаю выдержку изъ книги Фаррара: „Жизнь Іисуса Христа“, гдѣ Фарраръ описываетъ одежду Спасителя. „Онъ одѣтъ не въ виссонъ и пурпуръ, какъ царедворцы Иродовы, или роскошные друзья прокуратора Пилата; Онъ не носитъ бѣлаго эфода левитовъ или длиннаго платья книжниковъ; и у Него ни на рукѣ ни на челѣ нѣтъ тефилина, который фарисеи старались дѣлать побольше и повиднѣе; одежда на Немъ приличная времени и странѣ. Каждый изъ краевъ одежды его обшитъ бѣлой каймой и голубой лентой, но замѣтно, что это сдѣлано во исполненіе предписаній закона, а не на показъ, что-бы всѣ видѣли мелочное фарисейское послушаніе. Онъ не съ открытою головою, какъ изображаютъ Его живописцы, потому что ходить или стоять подъ солнцемъ сирійскимъ съ непокрытою головою не представляется никакой возможности,—но бѣлый кеффихъ, (платокъ, который носятъ и доселѣ), покрываетъ Его волосы, придерживаемые вокругъ темени агаломъ (кружкомъ изъ войлока) или сѣткой, и затѣмъ ниспадающіе сзади на шею и плечи“.

Какова была одежда еврейскихъ женщинъ.

Моисей запрещаетъ женщинамъ надѣвать мужскую одежду, а мужчинамъ женскую. „На женщинѣ не должно быть мужской одежды, и мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье; ибо мерзость предъ Господомъ Богомъ твоимъ всякій дѣлающій сіе (Втор. 22, 5). Постановленіе это сдѣлано было Моисеемъ въ виду существованія у язычниковъ обычая переодѣваться въ одежды иного пола. Такимъ переодѣваніемъ пользовались на востокѣ для скрыванія половаго разврата отъ чужихъ глазъ.

Но такъ какъ одежда женщинъ у евреевъ была похожа на одежду мужчинъ и отличалась только большою роскошью, то Мункъ предполагаетъ, что Моисей дѣлая такое постановленіе запрещаетъ мужчинамъ носить женское покрывало, а женщинамъ носить оружіе (Географія Палестинъ 30).

Женщины употребляли всѣ вышеописанныя одежды мужчинъ, кромѣ эфода и адерета, которые нигдѣ не упоминаются въ качествѣ женскихъ одеждъ. Женскія одежды были только изъ болѣе тонкихъ и дорогихъ матерій; шились просторнѣе, чѣмъ мужскія, и дополнялись разными женскими украшеніями. Въ книгѣ пророка Іезекіиля встрѣчаемъ слѣдующее воззваніе Іеговы къ дщери Сіона.... „Я далъ тебѣ узорчатое платье, и обулъ тебя въ сафьяновыя сандаліи, и опоясалъ тебя виссономъ, и покрылъ тебя шелковымъ покрываломъ, и нарядилъ тебя въ наряды, и положилъ на руки твои запястье и на шею твою ожерелье, и далъ тебѣ кольцо на твой носъ, и на голову твою прекрасный вѣнецъ. Такъ украшалась ты золотомъ и серебромъ, и одежда твоя была виссонъ и шелкъ и узорчатыя ткани“ (Іезек. 16, 9—10). А въ книгѣ пророка Исаіи за надменность дщери Сіона Господь угрожаетъ отнять у нея все ея украшеніе. „И сказалъ Господь: за то, что дщери Сіона надменны, и ходятъ поднявъ шею и обольщая взорами, и выступаютъ величавою поступью и гремятъ цѣпочками на ногахъ, оголитъ Господь темя дочерей Сіона, и обнажитъ Господь

срамоту ихъ. Въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки, серги и ожерелья, и опахала, и увѣсала, и запястья и пояса, и сосудцы съ духами и привѣски волшебныя, перстни и кольца въ носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки и кошельки, свѣтлыя тонкія епанчи и повязки и покрывала, и будетъ вмѣсто благовонія—зловоніе, вмѣсто пояса будетъ веревка, и вмѣсто завитыхъ волосъ—плешь, и вмѣсто широкой епанчи—узкое вретище, вмѣсто красоты—клеймо (Ис, 3, 16—24).

Разберемъ въ подробностяхъ это мѣсто Библіи: „Оголитъ Господь темя дочерей Сіона". Если вопросъ о томъ, имѣлъ ли мужчина у евреевъ на головѣ своей какую нибудь повязку во всякое время есть такой вопросъ, который трудно рѣшить, и скорѣе слѣдуетъ признать, что дома они только связывали свои волосы шнуромъ, а накрывались только при солнечномъ зноѣ или во время печали,—то говоря о женскомъ одѣяніи прежде всего слѣдуетъ упомянуть о покрывалѣ, которымъ еврейскія женщины покрывали свою голову. Мы не знаемъ ни того какого фасона было это покрывало, ни того, были ли покрывала разныхъ формъ. Въ Св. Писаніи упоминается о покрывалѣ *саифъ* (Быт. 24, 65; 38, 14 и 19) и о покрывалѣ *реалъ* (Исаіи 3, 17). Первымъ накрывали только голову, а второе покрывало, употребительное у арабовъ и нынѣ, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ одной накрываютъ голову и лобъ, а другой—лицо снизу по самыя глаза, такъ что они одни только и остаются на виду. Но изъ одного мѣста Мишны видно, что еврейскія женщины не употребляли этого рода покрывала, закрывающаго все лицо, а только накрывали голову свою. Такое покрывало подарилъ Авимелехъ, царь Герарскій, Саррѣ, женѣ Авраама. „И сказалъ Авимелехъ Саррѣ, вотъ это тебѣ покрывало для очей предъ всѣми, которые съ тобою, и предъ всѣми ты оправдана" (Б. 20, 16), т. е., какъ толкуютъ это мѣсто евреи,—„благодаря этому покрывалу станетъ для всякаго ясно, что ты неприкосновенна, разъ самъ царь далъ такой выкупъ за свою вину

предъ тобою". Но и такимъ покрываломъ еврейскія женщины покрывались въ древнія времена только въ исключительныхъ случаяхъ. Во первыхъ предъ своимъ женихомъ. Такъ, въ разсказѣ Библіи о томъ, какъ Ревекка въ первый разъ увидала жениха своего Исаака читаемъ: „И спустилась съ верблюда, и сказала рабу: кто этотъ человѣкъ: который идетъ по полю на встрѣчу намъ. Рабъ сказалъ: это господинъ мой. И она взяла покрывало и покрылась". (Б. 24, 64—65). Іаковъ, какъ извѣстно, женился на Ліи потому, что не видалъ лица ея подъ покрываломъ. Во вторыхъ,—вѣроятно они накрывались, когда молились въ скиніи. Такая женщина, которая снимала съ себя покрывало, чтобы открыто молиться или говорить публично, казалось пренебрегающею всякимъ чувствомъ стыда. Вѣроятно потому, и ап. Павелъ говоритъ: „жена въ церкви да не глаголетъ. „Но въ обычное время въ древности еврейскія женщины не накрывались и свободно съ открытымъ лицомъ ходили и внѣ дома. Мункъ совершенно справедливо въ этомъ случаѣ выражаетъ несогласіе съ Яномъ и Гартманомъ, которые выставляютъ древнееврейскихъ женщинъ затворницами. Впрочемъ во времена Исаіи, при царяхъ, когда народъ раздѣлился на высшіе и низшіе классы,—женщины высшихъ классовъ стали соблюдать строгій этикетъ, приблизительно держась слѣдующихъ правилъ, излагаемыхъ Нибуромъ. „Женщина снимаетъ съ себя покрывало, пишетъ онъ, только дома, въ присутствіи рабовъ и самыхъ ближайшихъ родственниковъ (Лев. гл. 18): Въ домѣ съ чужими мужчинами онѣ говорятъ не иначе, какъ покрытыя покрываломъ и имѣя при себѣ хотя одну горничную. Если приходилъ гость и если нужно съ нимъ говорить, онѣ не входятъ въ комнату, гдѣ онъ сидитъ, но останавливаются предъ дверью комнаты и что нужно высказать гостю, передаютъ черезъ прислугу. „Такъ, напримѣръ, разговаривала Сонамитянка съ Елисеемъ" (4 Цар. 4, 12, 15). Въ пути женщина откидываетъ покрывало назадъ; но какъ скоро завидитъ вдали фигуру мужчины, то подобно Ревеккѣ, тотчасъ же накидываетъ на себя покрывало. Крестьянки

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аравіи и Персіи, а въ иныхъ мѣстахъ и рабыни, ходятъ совсѣмъ безъ покрывала. Публичныя танцовщицы и публичныя женщины нисколько не стѣстяются отбрасывать покрывала, когда имъ вздумается. Если же Ѳамарь, которая хотѣла выдавать себя за публичную женщину, покрылась покрываломъ, то это для того, чтобы не быть узнанной своимъ тестемъ". При такого рода взглядахъ благородныхъ еврейскихъ женщинъ временъ Исаіи очевидно, „оголить лицо еврейской женшины" значило нанести ей величайшее безчестіе. „И обнажитъ Господь срамоту ихъ". Если мужскія одежды у евреевъ можетъ быть были и короткія, женскія одежды были очень длинны. Вотъ, напримѣръ, одежда бѣдной Руѳи. Она была такъ велика, что Воозъ всыпалъ въ нее 6 мѣръ ячменя. „И сказалъ Руѳи Воозъ подай верхнюю одежду, которая на тебѣ, подержи ее. Она держала и онъ отмѣрялъ ей шесть мѣръ ячменя. (Руѳ. 3, 15). И кромѣ того женщины носили еще другую верхнюю одежду, называвшуюся *„маатафа"*, которая представляла повидимому вторую одежду, надѣвавшуюся на нижній хитонъ и бывшую гораздо шире его. Поддернутая одежда была такимъ же признакомъ паденія, уничиженія восточной женщины, какъ и снятіе покрывала. „Сойди и сядь на прахъ, дѣвица, дочь Вавилона, читаемъ у пророка Исаіи,—„возьми жернова и мели муку, сними покрывало твое, подбери подолъ, открой голени, переходи черезъ рѣки". (Ис. 47, 2). Востокъ до сихъ поръ не знаетъ больше уничиженія для женщины, какъ то, что указано здѣсь пророкомъ. Снятіе покрывала и обнаженіе тѣла, особенно такое высокое, какое необходимо для перехода въ бродъ глубокой рѣки,—это все такія оскорбленія для женской чести, отъ которыхъ на востокѣ застрахованы бываютъ даже публичныя женщины (Быт. 38, 14, 15; Пѣснь П. 4, 1, 3; 6, 7; Исаіи 20, 4, 52, 10; Іер. 13, 20; Наумъ 3, 15).

„Отниметъ Господь свѣтлыя тонкія епанчи": Дорогая матерія одежды, дорогая одежда вотъ чего не могла забыть еврейская женщина, вотъ чего она больше всего

желала, вотъ о чемъ она болѣе всего сокрушалась. „Забываетъ ли дѣвица украшеніе свое и невѣста нарядъ свой. А народъ Мой забылъ Меня, говоритъ Господь" (Іер. 2, 32). „Дочери Израильскія, восклицаетъ Давидъ, оплакивая Саула. плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницу съ украшеніями и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы" (2 Цар. 1, 24). Здѣсь кажется надо разумѣть тѣ дорогія женскія одежды, которыя приносились при Саулѣ воинами въ качествѣ добычи, какъ это было въ обычаѣ на войнѣ. Недоумѣвая почему такъ долго не возвращается Сисарра, мать его мечтаетъ, что вѣроятно онъ дѣлитъ добычу и принесетъ ей полученную въ добычу разноцвѣтную одежду. Въ добычу полученная разноцвѣтная одежда Сисаррѣ, мечтаетъ она, вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плѣнника. (Суд. 5, 30).

Какъ предметъ роскоши перенятый у иноземцевъ были у еврейскихъ женщинъ особыя лѣтнія одежды, называвшіяся по гречески θεριδερα и надѣвавшіяся только въ знойное время; были у нихъ и тонкія покрывала, называвшіяся у римлянъ Famîc Toria. Наконецъ носили еврейскія женщины на груди, (тамъ гдѣ первосвященникъ носилъ наперсникъ)—особенно красивыя вышивки и очень дорожили ими. Неужели, говоритъ пророкъ—дѣвица забудетъ о грудной повязкѣ своей. (Ис. 3, 23, Іер. 2, 32).

„И вмѣсто пояса будетъ веревка... „Приготовленіе изукрашенныхъ поясовъ у евреевъ было дѣломъ женщинъ. Описывая добродѣтельную жену, Соломонъ говоритъ. что она „пояса доставляетъ купцамъ финикійскимъ". Само собою разумѣется, что для себя женщины приготовляли при этомъ изящнѣйшіе пояса, старались превзойти одна другую этимъ дѣломъ рукъ своихъ. Мужской поясъ назывался *эзоръ* и дѣлался иногда изъ кожи; а женскій поясъ дѣлался изъ льняной или бумажной ткани и назывался Кишуримъ, что значитъ „пелены", такъ какъ онъ былъ длинный и обхватывалъ станъ нѣсколько разъ, подобно кушаку.

На ноги свои евреянки надѣвали сандаліи, хотя и рѣдко ходили по улицамъ. Само собою, что эти женскія сандаліи были гораздо лучше мужскихъ; представляя собою не только деревянную или кожаную подошву, но и сверху защищая ногу узорчатымъ сафьяномъ (Iез. 16, 10) и иногда были очень изящны. „О, какъ прекрасны ноги твои въ сандаліяхъ, дщерь именитая“, восклицаетъ женихъ въ книгѣ Пѣснь Пѣсней. (7, 2).

„И отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки, серги и ожерелья, и опахала и увѣсала, и запястья и сосудцы съ духами, и привѣски волшебныя, перстни и кольца въ носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки и кошельки“... Вотъ сколько украшеній надѣвала на себя еврейская женщина, чтобы прельстить глаза мужчинъ. Параллельное мѣсто находимъ въ книгѣ Іудиѳь. „Іудиѳь обула ноги свои въ сандаліи и возложила на себя цѣпочки, запястья, кольца, серги и всѣ наряды и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчинъ, которые увидятъ ее“. (10, 4). Употребленіе золотыхъ украшеній, цѣпочекъ, запястій, перстней (которыя евреи выпросили у египтянъ во время своего исхода изъ Египта) было очень распространено между ними (См. Rotlenroth Tracpten der polker aeter und neuer Zeit, гдѣ помѣщены и рисунки этихъ вещей). Въ теченіи недѣли, говоритъ одинъ изслѣдователь, еврейскія женщины носили кольца, продѣтыя въ носу, но въ субботу онѣ не могли носить ихъ. Участвуя при общественномъ богослуженіи, онѣ должны были одѣваться во все бѣлое, а изъ украшеній надѣвать серьги, запястья, ожерелья и кольца на ногахъ, которыя звенѣли, когда онѣ шли.

Изъ всѣхъ этихъ украшеній наиболѣе своеобразными представляются намъ цѣпочки на ногахъ съ звѣздочками и луночками, сосудцы съ духами, привѣски волшебныя и кольца въ носу.—Женщины на востокѣ, по словамъ путешественниковъ, носятъ на голеняхъ по нѣсколько колецъ одно надъ другимъ, которыя при ходьбѣ ударяются одно объ другое и производятъ звонъ. Кромѣ того отъ кольца одной ноги до кольца другой идутъ золотыя или

серебряныя цѣпочки для того, чтобы, какъ говорятъ арабы, во время ходьбы соразмѣрять шаги правильно и красиво, на самомъ же дѣлѣ просто ради красоты и роскоши. По всей вѣроятности это именно украшеніе разумѣется подъ именемъ цѣпочекъ на ногахъ *акасимъ энетцъ*, потому что слово „энетцъ“ означаетъ веревку, которою связываютъ или спутываютъ ноги верблюда. Кромѣ пророка Исаіи о цѣпяхъ между ногъ упоминаетъ Сирахъ. „Премудрость, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ имени своему и немногимъ открывается. Путы ея будутъ тебѣ крѣпкою защитою и цѣпи ея славнымъ одѣяніемъ“. (6, 30).

Ожерелья или цѣпи, надѣвавшіяся на шею и опускавшіяся на грудь, назывались *рабид*. Они бывали двойныя или тройныя, дѣлались изъ золота и украшались драгоцѣнными камнями и золотомъ. Къ ожерельямъ подвѣшивались золотые медальоны, которые пр. Исаія называетъ *звѣздочками* точнѣе „солнышками“—изображеніями солнца *и луночками* изображеніями луны—(Суд. 8, 21, 26) которымъ приписывали значеніе амулетовъ,—и привѣски волшебныя (талисманы—легешимъ Ис. 3, 19). Арабскія женщины до Магомета въ видахъ предохраненія носили изображенія змѣи между грудями, и эту то змѣю—талисманъ находимъ мы и въ числѣ нарядовъ еврейскихъ женщинъ.

Наконецъ къ ожерельямъ привѣшивали еврейскія женщины и сосуды съ духами. Въ Персіи нынѣ къ шейнымъ ожерельямъ, спадающимъ до пояса, дамы привѣшиваютъ въ срединѣ дорогіе флаконы для духовъ. Эти флаконы иногда бываютъ шириною въ руку, дѣлаются обыкновенно изъ золота, богато осыпаются драгоцѣнными камнями, всѣ бываютъ рѣдкой работы и внутри наполнены черной смѣсью изъ мускуса и амбры. Это и есть сосуды съ духами у евреянокъ, которые упоминаются у пророка Исаіи; только у нихъ они были наполнены бальзамомъ.

Носовое кольцо, говоритъ Архимандритъ Іеронимъ, называлось такъ не потому, чтобы оно вздѣвалось въ

ноздри, а потому, что вися на лбу, достигало носа. Но это едвали справедливо. Болѣе вѣроятно то мнѣніе, что носовое кольцо древнихъ евреянокъ было похоже на то носовое кольцо, которое теперь носятъ нѣкоторыя арабки. Оно продѣвается въ ноздри (собственно въ лѣвую ноздрю) и свѣшивается надъ ртомъ. Оно бываетъ золотое и иногда бываетъ украшено драгоцѣнными камнями. Одинъ изъ путешественниковъ говоритъ, что арабы цѣлуютъ своихъ женъ черезъ это кольцо для того, какъ онъ думаетъ, чтобы онѣ ихъ не укусили. Что именно такое носовое кольцо носили еврейскія женщины, это показываетъ уже слово Θеахъ, которое означаетъ носовое кольцо быковъ или верблюдовъ, а въ книгѣ Исходъ (35, 22) употребляется о кольцѣ женщинъ. Кольцо, которое было вдѣто въ ноздри Ревеккѣ (Быт. 24, 22, 47) и вѣсило полсикля, безъ сомнѣнія было то же самое украшеніе, о которомъ говорится у пророка Исаіи (3, 21) и въ книгѣ Притчей (11, 22). Но нынѣ у арабокъ кольце въ носу очень малой величины.

Остальныя упомянутыя въ пророчествѣ Исаіи украшенія: серги, ожерелья и кольца носили какъ женщины, такъ и мужчины. Что мужчины у евреевъ, подобно женщинамъ, носили серги, это видно изъ разсказа о слитіи золотого тельца, „И сказалъ имъ Ааронъ: выньте золотыя серги, которыя въ ушахъ вашихъ женъ, вашихъ *сыновей* и вашихъ дочерей и приносите ко мнѣ. И весь народъ вынулъ золотыя серги изъ ушей своихъ и принесли къ Аарону (Исх. 32, 2). Особенно любили носить серги сосѣдніе съ евреями мадіанитяне. Это видно изъ исторіи побѣды надъ ними Гедеона. И сказалъ Израильтянамъ Гедеонъ: послѣ ихъ побѣды прошу у васъ одного, дайте мнѣ каждый по сергѣ изъ добычи своей: они сказали дадимъ. И разостлали одежду и бросили каждый по сергѣ изъ добычи своей „Вѣсу въ золотыхъ сергахъ, которыя онъ выпросилъ, было 1700 золотыхъ—сиклей (полтора пуда) (Суд. 8, 26).

Серги имѣли различную форму. Они назывались *энеземъ* (привѣски) и *аггилъ* (круглыя) и *нетифотъ* (капля), т. е. имѣющія продолговатую форму капель. Когда Іаковъ,

задумавъ совершить жертву Истинному Богу, потребовалъ отъ своихъ домочадцевъ, чтобы они отдали ему „всѣхъ боговъ чужихъ бывшихъ въ рукахъ ихъ“, то они отдали ему и серги, бывшія въ ушахъ ихъ, и онъ вмѣстѣ съ богами закопалъ ихъ въ землю. Такъ поступлено было потому, что серги часто были амулетами, или волшебными привѣсками, и можетъ быть даже имѣли на себѣ изображенія языческихъ боговъ (Быт. 35, 4).

Что мужчины носили ожерелья на шеѣ, на это есть нѣкоторый намекъ въ книгѣ Притчей Соломоновыхъ. „Сынъ мой, храни здравомысленность и разсудительность и они будутъ жизнью для души твоей и *украшеніемъ для шеи твоей* (3, 22). Сынъ мой, храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленій матери твоей; навяжи ихъ всегда на сердце твое, *обвяжи ими шею твою*“ (6, 2,) Судя по этимъ выраженіямъ, это украшеніе было обычнымъ у всѣхъ мужчинъ евреевъ безъ различія званія. У другихъ народовъ, и особенно у персовъ, цари однимъ себѣ предоставляли право носить ожерелье и удостоивали этого преимущества только тѣхъ, которые особенными услугами пріобрѣли право на это исключительно царское украшеніе. Такое ожерелье,—цѣпь на шею возложилъ на Іосифа Фараонъ за истолкованіе сна. „И снялъ Фараонъ перстень свой съ руки своей и надѣлъ его на руку Іосифа и одѣлъ его въ виссонныя одежды; возложилъ золотую цѣпь на шею его“ (Быт. 42, 4). Такую же цѣпь возложилъ на Даніила Вальтасаръ за истолкованіе непонятныхъ словъ на стѣнѣ. „Тогда, по повелѣнію Вальтасара, облекли Даніила въ багряницу и возложили золотую цѣпь на шею его и провозгласили его третьимъ властелиномъ въ царствѣ“.

Что мужчины носили на рукахъ *запястья*, т. е. браслеты, это видно изъ разсказа амаликитянина о томъ какъ онъ убилъ Саула. „Тогда онъ (Саулъ) сказалъ мнѣ: подойди ко мнѣ и убей меня, ибо тоска смертная объяла меня. И я подошелъ къ нему и убилъ его; ибо зналъ, что онъ не будетъ живъ послѣ паденія. И взялъ я

царскій вѣнецъ, бывшій на головѣ его и запястье, бывшее на рукѣ его и принесъ ихъ къ господину моему сюда". (2 Цар. 1, 10). А что это не было царское собственно украшеніе, это видно изъ книги пророка Іезекіиля. Укоряя дщерь Сіона за ея распутство, Іегова говоритъ,—что предъ нея, когда она сидѣла на тронѣ, выводили пьяницъ изъ пустыни и она возлагала на руки ихъ запястья и на головы ихъ красивые вѣнки.—Запястья были двухъ родовъ. Одни назывались *есъ-сада* и надѣвались на руку близь локтя, а другія назывались *самидъ*; ихъ носили на кисти руки. Были еще браслеты въ формѣ цѣпочекъ или золотыхъ нитей. Онѣ назывались *шеровъ*. (Исаіи 3, 19). Тѣ браслеты, какія подарилъ Елеазаръ, слуга Авраама, Ревеккѣ, вѣсили 10 сиклей золота (Быт. 24, 22)

Нечего говорить, что мужчины у евреевъ, подобно женщинамъ, носили кольца и перстни. И Іегова представляется у пророка Іереміи имѣющимъ перстень. „Живу Я, сказалъ Господь: если бы Іехонія, сынъ Іоакима, Царь Іудейскій, былъ перстнемъ на правой рукѣ Моей, то и отсюда Я сорву тебя" (Іерем. 22, 24). На перстнѣ цари и знатные вельможи часто вырѣзывали свою печать. „Тогда снялъ царь перстень съ руки своей, чтаемъ въ книгѣ Есѳирь и отдалъ его Аману, сыну Амадафа, Вугеянину, чтобы скрѣпить указы противъ Іудеевъ (3, 10). Во всѣхъ политическихъ и денежныхъ сдѣлкахъ на востокѣ, говоритъ одинъ писатель, существеннымъ считается не подпись, а печать. Печать иногда носили на шеѣ, подъ одеждою, а иногда вставляли въ перстни и носили на рукѣ. Печать прикладывали къ куску глины, который потомъ обжигали и привѣшивали на ремнѣ къ документу. Многіе свитки уже давно погибли; ремни обратились въ прахъ, но глиняные оттиски сохраняются въ цѣлости доселѣ. Мы имѣемъ печати египетскихъ царей за 3000 лѣтъ до Р. Х., а печати Вавилонскія на 1000 лѣтъ старше, между прочимъ сохранилась печать Сигора, жившаго при Сальманассарѣ (4 Цар. 17, 4).

Евреи мужчины имѣли одно лишнее украшеніе про-

тивъ женщинъ. Это—трость. Я говорю не о тѣхъ посохахъ, которые были у всякаго еврея пастыря стадъ, или у еврея путешественника. Я говорю о тростяхъ съ изукрашеннымъ набалдашникомъ, которыя несомнѣнно тоже были въ употребленіи у богатыхъ евреевъ. Эта украшенная трость называлась *матте*. Геродотъ говоритъ (1, 195), что каждый Вавилонянинъ носилъ жезлъ украшенный набалдашникомъ, въ видѣ яблока, розы или орла и т. п. Такъ напримѣръ, та трость, которую далъ въ залогъ Іуда Ѳамари, несомнѣнно была трость изукрашенная и цѣнная. „Онъ (Іуда) сказалъ (Ѳамари); какой дать тебѣ залогъ; она сказала: печать твою, и перевязь твою, и трость твою, которая въ рукѣ твоей (Б. 38, 18). Жезлы Аарона и Моисея также назывались *матте*, тогда какъ обыкновенно палки и посхи, употреблявшіеся простолюдинами назывались *маккель*, или *мишэнефъ* опора (Быт. 32, 10; Исх. 12, 11; Числ. 22, 27. Суд. 6, 21, 4 Цар. 4, 31). Отъ такого изукрашеннаго и отъ пастушескаго посоха отличался посохъ пророковъ. Онъ былъ прямой и длинный, превышавшій человѣческій ростъ. Изображеніе такого посоха можно видѣть на Египетскихъ памятникахъ.

Украшая себя красивыми одеждами изъ лучшихъ матерій и надѣвая на себя много разнаго рода дорогихъ украшеній, восточныя женщины не чуждались и косметики.

На востокѣ очень любятъ благовонія. Посѣщая Соломона, царица Саввская въ видѣ подарка привезла ему много бальзама—(благовонной смолы, которую собираютъ съ извѣстнаго рода кустовъ и деревьевъ) въ изобиліи ростущихъ на югѣ Аравіи; смола эта извѣстная подъ именемъ амбры. Подарокъ этотъ былъ доставленъ въ Іерусалимъ на нѣсколькихъ верблюдахъ (3 Цар. 10, 2). Въ 44 псалмѣ при описаніи царскаго великолѣпія говорится: „смирна и такти и кассія отъ ризъ твоихъ (т. е. всѣ одежды твои благоухаютъ смирной, алоемъ и кассіей Псал. 44, 9). И когда Соломонъ путешествовалъ изъ Іерусалима на Ливанъ, видѣвшіе это путѣшествіе въ удивленіи спрашивали: „кто этотъ восходящій отъ пустыни

какъ бы столбы дыма, окуреваемой миррой и ѳиміаномъ, всѣми порошками мироварника (Пѣснь П. 3, 6—9) Нѣтъ сомнѣнія, что и еврейскія женщины очень любили благовонія. Вспомнимъ хотя бы тотъ аловастровый сосудъ, который разбила женщина въ домѣ Симона прокаженнаго, чтобы драгоцѣннымъ міромъ помазать голову Господа, о чемъ присутствующіе сожалѣли, говоря: къ чему такая трата; могло бы это міро быть продано за 300 динаріевъ и деньги розданы нищимъ (Марк. 19, 5—7) По словамъ путешественниковъ, турецкія женщины такъ любятъ благовонія, что окуриваютъ ими всѣ свои комнаты. У евреевъ былъ особый классъ мастеровъ, которые назывались *Рокеахъ*—составители благовонныхъ мазей и порошковъ (Исх. 30, 25, 35; 1 Пар. 9, 30; 2 Пар. 16, 14; Еккл. 10, 1).

Не чуждаются восточныя женщины и притираній. Но такъ какъ лице у нихъ для постороннихъ покрывается покрываломъ и бываютъ видны только глаза, то одни глаза онѣ и подкрашиваютъ. Красили собственно онѣ не глаза, а ресницы и брови. „Когда іудей (читаемъ въ Библіи 4 Цар. 9, 30) пошелъ въ Іезреель, Іезавель, услышавъ объ этомъ, положила сюрьму на глаза свои". Пророки не разъ упрекали женщинъ за эту поддѣлку своей наружности (Іер. 4, 30; Іезек. 23, 40). Обычай подкрашивать глаза вѣроятно евреи переняли у египтянокъ, которыя судя по раскопкамъ, носили особые сосуды съ чернымъ порошкомъ. У еврейскихъ женщинъ этотъ сосудъ съ сюрьмой (чернымъ порошкомъ изъ обожженнаго и истолченнаго антимонія) для подведенія бровей и рѣсницъ былъ въ видѣ рога и назывался *керенъ гаппухъ* (Іезекіиль 23, 40; Іерем. 2, 30) что неправильно перевели словами: „рогъ изобилія" Именемъ Керенъгаппухъ называлась и одна изъ дочерей Іова. Нынѣ мусульманки подкрашиваютъ вѣки и рѣсницы чернымъ порошкомъ, который дѣлается изъ пережженнаго ладона или изъ пережженныхъ скорлупъ миндальныхъ орѣховъ. Этимъ порошкомъ подводятъ глаза посредствомъ заост-

ренныхъ палочекъ; палочки эти онѣ макаютъ въ порошокъ и затѣмъ проводятъ ими линіи вдоль вѣкъ и чернятъ рѣсницы. Самые глаза они подкрашиваютъ своимъ младенцамъ, предполагая, что такое подкрашиваніе глазъ укрѣпляетъ зрѣніе ребенка.

Для окраски ногтей, коньчиковъ пальцевъ, кистей рукъ, употребляли желтый порошекъ, называвшійся по еврейски *кофер*, а по арабски *альженна*. Нынѣ для той же цѣли употребляютъ на Востокѣ навзонію, изъ которой добывается ярко оранжевая краска.

Кромѣ притиранія глазъ, жители Востока, какъ женщины такъ и мущины, чрезвычайно любятъ татуироваться. Въ настоящее время обычно татуировка бываетъ въ видѣ браслетовъ. Женщины между бровями татуируютъ изображеніе цвѣтка; около губъ у нихъ идутъ *синеватыя* волнообразныя линіи и точки. Руки, въ особенности съ наружной стороны, татуируютъ различнаго рода полосками, точками и звѣздочками, такъ же, какъ и ноги. Случается также видѣть татуировку на груди: большею частью звѣздочки и точки. Чтобы ускорить процессъ татуировки и сдѣлать его менѣе мучительнымъ скрѣпляютъ множество иголокъ по извѣстному рисунку, чтобы ими, какъ печатью, однимъ нажимомъ наколоть на тѣлѣ желаемый рисунокъ или слово. На такого рода печать должно быть указываютъ слова Апокалипсиса: „Не дѣлайте вреда ни землѣ, ни морю, ни деревьямъ, доколѣ не положимъ печать на челѣ рабовъ Бога нашего (Апок. 7, 3, 9, 4).

Описанную выше татуировку, въ которой евреи находили украшенія для себя, не надо смѣшивать съ *печатью*, о которой говорится пророкомъ Исаіей. Угрожая іерусалимскимъ женщинамъ, онъ говоритъ, „что у нихъ вмѣсто красоты будетъ клеймо“. Клеймо обычно клалось на животныхъ въ знакъ ихъ принадлежности извѣстному лицу. Такое клеймо, если клалось на людяхъ, было знакомъ ихъ рабства и ихъ преступности.

Несмотря на множество украшеній тщеславіе еврей-

скихъ женщинъ, пишетъ Мункъ, было бы удовлетворено на половину, если бы женщина для того, чтобы судить объ эффектѣ своей красоты, изяществѣ и блескѣ своей одежды, должна была довѣряться словамъ своей подруги или служанки и не могла видѣтъ сама себя въ зеркалѣ. И дѣйствительно *зеркала* изъ мѣди, съ полированной поверхностью, были у еврейскихъ женщинъ еще при Моисеѣ и упоминаются имъ въ книгѣ Исходъ (38, 8). Зеркала назывались Марахъ въ книгѣ Іова. Исаія называетъ ихъ Гюиліанимъ, что значитъ предметъ полированный; въ это время уже часто дѣлались они изъ серебра. Эти зеркала не служили подобно нашимъ для украшенія покоевъ; онѣ были небольшихъ размѣровъ, круглыя и овальныя съ ручкою, и женщины часто носили ихъ съ собой (Гезеніусъ. Комментарій на кн. пр. Исаіи).

Въ заключеніе разсказа объ одеждѣ древнихъ евреевъ необходимо сказать о головныхъ уборахъ и объ уходѣ за волосами. Большіе волосы считались особеннымъ украшеніемъ юношей и женщинъ. Говоря объ Авессаломѣ, писатель книги Царствъ замѣчаетъ: „не было во всемъ Израилѣ мужчины столь красиваго, какъ Авессаломъ. Когда онъ стригъ голову свою, а онъ стригъ ее каждый годъ, потому что она отягощала его,—то волоса съ головы его вѣсили 200 сиклей, по вѣсу царскому“ (2 Цар. 14, 26). Такая замѣтка о волосахъ Авессалома сдѣлана историкомъ только въ подтвержденіе общаго положенія, что онъ былъ очень красивъ, а не для того, чтобы объяснить причину его смерти. О томъ, что онъ умеръ, запутавшись своими волосами въ вѣтвяхъ дерева, говоритъ собственно Іосифъ Флавій, а въ Библіи объ этомъ сказано очень неопредѣленно, а именно сказано что онъ: „утвердился головою въ дубѣ“. Такіе большіе волоса, какъ мы знаемъ, имѣлъ Самсонъ. Въ кн. Пѣснь Пѣсней говорится о волосахъ кудрявыхъ и черныхъ, какъ вороново крыло (5, 2, 11). Но болѣе красивыми считали евреи людей, имѣвшихъ желтые волосы. Такъ, о Давидѣ гово-

рится, что онъ былъ бѣлокуръ (собственно рыжеватъ. I Цар. 16, 12).

Еврейскія женщины имѣли такіе длинные волосы, что могли ими отирать чужія ноги. Такъ своими волосами отерла ноги Спасителя Марія, сестра Лазаря (Іоан. 11, 2). То же сдѣлала и грѣшница въ дому Симона Фарисея. „И вотъ женщина того города, которая была грѣшница, узнавши, что Онъ лежитъ въ дому Фарисея, принесла алавастровый сосудъ съ миромъ и, ставши позади у ногъ Его, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей; и цѣловала ноги Его и мазала миромъ“ (Лук. 7, 38). Люди лысые или плѣшивые подвергались осмѣянію. Такъ малые дѣти смѣялись надъ плѣшивостью Елисея. „И пошелъ онъ (Елисей) оттуда (изъ Іерихона) въ Веѳиль. Когда онъ шелъ дорогою, малыя дѣти вышли изъ города и насмѣхались надъ нимъ, и говорили: иди, плѣшивый (4 Цар. 2, 23). Лысые и плѣшивые даже должны были являться къ священнику для удостовѣренія, что это не проказа на головѣ ихъ. Давая наставленіе священникамъ, какъ распознавать проказу, Моисей пишетъ: „если у кого на головѣ вылѣзли волосы, то это плѣшивый, онъ чистъ. А если на передней сторонѣ головы вылѣзли волосы, то это лысый: онъ чистъ“ (Лев. 13, 40, 45). Лишеніе волосъ для восточнаго человѣка считалось большимъ бѣдствіемъ и было одною изъ формъ наказанія. Пророкъ Исаія, отвлекая іудеевъ отъ союза съ царемъ Ассирійскимъ говорилъ имъ: „въ тотъ день обрѣетъ Господь бритвою (царямъ Ассирійскимъ) голову и волосы на ногахъ и даже отниметъ бороду“. (Ис. 7, 20). Тотъ же пророкъ, какъ мы указывали выше, угрожалъ и женщинамъ Іерусалимскимъ: „оголитъ Господь темя дочерей Сіонскихъ и обнажитъ срамоту ихъ (Ис. 3, 17), а это по переводу бл. Іеронима, значитъ: лишитъ ихъ волосъ, при чемъ въ первомъ полустишіи говорится о болѣзни волосъ, а во второмъ о насильственномъ стриженіи волосъ со лба. Объ остриженіи волосъ какъ наказаніи говорится еще въ древне-вавилонскихъ законахъ царя Гаммураби, которые за обез-

славленіе жрицы наказывали преступника оголеніемъ лба. Неемія, возвратившись изъ плѣна Вавилонскаго, раздраженный нечестіемъ нѣкоторыхъ іудеевъ, приказалъ однихъ умертвить, а другимъ вырвать волосы (Неем. 13, 25).

Мужчины зрѣлаго возраста и священники должны были, впрочемъ, по временамъ нѣсколько подстригать свои волосы, но не брить наголо, какъ это дѣлалось у другихъ восточныхъ народовъ. „И головы своей они (священники) не должны брить, и не должны отпускать волосъ, а пусть непремѣнно стригутъ волосы свои (Іезек. 44, 20). Но при стрижкѣ волосъ слѣдовало остерегаться стричь себя въ кружокъ и подстригать углы бороды своей, т. е. стричь волосы на вискахъ, чтобы не уподобиться такимъ образомъ жрецамъ Сатурна и языческимъ народамъ, которые имѣли обычай стричь волосы на вискахъ. „И взялъ я чашу изъ руки Господней, читаемъ въ пророчествѣ Іереміи, и напоилъ изъ нея всѣ народы, къ которымъ послалъ меня Господь: и всѣхъ царей Тира, и всѣхъ царей Сидона, и всѣхъ острововъ, которые за моремъ,—Дедана и Ѳему и Буза, *и всѣхъ стригущихъ волосы на вискахъ*“ (25, 23). Поэтому въ книгѣ Левитъ читаемъ: „не стригите головы вашей кругомъ и не порти края бороды твоей“ (Лев. 19, 37). Въ силу постановленія книги Левитъ евреи доселѣ не подстригаютъ волосъ на вискахъ и носятъ длинные пейсы. По Мунку это запрещеніе объясняется обычаемъ арабовъ, которые волосы со щекъ и висковъ посвящали божеству подобному Бахусу, какъ говоритъ Геродотъ, (III, 8), и о нихъ то упоминаетъ пророкъ Іеремія, называя ихъ людьми стригущими волосы на вискахъ (9, 26; 49, 32). Но по сказаніямъ арабовъ обычай брить голову въ городахъ у нихъ явился не рано. Горожане обривали себѣ голову только отправляясь на богомолье. Въ позднѣшія времена и молодые мужчины у евреевъ стали подстригать свои волосы; не стричь волосъ мужчинамъ считалось уже прямымъ безчестіемъ. „Не сама ли природа учитъ насъ, говоритъ апостолъ Павелъ, что если мужъ раститъ волосы, то это безчестіе для него“. (1 Кор. II 12).

Волосы свои евреи смазывали благовоннымъ масломъ. „Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ, говоритъ Псалмопѣвецъ. Это—какъ драгоцѣнный елей на головѣ, стекающій на бороду, бороду Ааронову, стекающій на края одежды его". (Пс. 132, 1—2). Принося благодарность Богу за Его благодѣянія ему, Псалмопѣвецъ говоритъ: „Ты приготовилъ предо мною трапезу въ виду враговъ моихъ; умастилъ елеемъ голову мою; чаша моя преисполнена". (22, 5). Соломонъ свои благожеланія въ книгѣ Екклезіастъ выражаетъ между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: „да будутъ во всякое время одежды твои свѣтлы, и да не оскудѣетъ елей на головѣ твоей (9, 8). Господь, запрещая избѣгать лицемѣрія фарисеевъ, давалъ также наставленіе: „когда постишься, помажь главу твою и умой лице твое". (Мѳ. 6, 17). Упрекая фарисея, въ домѣ котораго Онъ обѣдалъ, за невниманіе къ Себѣ, и указывая ему на примѣръ женщины, омывшей Ему ноги, Господь говорилъ: „Ты главы Мнѣ масломъ не помазалъ, а она миромъ помазала Мнѣ ноги". Подобно мужчинамъ и женщины имѣли обычай намащать свои волосы, *если не было дней печали*. „И замѣтилъ Іоавъ, сынъ Саури, что сердце царя обратилось къ Авессалому, и послалъ Іоавъ въ Θекою, и взялъ оттуда умную женщину, и сказалъ ей: притворись плачущею и надѣнь печальную одежду, и не мажься елеемъ, и представься женщиною много дней плакавшею по умершемъ". (2 Цар. 14, 2).

Вообще попеченіе о волосахъ на головѣ и бородѣ имѣло большее значеніе у іудеевъ. Не причесывать и не намазывать ихъ масломъ считалось признакомъ великой скорби. Въ знакъ печали о Давидѣ Мемфимосетъ, сынъ Саула, не умывалъ ногъ своихъ, не заботился о бородѣ своей съ того времени, какъ вышелъ царь (Давидъ) изъ Іерусалима, до благополучнаго возвращенія его. (2 Цар. 19, 25).

Женщины еще заботливо причесывали и плели свои волосы. Такъ, объ Іудиѳи говорится, что она заботливо намастилась драгоцѣннымъ миромъ и причесала волосы

свои (Іуд. 10, 3). Такъ украсила голову свою Іезавель, приготовляясь встрѣтить Іиуя, истребившаго домъ Ахава. (4 Цар. 9, 30). „Да будетъ, говоритъ апостолъ Петръ, украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ (1 Петр 3, 3). Заботливо плели свои волосы даже и мужчины. Такъ напримѣръ о Самсонѣ извѣстно, что онъ свои богатые волосы расплеталъ на семь косъ. „И сказала Далила Самсону: все ты обманываешь меня и говоришь мнѣ ложь. Скажи мнѣ, чѣмъ бы связать тебя. Онъ сказалъ ей: если ты вотчешь семь косъ головы моей въ ткань и прибьешь ее гвоздемъ къ ткальной колодѣ, то я буду безсиленъ, какъ и прочіе люди“ (Суд. 16, 13).

Голову свою евреи покрывали чалмою, которая упоминается въ Библіи подъ разными названіями, и была безъ сомнѣнія, различныхъ формъ. Все, что можно сказать о чалмѣ положительнаго, основываясь на этимологіи словъ *занифъ и миснефетъ*, это то, что она представляла ткань, которою обматывали голову. Нынѣ въ домахъ богатыхъ арабовъ обыкновенно имѣется стулъ, на который на ночь кладется чалма и покрывается толстой шелковой салфеткой, затканной золотомъ. Кромѣ чалмы нынѣшніе арабы носятъ на головѣ еще платокъ, который называется куфьей. Платокъ этотъ квадратный, въ аршинъ и болѣе величины. Его носятъ сверхъ чалмы. Несомнѣнно такой же величины платокъ на головѣ носили и древніе евреи, какъ мужчины, такъ и женщины. Вѣроятно, онъ былъ бѣлый, для ослабленія солнечнаго зноя, и можетъ быть придерживался на головѣ войлочнымъ обручемъ, *агаломъ*, какое дѣлаютъ это нынѣ бедуины. Объясняя слова пророка Исаіи: „И возвратятся избавленные Господомъ, придутъ на Сіонъ и *радость вѣчная будетъ надъ головою ихъ* (Ис. 35, 10), экзегеты говорятъ, что выраженіе „радость.... надъ головою“ указываетъ на обычай украшать свою голову вѣнками.

Очень оригинальную принадлежность головного убора составлялъ также упоминаемый въ Библіи *рогъ*, кото-

рый восточные жители любили носить. Онъ служилъ знакомъ власти и почета (Плач. Іер. 2, 3). Роги были также символомъ царскаго достоинства (Дан. 8; Зах. 1, 18). Давидъ говоритъ: „не возносите рога вашего на высоту“ (Пс. 75. 5) и „ты вознесъ рогъ мой, какъ рогъ единорога“. (91, 11). Онъ называетъ Мессію „рогомъ спасенія нашего“ (18, 3), говоритъ объ Іеговѣ: „Онъ возвеличитъ рогъ своего народа“ (148, 14). Іеремія говоритъ: „Рогъ Моава былъ сокрушенъ“ (58. 25). Даніилъ и ев. Іоаннъ также силу народа символизируютъ рогами (Дан. 7, 7—8; Апок. 13, 1, 11, См. еще 2 Петр. 18, 10). Теперь рогъ исчезъ изъ головныхъ уборовъ евреевъ по всей вѣроятности потому, что народъ еврейскій потерялъ свою отчизну и о величіи его, не можетъ быть и рѣчи. Только въ сѣверной части Палестины, на Ливанѣ, замужнія женщины изъ племени Друзовъ еще носятъ серебряный рогъ на головномъ уборѣ.

Очень дорожили древніе евреи и бородою. Для обозначенія бороды въ еврейскомъ языкѣ было два слова: *шафам*—борода вообще и *закри*—борода, какъ признакъ старости и особеннаго достоинства. Борода представлялась имъ украшеніемъ мужа, символомъ силы и мужества, чѣмъ то весьма священнымъ. Всѣ они носили бороду, даже послы царя и военачальники его. Обрѣзать бороду другому почиталось величайшимъ оскорбленіемъ. Это было символомъ подчиненія, рабства. Поэтому, когда Аммонитяне посламъ Давида отрѣзали половину бороды и отпустили ихъ въ такомъ видѣ, это было признано такимъ оскорбленіемъ, за которое Давидъ началъ войну съ Аммонитянами, и, побѣдивъ ихъ, подвергъ самымъ жестокимъ казнямъ. Всякое прикосновеніе къ чужой бородѣ считалось уже личнымъ оскорбленіемъ. Можно было прикасаться къ чужой бородѣ только для того, чтобы поцѣловаться. Свиданіе двухъ военачальниковъ—Іоава и Амессая такъ описывается въ Библіи: „И сказалъ Іоавъ Амессаю: здоровъ ли ты, братъ мой! И взялъ Іоавъ правою рукою Амессая за бороду, чтобы поцѣловать его“. (2 Цар. 20, 9). Щеголеватые люди не только мыли свою

бороду, но и намазывали ее благовоннымъ масломъ. Но иногда евреи и сами закрывали и брили свою бороду. Это было во дни печали, для показанія глубокаго сокрушенія. Въ пророчествѣ Исаіи о Моавитянахъ читаемъ: „Моавъ рыдаетъ надъ Нево и Медевою; у всѣхъ ихъ острижены волосы, и у всѣхъ обриты бороды (Ис. 15, 2).

И нынѣ арабы считаютъ преступленіемъ брить бороду и скорѣе согласятся лишиться жизни, чѣмъ разстаться съ бородою, а у турокъ и персовъ вырываніе бороды считается наказаніемъ.

Для характеристики того, до какой степени можетъ доходить у восточныхъ народовъ уваженіе къ бородѣ, позволяю себѣ заимствовать изъ археологіи Іеронима разсказы путешественниковъ о томъ, какъ высоко цѣнятъ бороду арабы. Арабы почитаютъ бороду довершеніемъ красоты человѣческаго лица, и чѣмъ длиннѣе, гуще она, тѣмъ большого уваженія заслуживаетъ ея владѣлецъ. Они презираютъ такъ называемыя кошачьи бороды, въ которыхъ водится только нѣсколько волосъ кряду. Когда арабы видятъ человѣка съ бородой столь густой, какъ кустарникъ, они говорятъ, „какъ счастливы родители, породившіе такую прекрасную бороду; да снидетъ на нихъ, какъ дождь, Божіе благословеніе“. Встрѣчая человѣка съ широкой, приведенной въ порядокъ бородой, они говорятъ: „стоитъ только взглянуть на бороду, чтобы увѣриться что тотъ, кто ее носитъ, есть человѣкъ достопочтенный, на котораго Богъ ниспослалъ благодать“. Но если они встрѣтятъ человѣка съ красивой бородой, но съ дурнымъ поведеніемъ, или произносящаго неприличныя слова, то обыкновенно тотчасъ говорятъ: „Ахъ, какой это стыдъ для такой бороды... можно ли наносить подобное оскорбленіе такой бородѣ. Какой это стыдъ и срамъ для его бороды“. Если они что нибудь выпрашиваютъ у другихъ, то просятъ ихъ заклиная бородой: „ради вашей бороды... ради жизни вашей бороды сдѣлайте для меня то то и то то“. А когда благодарятъ за что нибудь, то употребляютъ такія выраженія: „Богъ да со-

дѣлаетъ вашу бороду длиннѣе". „Богъ да изольетъ свое благословеніе на вашу бороду".

Почтеніе къ большой бородѣ у арабовъ простирается до того, что человѣкъ, у котораго борода не меньше фута ширины, а длиною до пояса—считается весьма почтеннымъ человѣкомъ во всей странѣ и его свидѣтельство передъ судомъ значитъ болѣе, чѣмъ свидѣтельство 30 обыкновенныхъ людей.

Жилища древнихъ евреевъ.

Въ самый древній періодъ своего существованія, въ періодъ доисторическій, когда народъ не достигъ еще никакого развитія и не можетъ устроить себѣ жилища, онъ живетъ обычно въ пещерахъ и въ дуплахъ большихъ деревьевъ. У евреевъ такого доисторическаго періода не было. Уже Каинъ, по свидѣтельству Библіи, строитъ городъ. „И позналъ Каинъ жену свою и она зачала и родила Эноха. „И построилъ онъ городъ и назвалъ по имени сына своего Энохъ" (Быт. 4, 17).

Правда, пещеръ въ горахъ Палестины было множество и древніе хананейскіе народы селились въ нихъ. Такъ, напримѣръ, близъ Іерусалима, на срединѣ пути отъ Эль Бире въ Виѳлеемъ, влѣво отъ дороги, видны заваленныя древнія жилища хананеевъ, изсѣченныя въ скалѣ. Св. Писаніе упоминаетъ о народахъ, живущихъ въ пещерахъ Идумеи, о такъ называемыхъ хорреяхъ, первоначальныхъ жителяхъ Идумеи. Они такъ перечисляются въ Библіи: „Сіи сыновья Сеира Хорреянина, жившіе въ землѣ той: Лотанъ, Совалъ, Цивеонъ, Эцеръ и Диманъ. Сіи старѣйшины хорревъ, сыновъ Сеира, въ землѣ Эдома" (Быт. 36, 20). Исавъ взялъ себѣ жену изъ этого племени. Потомки Исава, впослѣдствіи, прогнали хорреевъ и поселились на ихъ мѣстахъ. „А на Сеирѣ жили прежде Хорреи, но сыны Исавовы прогнали ихъ и истребили отъ лица своего, и поселились вмѣсто нихъ". (Втор. 2, 12, 22). Затѣмъ много было въ древнее время обитателей пещеръ въ заіорданской области, въ землѣ

Аммореевъ, Амминитянъ и Моавитянъ. Много было ихъ на югѣ Іудеи, близь Хеврона и близь филистимскихъ городовъ Газы, Геѳа и Азота. Остатки этихъ жителей пещеръ были и во времена Іова. Іовъ такъ описываетъ ихъ: „Бѣдностью и голодомъ истощенные, они убѣгаютъ въ степь безводную, мрачную и опустѣвшую. Щиплютъ зелень подлѣ кустовъ и ягоды можжевельника хлѣбъ ихъ. Изъ общества изгоняютъ ихъ, кричатъ на нихъ какъ на воровъ, чтобы жили они въ рытвинахъ потоковъ въ ущельяхъ земли и утесовъ. Ревутъ между кустами, жмутся подъ терномъ—люди отверженные, люди безъ имени, отребіе земли“ (Іов. 30, 1—8).

Но что касается евреевъ, то пещеры никогда не были для нихъ мѣстомъ постояннаго жительства. Они только на время иногда поселялись въ пещерахъ, во времена какихъ-нибудь преслѣдованій. Такъ послѣ Девворы, подпавъ игу мадіанитянъ, евреи укрывались отъ нихъ въ ущельяхъ горъ. „Тяжела была рука мадіанитянъ надъ израилемъ, и сыны израилевы сдѣлали себѣ отъ мадіанитянъ ущелья въ горахъ, и пещеры и укрѣпленія. (Суд. 6, 2). Такъ укрывался въ ущельѣ скалъ Этама Сампсонъ, когда перебилъ голени невѣстѣ своей и отцу ея, филистимлянъ. „И перебилъ имъ голени и бедра, и пошелъ и засѣлъ въ ущельѣ скалы Этама“. (Суд. 15, 8). Такъ въ пещерахъ и ущельяхъ скрывались Израильтяне отъ Филистимлянъ предъ воцареніемъ Саула. И собрались филистимляне на войну противъ Израильтянъ. Израильтяне, видя, что они въ опасности, потому что народъ былъ стѣсненъ, укрывались въ пещерахъ и ущельяхъ и между скалами, и въ башняхъ, и во рвахъ (I Цар. 13, 6). Отсюда и у пророка Ісаіи читаемъ: „и войдутъ люди въ разсѣлины скалъ и пропасти земли стъ страха Господа и отъ славы Величія Его“ (Исаіи 2, 10, 19). Въ пещерахъ, далѣе, скрывался Давидъ отъ преслѣдованій Саула. „И вышелъ Давидъ оттуда (отъ Анхуса, царя Геѳскаго), и убѣжалъ въ пещеру Адоламскую“. И услышали братья его и весь домъ отца его и пришли къ нему туда“ (I Цар. 22, 1). „И взялъ Саулъ 3000 отборныхъ

мужей изъ всего Израиля, и пошелъ искать Давида. И пришелъ къ загону овечьему: тамъ была пещера; и зашелъ туда Саулъ для нужды. Давидъ же и люди его сидѣли въ глубинѣ пещеры" (I Цар. 21, 4) Во времена Ахава въ пещерахъ скрывались пророки отъ преслѣдованій злобной Іезавели. „И когда Іезавель истребляла пророковъ Господнихъ, Авдій (начальствовавшій надъ дворцомъ), взялъ сто пророковъ и скрывалъ ихъ, по 50 человѣкъ, въ пещерахъ и питалъ ихъ хлѣбомъ и водою" (3 Цар. 18, 4). Между прочимъ въ пещерѣ же, на горѣ Хоривѣ, скрывался и пророкъ Илія. „И вошелъ онъ (Илія) тамъ (на Хоривѣ) въ пещеру и ночевалъ въ ней. И вотъ, было къ нему слово Господне, и сказалъ ему Господь: что ты здѣсь, Илія". (3 Цар. 19, 9). Часто скрывались Іудеи въ пещерахъ и во времена маккавеевъ, въ тяжелыя времена гоненій на ихъ вѣру со стороны иноземныхъ царей. „Царь послалъ чрезъ вѣстниковъ граматы въ Іерусалимъ и въ города Іудейскіе, чтобы они слѣдовали узаконеніямъ, чужимъ для сей земли... И собрались къ нимъ многіе изъ народа, всѣ, которые оставили законъ, и совершили зло въ землѣ... и заставили Израиля укрываться во всякомъ убѣжищѣ его (I Цар. 1, 53). „И возвѣщено было мужамъ царскимъ и войску, находившемуся въ Іерусалимѣ, городѣ Давидовомъ, что нѣкоторые мужи, нарушивъ царское повелѣніе, ушли въ сокровенныя мѣста, въ пустынѣ. И погнались за ними многіе и, настигнувъ ихъ, ополчились и выстроились къ сраженію противъ нихъ въ день субботній. И сказали имъ: выходите и сдѣлайте по слову царя и останетесь живы. Но они отвѣчали: не выйдемъ и не сдѣлаемъ по слову царя, не осквернимъ дня субботняго. Тогда поспѣшили начать сраженіе противъ нихъ. Но они не отвѣчали имъ, ни даже камня не бросили на нихъ" (I Мак. 2, 31, сл.). Но это укрывательство въ пещерахъ часто было очень гибельно для укрывающихся. Осаждающіе подкладывали въ пещерные входы огонь и горючія вещества, и находившіеся въ пещерахъ задыхались въ нихъ отъ дыма и чада.

Особенно удобны были эти пещеры палестинскихъ горъ, эти вертепы, для укрывательства разбойниковъ. Отсюда выраженіе—„вертепъ разбойниковъ“. Такъ Господь чрезъ пророка Іеремію упрекая евреевъ за ихъ небреженіе къ храму, говоритъ: не сдѣлался ли вертепомъ разбойниковъ въ глазахъ вашихъ домъ сей, надъ которымъ наречено имя Мое (Іер. 7, 11). Очень часто пользовались евреи пещерами и для погребенія мертвыхъ.

Выходя изъ періода дикости народъ прежде всего начинаетъ устроять себѣ жилища въ шалашахъ или кущахъ, устрояемыхъ изъ древесныхъ вѣтвей. Такіе шалаши устрояли иногда въ случаѣ нужды и евреи, или для скота своего, или для самихъ себя. Такъ, подобные шалаши устроялъ для скота своего Іаковъ, послѣ того какъ простился съ Исавомъ. „И возвратился Исавъ въ тотъ же день путемъ своимъ въ Сеиръ. А Іаковъ двинулся въ Сакхоѳъ и построилъ себѣ домъ, и для скота своего сдѣлалъ шалаши. Отъ сего онъ нарекъ имя мѣсту Сакхоѳъ“. (Быт. 33, 17). Въ подобныхъ шатрахъ жили евреи во время своего странствованія по пустынѣ и въ память этого у нихъ учрежденъ былъ впослѣдствіи праздникъ кущей, въ теченіе котораго они должны были выселяться изъ домовъ и жить въ шалашахъ. „Въ кущахъ живите семь дней; всякій туземецъ израильтянинъ долженъ жить въ кущахъ, чтобы знали роды ваши, что въ кущахъ поселилъ Я сыновъ Израилевыхъ, когда вывелъ ихъ изъ земли Египетской“. (Лев. 23, 42, 43). Въ кущѣ жилъ и пророкъ Іона, когда произнесъ пророчество на Ниневію и желалъ знать исполнится ли его пророчество. „И вышелъ Іона изъ города, и сѣлъ съ восточной стороны у города, и сдѣлалъ себѣ тамъ кущу, и сѣлъ подъ нею въ тѣни, чтобы видѣть, что будетъ съ городомъ“. (Іона 4, 5). Такія кущи конечно хотѣлъ устроить апостолъ Петръ на Ѳаворѣ послѣ Преображенія Господня. Такія же временные шалаши изъ циновокъ и зеленыхъ вѣтвей устрояли себѣ на сѣверной части Елеонской горы Галилейскіе богомольцы, въ громадномъ количествѣ собиравшіеся въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Въ такихъ же

временныхъ шалашахъ устроялись и тѣ евреи, которые приходили на Іорданъ слушать проповѣдь Іоанна Крестителя. Въ одномъ изложеніи евангельской исторіи читаемъ: „Равви, гдѣ живешь,—спрашивали Господа первые ученики Его. Гдѣ жилъ въ то время Господь—неизвѣстно. Очень можетъ быть Онъ жилъ тогда во временной кущѣ или шалашѣ, покрытомъ сверху полосатой абой, обычной на востокѣ верхней одеждой, и заслоненной съ боковъ изгородью изъ перевитыхъ зеленыхъ вѣтвей, такъ какъ такіе шалаши служили обычнымъ жилищемъ для всѣхъ приходящихъ къ крещенію Іоанна.

Дальнѣйшую форму строительнаго искусства представляетъ пастушеская палатка, устроенная на многихъ, вколоченныхъ въ землю жердяхъ, накрытая полотномъ или кожами, или чаще войлокомъ, сдѣланнымъ изъ козьей шерсти. Первый подобный шатеръ устроилъ Іувалъ и всѣ патріархи жили подъ шатромъ. Привычка и воспитаніе такъ пріучили древнихъ къ этому образу жизни подъ палатками, что спустя много вѣковъ послѣ изобрѣтенія домовъ не хотѣли пользоваться удобствами послѣднихъ и продолжали вести ту же самую жизнь въ подвижныхъ шатрахъ. Такъ, когда Авраамъ пришелъ въ землю Ханаанскую, онъ нашелъ эту страну полную городовъ, и, конечно, могъ бы поселиться осѣдло въ какомъ нибудь изъ нихъ, подобно Лоту, который поселился въ Содомѣ, но онъ предпочелъ кочующую странническую жизнь. Точно также и послѣ пребыванія въ Египтѣ, когда Израильтяне возвратились въ землю Обѣтованную и поселилась въ ней, многіе изъ нихъ еще долго продолжали жить въ шатрахъ. Такъ и при разсказѣ о томъ, какъ окончилось возстаніе Авессалома при Давидѣ читаемъ: „и взяли (тѣло) Авессалома и бросили его въ лѣсъ въ глубокую яму, и наметали надъ нимъ огромную кучу камней. И всѣ израильтяне разбѣжались, *каждый въ шатеръ свой*“. (2 Цар. 18, 17). Равно и впослѣдствіи о Ровоамѣ читаемъ: „И не послушалъ царь народа (просившаго облегченія налоговъ), и увидѣли всѣ израильтяне, что царь не послушалъ ихъ, и отвѣчалъ народъ

царю и сказалъ: нѣтъ намъ доли въ домѣ Іесеевомъ; по *шатрамъ своимъ, Израиль*" (3, Цар. 12, 15, 18). Это встрѣчающееся много разъ въ періодъ царей упоминаніе о жизни въ шатрахъ показываетъ, что и во времена царей еще очень многіе евреи не имѣли неподвижныхъ домовъ и жили въ шатрахъ или кущахъ, что было удобно по климату Палестины, и можетъ быть необходимо по причинѣ частыхъ войнъ съ иноплеменниками. Часто упоминается о шатрахъ и у пророковъ. Образы разореннаго шатра, для обозначенія бѣдствія, и расширеннаго шатра, для обозначенія удачи и счастья, одни изъ употребительныхъ у пророковъ. „Распространи мѣсто шатра твоего, читаемъ у пророка Исаіи (54, 2), расширь покровы жилищъ твоихъ, не стѣсняйся, пусти длиннѣе верви твои и утверди колья твои". (см. еще Исаіи 33, 20; Іерем. 10, 20 и др.).

Такіе же вкусы и у нынѣшнихъ восточныхъ жителей. Кочующіе арабы съ гордостью называютъ себя народомъ шерсти, то есть народомъ шатровъ, накрытыхъ шерстяными войлоками (большею частію черными),—думая этимъ унизить жителей городовъ и деревень, которыхъ они называютъ народомъ клея, то есть народомъ склеенныхъ домовъ. «Всѣ члены бедуинской семьи, говоритъ одинъ путешественникъ, живущіе въ шатрахъ, собираются вокругъ костра, на которомъ они пекутъ хлѣбъ, грѣясь около огня въ холодные вечера, разсказываютъ другъ другу сказки. Станъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ шатровъ представляетъ живописное зрѣлище. Оно приводитъ намъ на память слова Соломона: „черна я, но красива, какъ шатры кидарскіе".

Какъ устраивались шатры? По объему, конечно, устраивались и болѣе широко и менѣе широко, по матеріаламъ и болѣе прочно и менѣе прочно. Въ еврейскомъ языкѣ было два названія для обозначенія шатра (2 Цар. 7, 4, 5). «Было слово Іеговы къ Наѳану: иди скажи.... Давиду: Я, съ того времени, какъ вывелъ сыновъ израилевыхъ изъ Египта и до сего дня не жилъ въ домѣ но... *въ шатрѣ и скиніи*. Еврейскія слова о семъ имѣютъ одно и тоже значеніе, съ тѣмъ различіемъ, что одно слово значитъ жилище, которое можно растягивать, ставить и снимать по произволу, слѣдовательно, жилище временное,

а другое слово—жилище болѣе постоянное. По отношенію къ помѣщенію ковчега первое слово означаетъ скинію во время странствованія евреевъ въ пустынѣ аравійской, когда она переносилась съ мѣста на мѣсто; второе—означаетъ скинію во время утвержденія въ Палестинѣ. Хотя и здѣсь мѣстопребываніе скиніи перемѣнялось нѣсколько разъ, но не такъ часто.

Какъ устраиваются шатры у нынѣшнихъ номадовъ? Вотъ что разсказываетъ одинъ англичанинъ о томъ, какъ одинъ богатый шейхъ Месопотаміи пригласилъ его въ свой шатеръ.

„Палатка занимала пространство около 30 шаговъ; она была устроена изъ большихъ кусковъ полотна, поддерживаемаго съ каждой стороны 6-ю кольями, такъ что всѣхъ кольевъ было 24. Края полотна были привязаны веревками къ гвоздямъ, вбитымъ въ землю. Такимъ образомъ, палатка, будучи поддерживаема, по мѣстамъ, кольями, походила на квадратъ изъ распущенныхъ зонтиковъ. Пространство, занимаемое палаткою, съ передней стороны и боковъ было открыто до третьяго столба. Потомъ слѣдовало отдѣленіе отгороженное тростникомъ, наконецъ, дальше находилось помѣщеніе для женщинъ, отдѣленное такою же загородкою".

Шатеръ Авраама, очевидно, походилъ на тотъ, въ которомъ мы были: и тотъ и другой имѣли около двери открытое мѣсто, гдѣ сидѣли въ знойное время дня и откуда можно было смотрѣть вдаль совершенно безпрепятственно. Комната, въ которой находилась Сарра, когда Авраамъ говорилъ, что она въ шатрѣ, находилась за этою открытою частью. Тамъ то она готовила обѣдъ для своихъ гостей и оттуда слышала ихъ предсказанія". Впрочемъ у Сарры былъ свой отдѣльный шатеръ.

Шатры у евреевъ, по словамъ археологовъ, обыкновенно раздѣлялись завѣсами на три отдѣла. У входа въ первое отдѣленіе у простолюдиновъ помѣщается скотъ, который надо помѣщать подъ кровомъ, напримѣръ ягнята, телята и т. д. Во второмъ отдѣленіи помѣщаются мужчины. Въ третьемъ, внутреннемъ, отдѣленіи (которое

по латыни называется *кубба,* ложницею, спальною), помѣщаются женщины. Отъ мужской половины эта часть шатра отдѣляется ковромъ изъ бѣлой шерсти. Богатые не держатъ скота въ своихъ шатрахъ, а предоставляютъ первое отдѣленіе своимъ слугамъ. А самые богатые для прислуги, а также и для женъ, устраиваютъ особые шатры. Такъ Сарра имѣла свой собственный шатеръ. Полъ шатра, смотря по состоянію хозяина, бываетъ устланъ или простыми циновками, или дорогими коврами, и послѣдніе замѣняютъ диваны, кресла, стулья. Матрацы, простыни, подушки и всѣ спальныя принадлежности днемъ складываются другъ на друга въ углу палатки, а ночью, когда хозяинъ ложится спать, снова разстилаются по полу въ надлежащемъ порядкѣ. Утварь шатра составляютъ также глиняные или мѣдные горшки, блюда, большею частью деревянные,—мѣдные тазы и чаши, хорошо вылуженныя,—ручныя мельницы и кожаные мѣхи. У Іаили нашелся подъ рукою и молотъ, который употребляется при устройствѣ палатокъ для выбиванія кольевъ. Устройство очага въ шатрѣ очень просто: горшокъ ставятъ на три камня и раскладываютъ подъ нимъ огонь. Вмѣсто скатерти у всѣхъ восточныхъ народовъ служитъ круглая кожа, на краяхъ которой кругомъ продѣланы отверстія, съ продѣтымъ въ нихъ шнуркомъ; послѣ обѣда скатерть эта сдергивается шнуркомъ и становится подобной мѣшку, и привязывается гдѣ нибудь къ потолку. Одежда и оружіе вѣшаются на одномъ изъ кольевъ палатки. Сундукъ для складыванія одеждъ и лампа для освѣщенія составляютъ все украшеніе шатра.

Эти первоначальныя жилища мало по малу стали улучшать, устроять удобнѣе для жилья, просторнѣе; прочнѣе, безопаснѣе, ограждая себя въ нихъ отъ зноя, холода и вѣтровъ, дождей и непогоды, и такимъ образомъ постепенно дошли до того, что стали строить стѣны изъ камней, брусьевъ и глины, а сверху покрывать ихъ вѣтвями и засыпать землею,—однимъ словомъ,—стали строить то, что называется домомъ. Несмотря на любовь къ жизни въ палаткахъ, строительное искусство

вообще довольно быстро развивалось. Еще прежде потопа Ной былъ уже въ состояніи, по даннымъ размѣрамъ, построить трехъэтажный ковчегъ съ крышею, и со всѣхъ сторонъ осмолить его,—а послѣ потопа люди выучились не только обжигать кирпичъ, но и употреблять смолу для связи камней, и вообще дошли до такого искусства, что сумѣли построить значительный городъ и мечтали выстроить высокую башню, достигающую до небесъ.

Говоря объ устройствѣ еврейскихъ домовъ я буду имѣть въ виду только большіе дома, чтобы выяснить до какой степени архитектурнаго искусства достигли евреи въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ большіе дома у евреевъ отличались отъ малыхъ не столько своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ, столько количествомъ этажей и богатствомъ украшеній. Вообще говоря, дома на Востокѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ, строились просторнѣе чѣмъ у насъ, потому что тамъ болѣе заботятся о прохладѣ, а у насъ о теплѣ.

Дома на Востокѣ вообще были четыреугольные. Таковъ, напримѣръ, былъ тотъ домъ въ которомъ жило семейство Іова. Вѣстникъ, пришедшій къ Іову съ извѣстіемъ о гибели его семейства, такъ разсказывалъ ему объ этомъ. „Вотъ большой вѣтеръ пришелъ отъ пустыни и охватилъ четыре угла дома, и домъ упалъ на отроковъ, и они умерли (Іов. 1, 19).

Въ серединѣ этого четыреугольнаго дома или, лучше, въ серединѣ этого четыреугольника домовъ былъ внутренній дворъ, вымощенный, украшенный колонами, на которыхъ висѣли различныя ткани, обсаженный деревьями и обставленный ложами для возлежанія. Такъ какъ этотъ внутренній дворъ былъ часто обсаженъ деревьями, то онъ также назывался садовымъ дворомъ. Такъ именно описывается внутренній дворъ царскаго дома въ Сузахъ, на которомъ царь Артаксеркъ сдѣлалъ большое угощеніе народу. „Въ третій годъ царствованія своего (Артаксеркъ) сдѣлалъ пиръ для всѣхъ князей своихъ... По окончаніи сихъ дней сдѣлалъ царь для народа своего, находившагося въ престольномъ городѣ Су-

захъ, отъ большого до малаго. пиръ семидневный на садовомъ дворѣ дома царскаго. Бѣлыя, бумажныя и яхтнаго цвѣта шерстяныя ткани прикрѣпленныя виссонными и пурпуровыми шнурами, висѣли на серебряныхъ кольцахъ и мраморныхъ столбахъ. Золотыя и серебряныя ложа были на помостѣ, устланномъ камнями зеленаго цвѣта, и мраморомъ, и камнями чернаго цвѣта" (Эсѳ. 1, 5—7). Вообще этотъ внутренній дворъ былъ общею гостинною дома, куда сходились по временемъ члены семьи и гдѣ открыто они принимали своихъ гостей. Внутренній дворъ не былъ покрытъ крышею. Можетъ быть онъ покрывался по временамъ, для тѣни, тѣми висѣвшими на колоннахъ тканями, о которыхъ упомянуто при описаніи двора Артаксеркса. Еще для большей прохлады въ серединѣ внутренняго двора часто устраивался колодезь, можетъ быть особый изящный бассейнъ или фонтанъ. Въ такомъ колодцѣ внутренняго двора, въ которомъ, впрочемъ уже не было воды, спасались отъ преслѣдованія Іонаѳанъ и Ахимаасъ во время возмущенія Авессалома. „И сказалъ Хусій Садоку и Авіаѳару, священникамъ... пошлите поскорѣе и скажите Давиду такъ: не оставайся эту ночь на равнинѣ въ пустынѣ. Іонаѳанъ и Ахимаасъ стояли у источника Рогель. И пошла служанка и разсказала имъ. А они пошли и извѣстили царя Давида... И увидѣлъ ихъ отрокъ и донесъ Авессалому. Но они оба скоро ушли и пришли въ Бахуримъ, въ домъ одного человѣка, у котораго на дворѣ былъ колодезь, и спустились туда" (2 Цар. 17, 18). Съ другой стороны въ холодныя ночи слуги дома часто разводили костры на внутреннемъ дворѣ и обогрѣвались около нихъ. Такъ, на внутреннемъ дворѣ дома первосвященника обогрѣвался и апостолъ Петръ «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся». Въ арабскихъ домахъ нынѣ комната, служащая гостинной, находится позади внутренняго двора и называется *макадъ*. Передній фасадъ ея выходитъ нѣсколькими открытыми арками въ садъ или во внутренній дворъ. Полъ этой комнаты надъ поверхностью двора возвышается на нѣсколько футовъ. Въ этой гостинной за внутреннимъ дво-

ромъ идетъ вдоль стѣны диванъ и есть нѣсколько ковровъ и больше ничего.

Дома еврейскіе часто были многоэтажные. Таковъ былъ домъ Соломона. „Оконныхъ косяковъ было (въ домѣ Соломона) три ряда и три ряда оконъ, окно противъ окна“ (3 Цар. 7, 4). Домъ блудницы Раавъ въ Іерихонѣ (Нав. 11, 15) и домъ, въ которомъ жилъ Давидъ до воцаренія (1 Цар. 19, 12) имѣли по крайней мѣрѣ два этажа. Многоэтаженъ былъ и домъ въ Троадѣ, гдѣ проповѣдывалъ Апостолъ Павелъ. „Во время продолжительной бесѣды Павловой, нѣкоторый юноша, именемъ Евтихъ, сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ глубокій сонъ, и пошатнувшись, сонный упалъ внизъ съ третьяго жилья, и поднятъ мертвымъ“ (Дѣян. 20, 9). Таковъ вѣроятно былъ и домъ царя Охозіи въ Самаріи. „Охозія же упалъ чрезъ рѣшетку съ горницы своей, что въ Самаріи, и занемогъ“ (4 Цар. 1, 2). Вѣроятно таковъ былъ и „просторный“ домъ Іоакима (Іерем. 22, 14). Многоэтажные дома и узкія улицы въ Палестинскихъ городахъ необходимы для предохраненія отъ дневного зноя. О назначеніи многоэтажныхъ домовъ высказываются археологами такія мнѣнія. Въ Палестинѣ, пишетъ одинъ изъ нихъ, верхніе этажи назначались для семьи, а въ нижнихъ этажахъ помѣщалась прислуга, сохранялась провизія и около нихъ были хозяйственные пристрои—кладовыя. (Библ. энцикл. арх. Никифора 1, 194—196; Гейки Св. земля 265—266). Поэтому убійцы сына Саулова Іевосѳея могли смѣло войдти въ его домъ какъ бы для того, чтобы взять хлѣба «а привратникъ въ домѣ задремалъ» читаемъ въ Библіи. (2 Цар. 2, 5—6). Такъ какъ семья обыкновенно спитъ въ верхнемъ этажѣ, а въ лѣтніе мѣсяцы—на плоской кровлѣ, на которую ведетъ наружная лѣстница, то весь *нижній этажъ* и находящееся въ немъ имущество поручается надзору привратника единственно остающагося въ нижнемъ этажѣ. „Домъ зажиточнаго класса на Востокѣ, читаемъ у другого археолога, состоитъ обыкновенно изъ двухъ этажей—верхняго, такъ называемаго *лѣтняго дома* и нижняго, называемаго *зимнимъ*

домомъ. Правда и въ нижнемъ этажѣ нѣтъ печей, но вмѣсто очага здѣсь имѣется по срединѣ пола неглубокая впадина, въ которую ставятъ глиняный сосудъ съ горящими угольями; когда уголья прогорятъ, этотъ сосудъ накрываютъ доской и ковромъ и тепло сохраняется долго. Предъ такой жаровней сидѣлъ въ своемъ зимнемъ домѣ царь Іоакимъ, когда жегъ свитокъ пророка Іереміи. (Іер. 36, 23).

Весьма важную особенность во внѣшнемъ видѣ еврейскихъ домовъ представляло собою устройство *крыши* надъ домомъ. Крыша ихъ домовъ всегда была плоская, съ весьма малымъ покатомъ для стока воды. На такихъ плоскихъ крышахъ, часто дѣлавшихся къ тому же изъ земли, смѣшанной съ древесною золою, известью и мелкими каменьями, естественно часто выростала трава, очень скоро засыхавшая, по отсутствію глубокой почвы. „Да будутъ нечестивые, говоритъ псалмопѣвецъ, какъ трава на кровлѣ, которая, прежде нежели будетъ исторгнута, засыхаетъ“ (Пс. 128, 4, 6). „Ты опустошаешь крѣпкіе города, читаемъ у пророка Исаіи, превращая ихъ въ груды развалинъ и жители ихъ сдѣлались маломощны; они стали, какъ поростъ на кровляхъ и опаленный хлѣбъ“ (Ис. 37, 27). Впрочемъ иногда кровли были и черепичныя. Такъ, черезъ пророка Исаію Господь укорялъ израильтянъ, что они „воскуряли ѳиміамъ для чуждыхъ боговъ на черепкахъ“, то есть на черепичныхъ крышахъ (Ис. 65, 2, 3). На плоскихъ кровляхъ своихъ домовъ евреи любили прогуливаться. Такъ, здѣсь именно прогуливался Давидъ, когда увидѣлъ Вирсавію. „Однажды подъ вечеръ Давидъ, вставъ съ постели, прогуливался на кровлѣ царскаго дома, и увидѣлъ съ кровли купающуюся женщину; а женщина была очень красива. И послалъ Давидъ развѣдать: кто эта женщина, и сказали ему: это Вирсавія, дочь Еліава, жена Уріи хеттеянина“ (2 Цар. 11, 23).

На кровлю сходились восточные жители посмотрѣть на какое нибудь зрѣлище. Такъ на кровлю храма въ громадномъ количествѣ стекались филистимляне, чтобы

посмотрѣть на слѣпого Сампсона. «Домъ же былъ полонъ мужчинъ и женщинъ, тамъ были всѣ владѣльцы филистимскіе. И на кровлѣ было 3000 мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшихъ на забавляющаго ихъ Сампсона». (Суд. 16, 27). Пророкъ Исаія, обращаясь къ Іерусалиму, вопрошаетъ: „Что съ тобою, что ты весь вышелъ на кровли, городъ шумный, волнующійся, городъ ликующій". (Ис. 22, 2). Съ кровли, какъ возвышеннаго мѣста, дѣлались заявленія народу. Такъ съ кровли ограды храма въ каждую пятницу вечеромъ возвѣщалось трубнымъ звукомъ о наступленіи субботы. На кровлю входили евреи для молитвы. Такъ апостолъ Павелъ молился въ Іоппіи на кровлѣ и здѣсь удостоился видѣнія плащаницы, спускающейся къ нему съ неба. „На другой день Петръ, около шестого часа, взошелъ на верхъ дома помолиться" (Дѣян. 10, 9). На кровляхъ также устраивали евреи шалаши во время праздника кущей и жили въ нихъ во дни этого праздника. Въ тѣ времена, когда евреи предавались идолопоклонству, они даже устрояли на кровляхъ алтари идоложертвенные.

Вотъ что говоритъ Господь израильтянамъ чрезъ пророковъ Исаію и Іеремію. „Всякій день я простиралъ руки къ народу непокорному... къ народу, который постоянно оскорбляетъ Меня въ лицо, приноситъ жертвы въ рощахъ и сожигаетъ ѳиміанъ на черепкахъ", т. е. на черепичныхъ кровляхъ (Ис. 65, 2, 3). Тоже говоритъ и Іеремія (19, 13): „Посему такъ говоритъ Господь, читаемъ у него, „вотъ Я отдаю городъ сей въ руки халдеевъ и въ руки Навуходоносора, царя Вавилонскаго, и онъ возьметъ его. И войдутъ халдеи, осаждающіе сей городъ, зажгутъ городъ огнемъ, и сожгутъ его, и домы, на кровляхъ. которыхъ возносились куренія Ваалу, и возліяемы были возліянія чужимъ богамъ, чтобы прогнѣвлять Меня" .(Іер. 32, 28, 29). Въ частности въ 4 книгѣ Царствъ упоминается о такихъ идоложертвенныхъ жертвенникахъ, устроенныхъ на кровлѣ горницы Ахаза. „И жертвенники на кровлѣ горницы Ахазовой, которые сдѣлали цари Іудейскіе, разрушилъ царь (Іосія), и низвергъ оттуда, и

бросилъ прахъ ихъ въ потокъ Кедронъ". (23, 1, 2). И пророкъ Софонія упоминаетъ о такихъ евреяхъ, которые „на кровляхъ поклоняются воинству небесному". (Соф. 1,5).

Если внутренній дворъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ открытой гостинной, куда принимали всякаго, то крыша, напротивъ, служила такимъ мѣстомъ, куда вводили только такихъ гостей, которыхъ или надо было укрыть по секрету, или которымъ хотѣли доставить полное спокойствіе. Такъ Раавъ на кровлѣ, въ снопахъ льна, укрыла соглядатаевъ земли обѣтованной. „А сама (Раавъ) отвела ихъ (саглядатаевъ) и скрыла ихъ въ снопахъ льна, разложенныхъ у ней на кровлѣ". (Нав. 2, 6). Такъ, Самуилъ вступилъ въ разговоръ съ Сауломъ наединѣ на кровлѣ. „И сошли они съ высоты (послѣ обѣда) въ городъ, и Самуилъ разговаривалъ съ Сауломъ на кровлѣ (и постлали Саулу на кровлѣ и онъ спалъ)" (1 Цар. 9, 25). Для большаго уединенія на кровляхъ устроялась иногда особая комната. Входъ въ эту верхнюю комнату былъ особый, по наружной лѣстницѣ, и обитатель ея не былъ никѣмъ стѣсняемъ и свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такую комнату устроила въ своемъ домѣ женщина Сонамитянина. Желая доставить спокойствіе Елисею, она упрашиваетъ своего мужа сдѣлать для Елисея особую комнату на кровлѣ дома. Въ одинъ день пришелъ Елисей въ Соннамъ. Тамъ одна богатая женщина упросила его къ себѣ. И сказала она мужу своему... сдѣлаемъ небольшую горницу надъ стѣною, и поставимъ ему тамъ постель, и столъ, и сѣдалище, и свѣтильникъ; и когда онъ будетъ приходить къ намъ, пусть заходитъ туда. (4 Цар. 4, 10). Въ такой горницѣ, какъ думаютъ, и Господь бесѣдовалъ съ Никодимомъ. Комната эта называлась у евреевъ аліа, или армон. Такія верхнія комнаты устраиваются и нынѣ на востокѣ. Одинъ путешественникъ описываетъ такую верхнюю комнату, какъ четыреугольную легкую досчатую постройку, занимавшую половину кровли и имѣвшую окна (конечно, безъ рамъ и стеколъ, а просто въ видѣ загражденныхъ рѣшетками пролетовъ) обращенныя на всѣ четыре стороны. Но у евреевъ эти комнаты

устроялись иногда и въ видѣ прочныхъ построекъ, даже въ видѣ башенъ.

Они служили часто вмѣсто спальни. Такъ на кровлѣ постлали Саулу послѣ бесѣды его съ Самуиломъ (1 Цар. 9, 25). На кровлѣ была устроена спальня и для Авессалома при его воцареніи: „И поставили для Авессалома палатку на кровлѣ, и вошелъ Авессаломъ къ наложницамъ отца своего предъ глазами всего Израиля“ (2 Цар. 16, 22). Въ домахъ богатыхъ мирныхъ жителей въ этой части дома какъ наиболѣе безопасной, помѣщались женщины и дѣти, въ особенности больныя. „И сказалъ Илія вдовицѣ Сарептской: дай мнѣ сына твоего. И взялъ его съ рукъ ея и понесъ его въ верхнюю горницу, гдѣ онъ жилъ, и положилъ его на свою постелю; и взялъ Илія отрока и свелъ его изъ горницы въ домъ, и отдалъ его матери его, и сказалъ: смотри, сынъ твой живъ (3 Цар. 17, 19—23). Можетъ быть въ такую именно горницу, находящуюся на кровлѣ дома и имѣющую окна къ Іерусалиму, уединялся Даніилъ для молитвы (Дан. 6, 10—11). Эта часть дома вообще составляла укрѣпленное мѣсто, послѣднее убѣжище. „Когда Замврій, царь Израильскій, увидѣлъ, что городъ его (Тирца) взятъ, то пошелъ на башню царскаго дома“. (3 Цар. 16, 19)

Нечего говорить, что кровли еврейскихъ домовъ, на которыхъ такъ часто бывали люди, со всѣхъ сторонъ обносились рѣшеткою, въ предупрежденіе случаевъ паденія. Это даже предписано было закономъ Моисеевымъ. „Если будешь строить новый домъ, то сдѣлай перила около кровли твоей, чтобы не навести тебѣ крови на домъ свой, когда кто нибудь упадетъ съ него“ (Втор. 22, 8).

Но въ большихъ городахъ дома были не только многоэтажны, но и строились сплошь безъ промежутковъ, такъ что кровля одного дома соприкасалась съ кровлей другого дома. Такъ это и теперь на Востокѣ. „Провожатый мой арабъ, пишетъ одинъ путешественникъ, одинъ изъ мѣстныхъ жителей, повелъ меня напрямикъ, по плоскимъ крышамъ домовъ, къ тому дому, гдѣ я нанялъ

помѣщеніе. Дома построены такъ тѣсно одинъ около другого, что съ одного легко перейти на другой. Одинъ обыкновенно фута на два выше или ниже другого, такъ что, проходя по кровлямъ, приходится все время то подниматься, то спускаться ступени на двѣ. Предсказывая, что настанутъ дни, когда въ Іерусалимѣ на мѣстѣ святѣ будетъ мерзость запустѣнія, Господь говорилъ: „находящіеся въ Іудеѣ да бѣгутъ въ горы, и кто на кровлѣ, тотъ да не сходитъ взять что нибудь изъ дома своего“ (Мѳ. 24. 16—17). Можно истолковать это предписаніе такъ. Во время вторженія въ городъ непріятеля небезопасно было спасаться по узкимъ улицамъ города и гораздо лучше было выбраться изъ города, не сходя съ крыши внизъ, а переходя до городской стѣны по кров лямъ домовъ.

Описанное мною устройство и назначеніе внутренняго двора и кровли въ еврейскихъ домахъ даетъ возможность довольно ясно понять повѣствованіе Евангелиста Марка объ исцѣленіи Господомъ разслабленнаго, котораго носильщики спустили къ ногамъ Господа, разломавъ кровлю. По всей вѣроятности Господь училъ народъ во внутреннемъ дворѣ дома, который сверху былъ занавѣшанъ для прохлады, и нужно было только отдернуть этотъ занавѣсъ, чтобы имѣть возможность опустить съ крыши одръ на внутренній дворъ. Если при этомъ сломали что-нибудь носильщики на крышѣ, то развѣ ту рѣшетку, которой она была ограждена.

Домъ, гдѣ былъ тогда Спаситель, походилъ на нынѣшніе арабскіе дома, былъ одноэтажный и имѣлъ плоскую крышу; по мнѣнію Сеппа, внутренній дворъ, гдѣ училъ Господь, могъ имѣть крышу, но такую, которую легко было раскопать, какъ сдѣланную изъ мусора.

О внутреннемъ устройствѣ еврейскихъ домовъ: какъ расположены были въ домѣ комнаты, какой были величины, какое каждая изъ нихъ имѣла назначеніе, объ этомъ нельзя составить опредѣленнаго понятія по Библіи. Мы можемъ судить объ этомъ только по современному расположенію домовъ на Востокѣ.

Внутрь дома съ улицы входили черезъ малую дверь и вступали въ комнату, которая была нѣчто вродѣ передней. Въ этой комнатѣ всегда находились привратникъ или привратница, отпиравшіе и запиравшіе входную дверь. Такая привратница впустила въ домъ первосвященника Апостола Петра по просьбѣ апостола Іоанна. „А Петръ стоялъ внѣ за дверями. Потомъ другой ученикъ, который былъ знакомъ первосвященнику, вышелъ и сказалъ привратницѣ, и ввелъ Петра“ (Іоан. 18, 16). Въ другой разъ, когда апостолъ Петръ по освобожденіи изъ темницы, пришелъ къ дому Маріи, его впустила въ домъ также служанка. „И, осмотрѣвшись, пришелъ къ дому Маріи, матери Іоанна, называемаго Маркомъ, гдѣ многіе собирались и молились. Когда же Петръ постучался у воротъ, то вышла послушать служанка, именемъ Рода“ (Дѣян 12, 12—13). Содержать привратниковъ было, конечно дороже, да и службу свою они несли не такъ исправно. Такъ Іевосѳей, сынъ Саула, былъ убитъ потому, что привратникъ его дома заснулъ и недосмотрѣлъ, что въ домъ вошли злоумышленники. „И пошли сыновья Реммона Бееровянина, и пришли въ самый жаръ дня къ дому Іевосѳея: а онъ спалъ на постели въ полдень... А привратникъ дома, очищавшій пшеницу, задремалъ и уснулъ. И Рахавъ и Баана, братъ его, вошли внутрь дома, какъ бы для того, чтобы взять пшеницы, и поразили Іевосѳея въ животъ и убѣжали“. (2 Цар. 4, 6). Эта передняя комната называлась переднимъ дворомъ или внѣшнимъ дворомъ. Отрекшись отъ Господа на внутреннемъ дворѣ, Петръ вышелъ на передній дворъ. „И вышелъ вонъ на передній дворъ, и запѣлъ пѣтухъ“. (Мр. 14, 68). На этомъ переднемъ дворѣ въ домахъ царскихъ явившіеся къ царю дожидались, пока ихъ не позовутъ. „Когда царь распрашивалъ о благодѣяніи Мордохея, пришелъ на дворъ Аманъ. И сказалъ Царь: кто на дворѣ. Аманъ же пришелъ тогда на внѣшній дворъ царскаго дома поговорить съ царемъ, чтобы повѣсили Мордохея на деревѣ, которое онъ приготовилъ для него“ (Есѳ. 6, 4) Такъ какъ въ этой передней комнатѣ

находился придворникъ, а въ царскомъ домѣ, вѣроятно, цѣлая гауптвахта, то этотъ внѣшній дворъ назывался еще дворомъ стражи. Здѣсь нѣсколько времени сидѣлъ подъ арестомъ пророкъ Іеремія. „Войско царя Вавилонскаго осаждало Іерусалимъ. И Іеремія пророкъ былъ заключенъ во дворѣ стражи, который былъ при домѣ царя Іудейскаго" (Іер. 32, 2).

Передняя комната была комната проходная. Изъ нея можно было попасть во всѣ части дома. Была въ ней дверь, которая вела въ извѣстный намъ внутренній дворъ; шли изъ нея лѣстницы, по которымъ входили въ верхніе этажи и на крышу. О лѣстницахъ упоминается при описаніи устройства Іерусалимскаго храма. „По круглымъ лѣстницамъ всходили въ средній ярусъ, а отъ средняго въ третій (3 Цар. 6, 8).

Кругомъ внутренняго двора были расположены отдѣльныя комнаты, имѣющія одинъ выходъ на внутренній дворъ и совершенно отдѣльныя одна отъ другого, такъ что для того, чтобы попасть изъ одной комнаты въ другую, надобно было сперва выйти на внутренній дворъ, Такое же устройство комнатъ было на второмъ и слѣдующихъ этажахъ. Каждая комната имѣла одинъ выходъ въ галлерею, идущую около этихъ этажей. Одинъ путешественникъ (Букингамъ) разсказывая о Багдадѣ, пишетъ: здѣшніе дома состоятъ: а) изъ ряда комнатъ, выходящихъ на дворъ, находящійся въ серединѣ. Это для того чтобы днемъ находить на дворѣ убѣжище отъ зноя; б) изъ открытыхъ террасъ, гдѣ обѣдаютъ и ночуютъ. Эти террасы раздѣляются иногда на разныя отдѣленія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою лѣстницу и образуетъ какъ бы отдѣльную комнату.

Какія комнаты какое имѣли назначеніе у евреевъ, объ этомъ ничего нельзя сказать. По всей вѣроятности комнаты, предназначенныя для женщинъ, находились если не на кровлѣ, то въ задней части дома, подобно тому какъ въ шатрѣ женщины занимали заднее отдѣленіе шатра. Впрочемъ, подобно тому, какъ въ кочевой періодъ своей жизни богатые евреи устрояли для своихъ женъ

особые, отдѣльные шатры, такъ и впослѣдствіи цари еврейскіе и богатые евреи устрояли для своихъ женъ особые дома. Такой домъ, напримѣръ, устроилъ Соломонъ для своей первой жены, дочери Фараона „И притворъ (въ своемъ домѣ) изъ столбовъ сдѣлалъ онъ (Соломонъ) длиною въ 50 локтей, шириною въ 30 локтей и передъ ними крыльцо, и столбы, и порогъ передъ ними. И въ домѣ дочери Фараоновой, которую взялъ за себя Соломонъ, онъ сдѣлалъ такой же притворъ". (3 Цар. 7, 8). При дворѣ Артаксеркса, въ Сузахъ, было даже нѣчто въ родѣ гарема, гдѣ жены царя жили подъ надзоромъ Галея, царскаго евнуха, стража женъ (Есѳ. 2, 3).

У дѣтей царя тоже были особые дома. „И послалъ Давидъ къ Ѳамари въ домъ сказать: пойди въ домъ Амнона, брата твоего", читаемъ въ 2 кн. Царствъ (13, 7). Это первое упоминаніе о томъ, что дѣти царя имѣли. особое жилище и имущество.

Какъ были особые дома для женъ и сыновей царя, такъ были у богатыхъ евреевъ и особые дома зимніе „И поражу домъ зимній вмѣстѣ съ домомъ лѣтнимъ, читаемъ въ пророчествѣ Амоса, и исчезнутъ дома съ украшеніями изъ слоновой кости, и не станетъ многихъ домовъ" (Ам. 3, 15).

Въ 4 кн. Царствъ читаемъ, что „Ахавъ бѣжалъ черезъ *садовой домъ*". Этотъ домъ, вѣроятно, былъ загородный, ибо въ городахъ садовъ не было.

Теперь познакомимся съ устройствомъ и украшеніемъ каждой комнаты еврейскаго дома въ частности. Двери, ведущія въ комнату, обычно, были низки. Соломонъ предупреждаетъ тѣхъ, кто дѣлаетъ въ своемъ домѣ высокія двери, что они подвергаются большей опасности во время нападенія враговъ. „Кто высоко поднимаетъ ворота свои, говоритъ онъ, тотъ ищетъ паденія". (Притч. 17, 19). По той же вѣроятно причинѣ даже въ христіанскія времена въ большихъ зданіяхъ въ Палестинѣ входныя двери дѣлались очень узкія, въ родѣ калитки. Таковъ, напримѣръ, доселѣ входъ въ Крестный монастырь въ Іерусалимѣ, или входъ въ Виѳлеемскій храмъ, Рождества

Христова.—Дверь навѣшивалась на петляхъ. „Дверь ворочается на крючкахъ своихъ, а лѣнивецъ на постели своей," говоритъ Соломонъ" (Притч. 26, 14). При описаніи великолѣпія Соломонова храма говорится, что въ немъ эти петли у дверей были изъ золота. „И петли у дверей внутренняго храма во Святомъ Святыхъ и у дверей въ храмъ изъ золота же" (3 Цар. 7, 50).—Извнутри дверь запиралась задвижкой, но снаружи было отверстіе, чрезъ которое можно было просунуть руку. „Возлюбленный мой протянулъ руку свою сквозь скважину", читаемъ въ кн. Пѣснь Пѣсней. Но иногда скважина была такъ мала, что чрезъ нее могъ пройти только ключъ и безъ ключа нельзя было отпереть комнату. Поэтому Аодъ убивъ Еглона и заперѣвъ комнату, гдѣ онъ былъ, лишилъ,— слугъ Еглона возможности скоро проникнуть въ комнату. Они думали, что Еглонъ заперся извнутри и ждали, пока онъ отопретъ. „Пока они недоумѣвали, Аодъ между тѣмъ ушелъ (и никто о немъ не думалъ), прошелъ мимо истукановъ и спасся въ Секраѳъ". (Суд. 3, 26). Запоры и замки, а также ключи были обыкновенно деревянные, говоритъ Мункъ, какіе въ употребленіи до сихъ поръ на востокѣ; металлическіе запоры упоминаются какъ рѣдкость (Втор. 33, 25) и употреблялись преимущественно для городскихъ воротъ (3 Цар. 4, 13).

Во исполненіе предписанія Моисея: „И напиши ихъ (Слова: „люби Господа твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣми силами твоими) на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ (Втор. 6, 9; 11, 20) къ косякамъ дверей прибивали свертокъ кожи съ означенными выше словами. Этотъ свертокъ назывался *мезуза*.

Полы въ комнатахъ, вѣроятно, были очень изящны. Даже во внутреннемъ дворѣ дома царскаго въ Сузахъ они были мозаичные и мраморные. Моисей такъ описываетъ подножіе Божіе: „И видѣли Евреи мѣсто стоянія Бога Израилева и подъ ногами Его нѣчто подобное работѣ изъ чистаго сапфира, и, какъ самое небо, ясное" (Исх. 24, 10).

Потолки въ комнатахъ, очень можетъ быть, устраи-

вались въ видѣ свода. По крайней мѣрѣ евреи имѣли понятіе о сводѣ. О сводѣ упоминаетъ пророкъ Іезекіиль, описывая бывшее ему видѣніе четырехъ животныхъ: „надъ головами животныхъ было подобіе свода“ (Іезекіиль 1, 22). Устройство потолковъ въ видѣ свода даже было неизбѣжно, такъ какъ они дѣлались не изъ дерева, а изъ камня.

Оконъ въ комнатахъ было мало. По лицевой сторонѣ дома, обращенной на улицу, считалось неприличнымъ ихъ дѣлать; поэтому, если и были окна на улицу, то только въ верхнихъ этажахъ, причемъ стеколъ не имѣли, а загораживались рѣшетками. „Надъ наружной дверью или въ особомъ при ней выступѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, въ восточныхъ домахъ имѣется окно, единственное во всемъ домѣ, выходящее на улицу и загороженное рѣшеткой. „Отсюда, оставаясь незамѣченнымъ, можно было наблюдать уличную жизнь. Въ это окно часто посматривали евреи—что дѣлается на улицѣ.

„Вотъ, однажды, смотрѣлъ я въ окно дома моего, чрезъ рѣшетку мою“, говоритъ Соломонъ (Притч. 7, 6). Въ особенности пристально смотрѣли, когда чего-нибудь съ нетерпѣніемъ ждали. „Въ окно выглядываетъ и вопитъ мать Сиссарина, сквозь рѣшетку: что долго не идетъ конница его, что медлятъ колеса колесницы его“ (Суд. 5, 28). Даніилъ, находясь въ плѣну Вавилонскомъ, имѣлъ въ верхней горницѣ окно, обращенное въ сторону Іерусалима, и ходилъ въ эту горницу молиться Богу (Дан. 6, 11). Но эти окна могли и открываться (4 Цар. 13, 17) и изъ окна вѣроятно спустила Раавъ соглядатаевъ (Нав. 2, 15) и Мелхола смотрѣла на Давида (1 Цар. 19, 12). Изъ такого же окна вѣроятно и Іезавель насмѣшливо привѣтствовала Іуя и потомъ была выброшена изъ такого же окна (4 Цар. 9, 30). Можно было дѣлать сколько угодно оконъ въ комнатахъ, обращенныхъ во внутренній дворъ. Но и тутъ не было нужды дѣлать много оконъ, такъ какъ дверь изъ комнатъ во внутренній дворъ почти всегда была открыта и вполнѣ замѣняла собою окно. „Въ бѣдныхъ жилищахъ на востокѣ нѣтъ оконъ читаемъ

у одного путешественника, а свѣтъ получается только изъ растворенной двери. Такъ было, вѣроятно, и въ древности у евреевъ. Въ Евангеліи мы находимъ ясный намекъ на это въ словахъ Господа о женщинѣ, потерявшей монету и искавшей ее въ комнатѣ со свѣчей (Лук. 15, 8, 9). Господь приводитъ примѣръ вполнѣ понятный для женщинъ по ихъ собственному опыту. Онѣ прекрасно понимали, что значитъ обронить въ темной комнатѣ дома одну изъ тѣхъ монетъ, которыя были обычнымъ украшеніемъ на ихъ головныхъ и шейныхъ уборахъ". „Желая писать, говоритъ другой путешественникъ, я придвинулся къ входной двери, такъ какъ въ комнатѣ не было оконъ; и тутъ только было мнѣ понятнымъ, почему упоминаемая въ Евангеліи женщина зажгла свѣчу, чтобы поискать пропавшую драхму, такъ какъ безъ свѣчи здѣсь и днемъ такъ же мало видно, какъ и ночью".

Пророкъ Іеремія не одобряетъ тѣхъ, кто прорубаетъ много оконъ въ домѣ, дѣлаетъ комнаты очень просторныя и украшаетъ ихъ. „Горе тому-кто говоритъ: построю себѣ домъ обширный и горницы просторныя—и прорубаетъ себѣ окна и обшиваетъ кедромъ и краситъ красною краскою." (Іер. 22, 14). Такимъ образомъ, какъ видимъ, окна для украшенія, а можетъ быть и всѣ стѣны комнатъ, обшивались кедромъ и красились краскою. Мало того: комнаты облагались еще украшеніями изъ слоновой кости. „И исчезнутъ дома съ украшеніями изъ слоновой кости" читаемъ у пророка Амоса (Ам. 3, 15) Домъ Ахава прямо называется домомъ изъ слоновой кости, такъ какъ въ немъ вѣроятно было очень много украшеній изъ слоновой кости. „Прочія дѣла Ахава, все, что онъ дѣлалъ, и домъ изъ слоновой кости, описаны въ лѣтописи царей израильскихъ "читаемъ въ книгѣ Царствъ (3 Цар. 22, 39). Можетъ быть допускались для украшенія стѣнъ и живописныя украшенія. „И вошелъ я, пишетъ пророкъ Іезекіилъ, и вижу и вотъ всякія изображенія пресмыкающихся и нечистыхъ животныхъ и и всякіе идолы дома Израилева, написанные по стѣнамъ кругомъ" (8, 10). И въ другомъ мѣстѣ; „И

увидѣвъ вырѣзанныхъ на стѣнѣ мужчинъ, красками нарисованныя изображенія халдеевъ... имѣющихъ видъ военачальниковъ она, Оголива (влюбилась въ нихъ по одному взгляду очей своихъ") (23, 14, 17).

Матеріаломъ для постройки домовъ съ древнѣйшихъ временъ служили кирпичи. Еще строители Вавилонской Башни надѣялись состроить эту башню изъ кирпичей. „И сказали другъ другу: надѣлаемъ кирпичей, и обожжемъ ихъ огнемъ; и стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести" (Быт. II, 3.) Въ послѣднее время своего пребыванія въ Египтѣ Евреи также, какъ извѣстно, дѣлали кирпичи по приказанію Фараона. О постройкахъ изъ кирпичей упоминаетъ и пророкъ Исаія (9, 8. 10). Въ Египтѣ при дѣланіи кирпичей, для большей вязкости глины, прибавлялась къ ней измолоченная солома. Старинные Египетскіе кирпичи, сушившіеся не въ печахъ, а на солнцѣ, и доселѣ сохранили слѣды входящей въ ихъ составъ соломы: „Не давайте имъ (евреямъ) соломы *для дѣланія* кирпичей", приказывалъ Фараонъ приставникамъ надъ работами (Ис. 5,7). Соломы требовалось для этого дѣла много и на собираніе ея должно было уходить большое количество времени. А такъ какъ въ Палестинѣ дерева не вездѣ было въ достаточномъ количествѣ для обжиганія кирпичей, то и здѣсь евреи иногда ограничивались тѣмъ, что сушили кирпичи на солнцѣ, хотя солнце въ Палестинѣ и не такъ отвѣсно бросаетъ лучи свои, и строили дома изъ такихъ необожженныхъ кирпичей, причемъ дѣлали иногда кирпичи изъ глины безъ соломы и вмѣсто извести, употребляли иногда простую глину. Такіе, построенные изъ необожженныхъ глиняныхъ кирпичей, или, проще сказать, слѣпленные изъ глины дома были конечно очень непрочны. Если предположимъ, что пророкъ Іезекіилъ помѣщался въ такомъ глиняномъ домѣ, когда получилъ повелѣніе отъ Господа ночью проломать стѣну дома и уйти чрезъ проломанное отверстіе, то легко поймемъ, что пророку дѣйствительно не трудно было исполнить

такое повелѣніе. „Ты же сынъ человѣческій, изготовь себѣ нужное для переселенія. Предъ глазами ихъ проломай себѣ отверстіе въ стѣнѣ и вынеси чрезъ него. И сдѣлалъ я, какъ повелѣно было мнѣ. Вещи мои, какъ вещи нужныя при переселеніи, то есть должно быть, какъ показываютъ ассирійскія изображенія плѣнническихъ каравановъ,—поясъ, сандаліи, посохъ, мѣхъ съ водою, а можетъ быть и часть домашней утвари вынесъ днемъ, а ночью проломалъ себѣ отверстіе въ стѣнѣ, въ потьмахъ вынесъ ношу и поднялъ на плеча предъ глазами ихъ". (Іезек. 12, 5, 75). Конечно такіе дома были очень не долговѣчны и расплывались при первомъ сильномъ дождѣ, падали при первомъ сильномъ вѣтрѣ. Тотъ же пророкъ долженъ былъ предупредить объ этомъ строителей такихъ домовъ. „Скажи обмазывающимъ стѣну грязью (собственно извѣстью), что она упадетъ. Пойдетъ проливной дождъ, и вы, каменныя гардины, падете, и бурный вѣтеръ разорветъ ее, и вотъ падаетъ стѣна. Тогда не скажутъ ли вамъ: гдѣ та обмазка, которою вы обмазывали". (Іезек. 13, 12). О домахъ, построенныхъ на пескѣ и потому очень непрочныхъ, упоминается и въ Евангеліи. „всякій, кто слушаетъ слова Мои и не исполнять ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. И, пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и налегли на домъ тотъ. И онъ упалъ и было паденіе его великое" (Мѳ. 7, 24, 26).

Большіе дома строились у евреевъ обыкновенно изъ мѣстнаго извѣстковаго камня. Грунтъ во всей западной части Палестины извѣстковый и известковаго камня было множество; нужно было только приложить искуство къ тому, чтобы хорошо его выламовать и обдѣлывать. Моисей, очевидно, предполагалъ, что большинство еврейскихъ построекъ будетъ изъ такого камня, когда давая постановленіе относительно проказы на домахъ, писалъ: „Въ 7-й день опять придетъ священникъ и если увидитъ, что язва распространилась по стѣнамъ дома, то священникъ прикажетъ *выломать камни*, на которыхъ

язва и броситъ ихъ внѣ города на мѣсто нечистое". (Лев. 14, 39, 40). Проказа домовъ не считалась вредною для здоровья людей, но сквернящею;—вещи, бывшія въ домѣ, не считались не годными для употребленія, но лишь оскверняли человѣка по объявленіи дома нечистымъ:—равнымъ образомъ люди, входившіе въ домъ, запертый послѣ вслѣдствіе проказы, спавшіе въ немъ и вкушавшіе пищу только считались нечистыми до вечера. Въ чемъ собственно состояла проказа на домахъ это цвѣтеніе дома,—образованіе на стѣнахъ его зеленоватыхъ и красноватыхъ углубленій, яминъ. По объясненію Соммера и Камфаузенса, она состояла въ ростительныхъ образованіяхъ, лишаевидныхъ наростахъ, появлявшихся на вывѣтрившихся камняхъ и отсырѣлыхъ стѣнахъ, а также въ углубленіяхъ во внутренности камней.

Капитальныя зданія строились изъ громадныхъ камней. Нужно было умѣть выламовать и искусно ихъ обдѣлывать. Такіе камни были уже дорогіе и постройки Соломона восхваляются именно за то, что были сдѣланы изъ такихъ *большихъ обтесанныхъ камней.* „Все (въ домѣ Соломона) было сдѣлано изъ дорогихъ камней, обтесанныхъ по размѣру, обрѣзанных пилою съ внутренней и наружной стороны" (3 Цар. 7 9). Особенное значеніе и наибольшій объемъ, конечно, долженъ былъ имѣть угловой камень, соединявшій собою двѣ стѣны (Мѳ. 22, 42; Пс. II, 22. 23). Храмъ Господу Давидъ желалъ устроить изъ матеріала еще болѣе драгоцѣннаго. Онъ собралъ для этого и камни разноцвѣтные, вставные, и множество мрамора. „И сказалъ царь Давидъ всему собранію... Всѣми силами я заготовилъ для дома Бога моего: золото для золотыхъ вещей... и камни оникса и камни вставные, камни красивые и разноцвѣтные, и всякіе дорогіе камни и множество мрамора (I Пар. 29, 2). Обычнымъ цементомъ для соединенія камней въ зданіи служила у евреевъ, кажется, земляная смола, т. е. асфальтъ, который составлялъ почву заіорданской области и прибрежій Мертваго моря. Еще строители Вавилонской башни вмѣсто извѣсти употребляли эту земляную смолу.

Впрочемъ и извѣстка была извѣстна евреямъ со временъ Моисея. Ею велѣлъ Моисей соединить тѣ камни, изъ которыхъ состроенъ былъ памятникъ на горѣ Гевалъ. „И заповѣдалъ Моисей: когда перейдете Іорданъ, поставьте камни тѣ, какъ я повелѣваю вамъ сегодня, на горѣ Гевалъ, и обмажьте ихъ извѣстью“ (Втор. 27, 4). Только добывать хорошую извѣсть было трудно; надо было для этого разбивать жерновые камни“. Въ грядущіе дни, по пророчеству Исаіи, загладится беззаконіе Іакова; и плодомъ сего будетъ снятіе грѣха съ него, когда всѣ камни жерновниковъ онъ обратитъ въ куски извѣсти (Ис. 27, 2).

Для постройки деревянныхъ домовъ обычно употреблялись сикоморы. Только горделивые люди, по словамъ пророка Исаіи, непремѣнно желали строить изъ тесаннаго камня, да изъ кедровъ. „Слово посылаетъ Господь на Іакова и нисходитъ на Израиля, чтобы зналъ весь народъ—Ефремъ и жители Самаріи, которые съ гордостью и надменнымъ сердцемъ говорятъ: кирпичи пали, построимъ изъ тесаннаго камня,—сикоморы вырублены, замѣнимъ ихъ кедрами“ (Ис. 9, 8—10). Кедромъ, масличнымъ деревомъ, дубомъ, кипарисомъ, ситтимомъ (т. е. деревомъ бѣлой акаціи) обычно только обшивались каменные дома для украшенія. Во времена Соломона, кромѣ того, вмѣстѣ съ золотомъ привезено было много краснаго (сандальнаго) дерева изъ Офира. „И корабль Хирамовъ, который привозилъ золото изъ Офира, привезъ изъ Офира великое множество краснаго дерева и драгоцѣнныхъ камней. И сдѣлалъ царь изъ сего краснаго дерева перила для храма Господня и для дома царскаго, и гусли и псалтири для пѣвцовъ. Никогда не приходило столько краснаго дерева и не видно было до сего дня“ (3 Цар. 10, 11).

Что было въ комнатахъ у евреевъ? прежде всего для всѣхъ восточныхъ народовъ, а слѣдовательно и для евреевъ, всего нужнѣе были ковры. Ихъ даже съ собою носили. Приходъ Іудиѳи къ Олоферну описывается слѣдующимъ образомъ: „Встала Іудиѳь и нарядилась въ

одежды и во все женское украшеніе. А служанка ея принесла и разослала для нея по землѣ передъ Олоферномъ ковры, которые она получила отъ Вагоя, для всегдашняго употребленія, чтобы ѣсть, возлежа на нихъ" (Іуд. 12, 15).

Затѣмъ объ остальной обстановкѣ еврейскихъ комнатъ всего лучше можно судить по той комнатѣ, которую устроила женщина Сонамитянка для пророка Елисея. „Въ одинъ день прошелъ Елисей въ Санаамъ. Тамъ одна женщина упросила его къ себѣ. И сказала она мужу своему... Сдѣлаемъ небольшую горницу надъ стѣною и поставимъ ему тамъ постелю, и столъ, и сѣдалище, и свѣтильникъ. И когда онъ будетъ ходить къ намъ, пусть заходитъ туда." (4 Цар. 2, 10).

Въ комнатѣ Елисея была *постель.* Постель устроялась большею частію прямо на полу, но иногда и на особаго рода низкой кровати. Такъ, при разсказѣ о томъ, какъ Іудиѳь убила Олоферна, замѣчается, что, убивъ, она *сбросила* съ постели тѣло его (Іуд. 13, 9), Пророкъ Амосъ также укоряетъ іерусалимскихъ богачей за то, что они слишкомъ нѣжатся на богатыхъ ложахъ своихъ. „Горе вамъ, которые лежите на ложахъ и слоновой кости и нѣжитесь на постеляхъ вашихъ" (Ам. 6, 4). Еврейскія слова *митта* и *ересъ* означаютъ или ложе, постель въ томъ смыслѣ какъ мы ихъ разумѣемъ, тоесть кровать для спанья ночью и для лежанія больнымъ (Быт, 48, 2; 49, 33; I Цар. 28, 23; Псал. 6, 7; 40, 4; Іова 7, 13; Исаіи 28, 2;) или диванъ, стоявшій вдоль стѣны (Іез. 23, 41; Амос. 3, 12; 6, 4). Въ библіи, читаемъ у одного изслѣдователя, встрѣчаются разныя названія сѣдалищъ. Одни изъ этихъ названій происходятъ отъ глаголовъ, означающихъ лежаніе, другіе—сидѣніе.

Послѣднія встрѣчаются рѣже. Изъ этого можно заключить, что у евреевъ только богатые и знатные люди имѣли особыя *сѣдалища* въ собственномъ смыслѣ; всѣ прочіе довольствовались или небольшимъ ложемъ, стоявшимъ въ углу комнаты, или же дѣлали, какъ и теперь на Востокѣ, вокругъ стѣнъ въ пріемной комнатѣ

небольшое возвышеніе, на которомъ лежали подушки и ковры, у людей зажиточныхъ составлявшіе предметъ особой роскоши.—Упоминаются въ Библіи и принадлежности кровати: покрывала или ковры, матрасы и подушки (Суд. 4, 18; Іез. 13, 18, 21). Въ книгѣ Притчей (7, 16) блудница восхваляетъ свое ложе, покрытое богатыми тканями, изъ египетскаго льна, и коврами, и надушенное миррою, алоемъ и корицею.

Въ комнатѣ Елисея былъ *столъ*. Столъ въ комнатѣ по всей вѣроятности устроялся очень низкій, подобно тому, какой велѣно было Моисею устроить для скиніи. „И сдѣлай столъ изъ дерева Ситтимъ, длиною въ 2 локтя ($1^1/_4$ аршина, шириною въ локоть (10 вершковъ), а вышиною въ $1^1/_2$ локтя, (1 аршинъ) („Исх. 25. 23).

Въ комнатѣ Елисея былъ *стулъ*. Стулья на востокѣ теперь почти нигдѣ не употребляются. У древнихъ евреевъ они были въ употребленіи, ибо слово *киссе* (4 Цар. 4, 10) часто употребляемое въ смыслѣ *трона* очевидно обозначаетъ стулъ (въ рус. переводѣ сѣдалище), мебель, отличную отъ кровати или дивана. Но сидѣть на стулѣ почиталось нѣкоторымъ признакомъ гордости и напыщенности. Въ книгѣ Притчей находимъ слѣдующую характеристику безразсудной женщины: „Женщина безразсудная, шумливая, глупая и ничего не знающая, садится у дверей дома своего на стулѣ, на возвышенныхъ мѣстахъ города". (9, 13, 14).

Въ комнатѣ Елисея былъ свѣтильникъ. Свѣтильникъ у древнихъ евреевъ былъ символомъ и признакомъ благоденствія. Въ палаткахъ и домахъ всегда поддерживали огонь-символъ непрерывнаго существованія семьи; если онъ потухалъ, это считалось роковымъ предзнаменованіемъ. Благодаря Бога за всѣ благодѣянія Его къ Іерусалиму, Давидъ говоритъ между прочимъ, избралъ Господь Сіонъ; возжелалъ (его) въ жилище Себѣ. Тамъ возращу рогъ Давиду, поставлю свѣтильникъ помазаннику моему". (Пс. 131, 13, 17). И въ другомъ мѣстѣ псалмопѣвецъ говоритъ „Ты возжигаешь свѣтильникъ мой, Господи; Богъ мой просвѣщаетъ тьму мою". (Пс. 17, 29).

А беззаконныхъ, по убѣжденію евреевъ, должна постигнуть тьма и свѣтильникъ ихъ долженъ утухнуть. Одинъ изъ друзей Іова, перечисляя причины его несчастія, говорилъ: „Да, свѣтъ у беззаконныхъ потухаетъ и не останется искры отъ огня его; померкнетъ свѣтъ въ шатрѣ и свѣтильникъ его угаснетъ надъ нимъ (Іов. 18, 5, 65). А самъ Іовъ, потерявъ вѣру въ провидѣніе Божіе, недоумѣваетъ: отчего это не всегда угасаетъ свѣтильникъ у нечестивыхъ. „Часто ли, говоритъ онъ, угасаетъ свѣтильникъ у беззаконныхъ и находитъ на нихъ бѣда, и Онъ даетъ имъ въ удѣлъ страданія во гнѣвѣ своемъ“ (21, 17). Въ притчѣ Господа о дѣвахъ мудрыхъ и юродивыхъ, у юродивыхъ дѣвъ свѣтильники преждевременно потухаютъ, и онѣ не могутъ дождаться жениха. Наконецъ, угрожая черезъ пророка Іеремію различными наказаніями дому Іудину, Господь говорилъ: „И прекращу у нихъ голосъ радости и голосъ веселія и голосъ жениха и голосъ невѣсты, звукъ жернововъ и свѣтъ свѣтильника“. (Іер. 25, 10). Въ пророчествѣ о Вавилонѣ пророкъ Исаія, зная, что мракъ у восточныхъ народовъ служитъ символомъ несчастья и плѣна (Ис. 50, 10; Мих: 7, 8 и др.), говоритъ: «Сиди молча, уйди въ *темноту*, дочь Халдеевъ, ибо впредь не будутъ тебя называть госпожею царства» (Ис. 47, 5). Вавилонъ и его цари гордо высились надъ всѣми другими націями и недаромъ носили титулъ царя царей (Ис. 13, 19; Іез. 26, 7; Дан. 2, 37 и др.) И вотъ теперь изъ положенія господствующаго властелина царь Вавилонскій долженъ перейти въ состояніе плѣннаго раба, заключеннаго въ тюрьму“. (ср. Плачъ Іер. 2, 10; 3, 2. Мих. 2, 8).

Свѣтильники были, повидимому, большихъ размѣровъ; ихъ ставили на полъ и они иногда вмѣщали въ себѣ по нѣскольку лампадъ. Бѣдняки вѣроятно употребляли глиняные свѣтильники, а богатые вѣроятно устрояли ихъ изъ болѣе или менѣе цѣннаго металла.

Въ каждой комнатѣ на Востокѣ, хотя бы она принадлежала самому бѣднѣйшему изъ людей, лежитъ среди пола циновка. Всякій входящій снимаетъ свои сандаліи у

дверей, отчасти съ цѣлью вообще не запятнать чистой циновки пылью и грязью, а отчасти потому, что циновка, (какъ водится это у магометанъ), предназначается для колѣнопреклоненій при молитвѣ.

Нѣтъ ничего проще арабскихъ домовъ, говорятъ путешественники новѣйшаго времени. Циновки или ковры раскинуты по стѣнамъ; башмаки или сандаліи поставлены при входѣ; среди потолка виситъ лампа, составляющая единственное украшеніе комнаты; въ небольшомъ нишѣ въ стѣнѣ помѣщенъ деревянный расписанный яркими красками сундукъ для храненія книгъ и другихъ дорогихъ семейныхъ принадлежностей; на довольно широкомъ мѣстѣ для возлежаній, тянущемся около стѣны, скатаны цвѣтныя одѣяла, которыя служатъ постелями. и на томъ же мѣстѣ установлена въ порядкѣ глиняная посуда для обыденнаго употребленія. И обстановка жилища богача немного отличается отъ обычнаго убранства домовъ на Востокѣ. Богатство хозяина сказывается не въ роскоши обстановки комнатъ, такъ какъ и у богатаго на Востокѣ, какъ и у бѣднаго, въ комнатахъ нѣтъ никакой мебели, кромѣ покрытыхъ коврами диванов, а въ большихъ размѣрахъ дома, въ просторѣ комнатъ, сравнительной высотѣ потолка, да въ количествѣ ковровъ и циновокъ, покрывающихъ сидѣнья.

Сирійскій домъ унаслѣдовалъ всѣ характерные признаки номада. Онъ также простъ по обстановкѣ, также незамысловатъ по конструкціи. (Обыкновенно продолговатый по формѣ главный домъ зажиточнаго араба ставится такъ, чтобы дворъ и холодныя постройки примыкали къ нему, образуютъ отовсюду замкнутый четырехугольникъ). Въ комнатахъ на стѣнахъ ни малѣйшихъ признаковъ зеркалъ, картинъ, полокъ, часовъ и т. п. Въ углахъ нѣтъ ни одной печки, окна прикрыты внутренними ставнями, дверь безъ замка, да и зачѣмъ, въ этой счастливой странѣ жизнь течетъ по неизмѣнному руслу съ незапамятной древности свято храня завѣщанныя традиціи патріархальнаго быта; воровство считается самымъ постыднымъ въ глазахъ арабовъ. Къ тому же и весь его обиходъ такъ

простъ и несложенъ, что ему нечего копить и нечего прятать. А ткацкій станокъ, ручная мельница, кувшины вдляоды, жаровня и тазъ для омовенія необходимѣйшіе предметы каждаго хозяйства, найдутся и у самаго бѣднаго феллаха. У туземцевъ домъ не есть собраніе любимыхъ сокровищъ. Жилища араба - это убѣжище,—священный очагъ, кровь, подъ которымъ онъ проводитъ какихъ нибудь пять часовъ въ сутки. Жизнь Востока шумная, кипучая почти вся проходитъ на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ; въ тѣни садовъ, на базарахъ и улицахъ. Съ первыми лучами солнца все населеніе, не исключая и дѣтей и стариковъ, высыпаетъ изъ домовъ пестрой полосой, запружая лавки, темные переулки, группируясь у фонтана. Вся прелесть Востока въ этой говорливой народной волнѣ, неумолимо бьющей, какъ море прибоемъ, въ вѣковые устои мечети и рынка. На улицахъ и площадяхъ происходитъ обмѣнъ всѣхъ новостей политики и торговли. При такомъ второстепенномъ значеніи дома, лишь какъ ночлега, онъ остается тѣмъ же шатромъ, мало отличаясь отъ него примитивностью своихъ удобствъ и простотою обстановки.

Всѣ ремесла и производства, начиная отъ пекаря и мѣдника и кончая сапожникомъ, кузнецомъ и цирульникомъ, группируются на томъ же шумномъ базарѣ, гдѣ совершаетъ арабъ свою мѣну и куплю. Каждый день онъ несомнѣнно встрѣтится тамъ со своими сосѣдями и какъ женщины у колодца, такъ мужчины за наргиле узнаютъ всѣ мѣстныя происшествія.

Въ восточныхъ странахъ на всѣхъ оживленныхъ дорогахъ, въ особенности вблизи колодца или источника, встрѣчаются *кофейни*.

Обыкновенно это наскоро устроенный навѣсъ съ широкими, окружающими внѣшнія стѣны его, скамьями, на которыхъ отдыхаютъ посѣтители, поджавъ подъ себя ноги; въ глубинѣ, на небольшомъ очагѣ, хозяинъ варитъ на угольяхъ кофе, чашку котораго иногда требуютъ себѣ посѣтители. Ничего иного здѣсь не достанете.

Совершенно отличается отъ кофейни *ханъ* или *караванъ-сарай* – прибѣжище устраиваемое въ пустынныхъ мѣстахъ. Построить караванъ-сарай и отдать его на общее пользованіе считается дѣломъ богоугоднымъ.

„Пристанище путниковъ“, говоритъ пророкъ Іеремія (9, 1), это пристанище, безъ сомнѣнія, было похоже на тѣ каравансараи, которые въ Палестинѣ можно видѣть и теперь. Караванъ-сараемъ называется мѣсто, окруженное стѣнами съ четырехъ сторонъ. Внутри этой ограды находится рядъ небольшихъ комнатъ. Посреди двора, который они образуютъ, находится обыкновенно небольшой фонтанъ или колодезь.—Комнаты совершенно пусты, такъ что путешественникъ долженъ имѣть съ собою все нужное, даже самую пищу, какъ для себя, такъ и для своихъ животныхъ, ибо въ караванъ-сараяхъ не живетъ никто, кто бы могъ снадбить приходящихъ провизіею. Такъ это и дѣлали, напр. братья Іосифа (Быт. 42, 27): Ворота караванъ-сараевъ всегда отперты; ихъ не запираютъ и тѣ путешественники, которые тутъ помѣщаются. Для помѣщенія верблюдовъ и лошадей часто не бываетъ мѣста подъ крышею. Они помѣщаютси на дворѣ и когда идетъ дождь имъ приходится лежать на грязи. Караванъ-сараи на большихъ дорогахъ въ населенныхъ мѣстахъ имѣютъ нѣсколько иной видъ. Здѣсь караванъ-сараи состоятъ изъ четыреугольнаго загороженнаго пространства съ воротами. Близъ нихъ находится помѣщеніе для сторожа, который обязанъ доставить путешественникамъ только солому для ночлега и воду: все остальное они должны имѣть съ собою. Пройдя ворота, входишь во дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный помѣщеніями; нѣкоторыя изъ нихъ, открытыя ко двору, служатъ убѣжищемъ для скота, другія, закрытыя стѣною или плетнемъ, предназначены для женщинъ, а также наиболѣе важныхъ гостей. Мужчины обыкновенно проводятъ ночь около своего скота или вблизи товаровъ своихъ.—Верблюды спятъ подъ открытымъ небомъ. За ночлегъ сторожемъ взимается небольшая плата.

Гостинницы въ городахъ похожи на караванъ-сараи, но въ нихъ есть стойла и для скота. „Виѳлеемскія гостинницы, говоритъ одинъ писатель, конечно, ни по внѣшнему своему виду, ни по удобствамъ нисколько не было лучше нынѣшнихъ восточныхъ караванъ-сараевъ.

Эти восточныя гостинницы нынѣ, точно также какъ вѣроятно, и прежде, представляютъ небольшое одноэтажное зданіе, сложенное изъ нетесаннаго камня и состоящее— а) изъ четыреугольнаго загона, гдѣ можно спокойно оставлять на ночь скотину и б) изъ выложеннаго сводомъ ниша для помѣщенія путешественниковъ, ничѣмъ не отдѣленнаго отъ находящагося въ загонѣ скота. Лееванъ. или мощенный полъ ниша только на футъ приподнять выше пола загона. Большой постоялый дворъ могъ имѣть значительное число такихъ нишей, представлявшихъ собою рядъ небольшихъ, невысокихъ и несообщавшихся между собою комнатъ, безъ передней стѣны, такъ что всѣ посѣтители могли безпрепятственно видѣть другъ друга. Мебели тамъ нѣтъ.

Путешественникъ, желающій спокойствія, обязанъ запастись своимъ ковромъ, на которомъ можетъ располагаться по своему усмотрѣнію, то есть сидѣть, поджавъ ноги во время ѣды, или лечь, если хочетъ спать.

Въ этихъ гостинницахъ принято за правило, что всякій заботится о себѣ самъ запасается пищей, самъ заботится о своемъ скотѣ, самъ приноситъ воду изъ сосѣдняго источника. Никто не ожидай и не ищи посторонняго вниманія или предупредительности. Зато и оплачивается это убѣжище, безопасность и та часть пола, на которой кто лежалъ, самою ничтожною суммою.

Но если кому придется запоздать въ пути и придти въ гостинницу, когда всѣ лееваны уже заняты, то ему предстоитъ не малый трудъ устроить самому, по возможности, опрятное и приличное помѣщеніе для себя и семейства въ одномъ изъ угловъ грязнаго пола загона, въ углу, который не занятъ лошадьми, мулами и верблюдами. Пометъ, спертый воздухъ, тяжелый запахъ отъ

множества животныхъ, непріязненное надоѣданіе парій собакъ, сообщество съ самыми низкими попрошайками увеличиваютъ тягость положенія путешественника.

Подобная гостинница (вся или та часть ея, гдѣ помѣщаются животныя), нерѣдко устраивается и устраивалась въ тѣхъ безчисленныхъ пещерахъ, или горныхъ ущельяхъ, которыми такъ изобилуютъ известковыя скалы Палестины.

Надо думать, что и постоялый дворъ въ небольшомъ городѣ Виѳлеемѣ былъ выдѣланъ изъ подобной пещеры. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ св мученикъ Іустинъ, жившій въ началѣ 11 вѣка (103, 166 по Р. Х.) и съ малолѣтства знакомый съ Палестиной. Таково и древнее установившееся преданіе восточной и западной церквей, принадлежащее къ тѣмъ не многочисленнымъ преданіямъ, которыя хотя и не упоминаются у евангелистовъ, но совершенно основательно принимаются за достовѣрныя.

Виѳлеемскіе пастыри, говоритъ другой путешественникъ, пришедшіе поклониться младенцу Іисусу, тотчасъ могли узнать гостинницу по качающемуся фонарю.

Ясли, говоритъ путешественникъ Томсонъ, устраиваются изъ небольшихъ камней извести. Когда они вычищены и выбѣлены, что часто бываетъ лѣтомъ, то дѣлаются очень удобными для помѣщенія въ нихъ младенцевъ. Даже наши собственныя дѣти спали въ такихъ ясляхъ въ нашихъ грубыхъ лѣтнихъ жилищахъ, устроенныхъ на горахъ. Но ясли, въ которыя былъ положенъ Господь по рожденіи, были деревянныя. Такъ какъ деревянныя ясли, стоявшія нѣкогда въ Виѳлеемѣ, были взяты въ Римъ въ 1486 году папою Сикстомъ пятымъ, то въ настоящее время ясли изъ цвѣтного мрамора, помѣщенныя здѣсь въ Виѳлеемской пещерѣ католиками противъ мѣста, гдѣ родился Господь, привлекаютъ къ себѣ очень мало вниманія...

Сколько времени Богоматерь съ младенцемъ пробыла въ пещерѣ, мы сказать не можемъ, вѣрно то, что въ настоящее время путники не остаются подолгу въ Пале-

стинскихъ гостинницахъ, какъ неприспособленныхъ для продолжительнаго житья. Вѣроятно и Богоматерь недолго пробыла въ гостинницѣ. Пастыри поклонились Божественному Младенцу, когда Онъ былъ еще въ ясляхъ; но волхвы, какъ видно изъ Евангелія Матѳея, посѣтили Марію уже въ домѣ, а не въ гостинницѣ.

Путешественники не могутъ съ удобствомъ долго оставаться въ городскомъ караванъ-сараѣ, говорится у другого писателя; они обыкновенно легко могутъ найти пріютъ въ домѣ какого либо городскаго жителя, если пожелаютъ прожить въ городѣ нѣсколько дней. Поэтому, посылая учениковъ на проповѣдь Евангелія, Господь сказалъ имъ: „Въ какой бы вы домъ ни вошли, оставайтесь въ немъ, ѣшьте и пейте что у нихъ есть (Лук. 10, 7)

Ханъ тоже гостинница, но гораздо лучше обстроенная. *Ханъ* обыкновенно устраивается для купцовъ и для помѣщенія ихъ товаровъ. Онъ строится квадратомъ, со дворомъ въ срединѣ. Нижній этажъ его употребляется подъ склады или подъ лавки. Надъ первымъ этажемъ идетъ второй—для помѣщенія пріѣзжихъ, съ входными дверями съ галлереи, которая тянется по всѣмъ четыремъ сторонамъ двора. Единственныя входныя ворота запираются на ночь и при нихъ помѣщается привратникъ.

Въ заключеніе описанія древне-еврейскихъ жилищъ необходимо отмѣтить, съ одной стороны, то, что жилища ихъ и ихъ обычная домашняя жизнь считались священными и недоступными для всѣхъ постороннихъ. Жители востока въ своей частной жизни были совершенно недоступны лицамъ не принадлежащимъ къ числу родныхъ или домочадцевъ. Такъ это на востокѣ у мусульманъ и нынѣ. При большихъ домахъ тамъ обычно устраивается каменная скамья для привратника.

Уваженіе въ частной жизни сильно развито на востокѣ. Въ Коранѣ объ этомъ читаемъ: „Не входите правовѣрные въ какіе либо дома, кромѣ вашего собственнаго, если не спросили на это позволеніе у обителей его Если при входѣ никого не встрѣтите, то не входите,

пока не получите приглашенія. Если посѣтитель находитъ дверь отворенною и не видитъ въ немъ слуги, то онъ долженъ хлопнуть въ ладоши, чтобы вызвать кого нибудь. Даже получивъ приглашеніе, не входя еще въ комнату, слѣдуетъ сказать „съ вашего позволенія“, чтобы женщины успѣли удалиться или закрыться фатой.“

Вслѣдствіе всего этого не только низшіе, но и равные по положенію люди не могли знать того, что дѣлается въ чужомъ домѣ. Чтобы показать Сеннахерибу свое всевѣдѣніе, Господь велѣлъ пророку Исаіи сказать этому царю отъ лица Іеговы: „Я знаю жилище твое и входъ и выходъ твой“ (4 Цар. 19, 27). Только высшія лица, цари, могли черезъ своихъ шпіоновъ знать всѣ подробности частной жизни тѣхъ лицъ, которыя почему либо обращали на себя ихъ вниманіе. Но и сами цари чтили священность семейнаго очага. „И послалъ Саулъ слугъ въ домъ къ Давиду чтобы стеречь его и убить утромъ“ (1 Цар. 19, 11). Не ясно-ли въ этомъ фактѣ выражается то уваженіе, какое имѣли и имѣютъ восточные къ внутреннимъ покоямъ дома. Царь рѣшился убить ненавистнаго ему человѣка-но не позволяетъ для того войти въ домъ ночью, а велитъ выждать утра.

Но съ другой стороны, во имя закона гостепріимства, въ дни праздниковъ и семейныхъ торжествъ, дѣлая трапезу, евреи допускали въ свой домъ всякаго желающаго. Такъ во время трапезы Господа въ домѣ Симона Фарисея вошла въ домъ жена грѣшница, о которой хозяинъ дома думалъ очень худо, принесла алавастровый сосудъ съ миромъ и, ставши позади Господа, стала обливать ноги Его слезами... (Лук. 7, 33).

Равнымъ образомъ и въ обычное время всякій странникъ, во имя гостепріимства, могъ надѣяться всегда на радушный пріемъ во всякомъ еврейскомъ домѣ. Такъ это и нынѣ на Востокѣ. Поэтому одинъ путешественникъ пишетъ: „Домъ на востокѣ не представляетъ для хозяина заповѣднаго убѣжища. Глубокое всеобщее уваженіе къ закону гостепріимства принуждаетъ его жить съ откры-

тыми дверями и каждый во всякое время имѣетъ доступъ во всѣ комнаты (кромѣ женской половины)".

Города.

Первый городъ, какъ извѣстно, выстроенъ былъ Каиномъ. Какъ человѣкъ, лишенный благословенія Божія, онъ естественно долженъ былъ всего опасаться и прежде другихъ озаботиться укрѣпить свое мѣстопребываніе. Построеніе этого перваго города падаетъ на 130—135 г. жизни Адама. По вычисленію Зютцильха число людей къ этому времени должно было простираться отъ 8192 до 16384 человѣкъ. Во времена Авраама, Исаака, Іакова въ Палестинѣ упоминаются города Содомъ, Гоммора, Севоимъ, Бэла, Адама, Дамаскъ, Хевронъ, Гераръ, Сихемъ, Сидонъ. Было, вѣроятно, здѣсь и много другихъ городовъ, о которыхъ въ древнихъ повѣствованіяхъ не было случая упомянуть. Но изъ той же книги Бытія видно, что города эти были не велики. Авраамъ съ своими 318 рабами разбилъ совокупныя сили четырехъ хананейскихъ царей, а двое сыновей Іакова, мстя за оскорбленіе сестры своей, перебили всѣхъ жителей Сихема, разслабленныхъ болѣзнями. Ханаанская земля, о которой говоритъ Св. Писаніе, была раздѣлена на самыя мелкія владѣнія. Тамъ почти каждый городъ, какъ бы ни былъ малъ, имѣлъ особаго правителя, который выжидалъ только случая, чтобы воспользоваться только слабостью своихъ сосѣдей.

Ко времени Моисея города въ Палестинѣ существовали уже повсюду и строились больше и лучше. Соглядатаи, посланные въ Палестину І. Навиномъ, нашли тамъ многочисленные города, большіе и сильно укрѣпленные. „Народъ, живущій въ землѣ той, силенъ, говорили они, возвратившись, а города укрѣпленные, весьма большіе Тамъ видѣли мы исполиновъ, сыновъ Енаковыхъ, отъ исполинскаго рода; а мы были въ глазахъ нашихъ передъ ними, какъ саранча, такими же мы были и въ глазахъ ихъ". (Числ. 13, 29—33). Послѣднее сообщеніе

соглядатаевъ, конечно, въ общемъ было преувеличено, хотя были и великаны среди хананеевъ, напримѣръ, Огъ Вассанскій. Но относительно городовъ соглядатаи сказали правду. Въ XVI и XV главахъ книгъ I. Навина, гдѣ идетъ рѣчь о раздѣленіи земли обѣтованной по колѣнамъ, перечислены сотни городовъ. До 600 изъ нихъ были завоеваны на одной западной сторонѣ Іордана. Нѣкоторые изъ нихъ должно быть были не малы, потому что городъ Гай, напримѣръ, трактуется какъ незначительный городъ, а между тѣмъ сообщается, что при завоеваніи этого города было убито евреями 12,000 жителей. О городѣ Гаваонѣ, который сравнивается съ однимъ изъ царскихъ городовъ, сказано, что онъ былъ больше Гая. По исчисленію, какое находимъ въ археологіи Іеронима, когда евреи заняли всѣ эти города, то въ каждомъ должно было поселиться ихъ до 3000, кромѣ городовъ левитскихъ, въ которыхъ должно было быть жителей не болѣе, какъ по одной тысячѣ. Іеронимъ указываетъ между прочимъ на то, что въ Гивѣ, по свидѣтельству книги Судей, нашлось до 700 мужей, способныхъ носить оружіе; слѣдовательно общее число всѣхъ жителей этого города должно было простираться до 2800 душъ. При размноженіи евреевъ въ Палестинѣ, конечно, должно было увеличиться и число городовъ. Іосифъ Флавій въ свое время насчитываетъ 204 города въ одной Галилеѣ; а въ Самаріи, по свидѣтельству Талмуда, было во времена Давида до 60 миріадъ городовъ. Конечно этому нельзя вѣрить, такъ какъ каждая миріада равна 10,000.

Городами собственно назывались всякія укрѣпленныя поселенія. Но эти поселенія могли быть очень незначительны. Въ 4 книгѣ царствъ читаемъ „Сыны Израилевы построили себѣ высоты во всѣхъ городахъ своихъ *отъ сторожевой башни до укрѣпленнаго города* (17, 9). Это различеніе городовъ встрѣчается не разъ. Изъ него можно выводить понятіе объ устройствѣ древнихъ еврейскихъ городовъ. Одни изъ нихъ, по преимуществу въ серединѣ государства, съ населеніемъ болѣе или менѣе значительнымъ, всегда были окружены стѣнами. Другіе, вѣроятно,

пограничные, или въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ, устраивались исключительно для военныхъ цѣлей, какъ передовыя укрѣпленія, въ которыхъ необходимую часть составляла возвышенная башня для наблюденія за окрестностями. Такіе города заняты были только отрядами войска или рабами царя.

Какія же мѣстности преимущественно избирались жителями Палестины для устройства ихъ городовъ? Они не могли заселиться по теченію рѣкъ, такъ какъ въ странѣ была одна рѣка Іорданъ, протекавшая по пустынной мѣстности и приводившая къ Мертвому морю и пустынѣ. Поэтому городовъ около Іордана не было. Въ видахъ безопасности, жители Палестины избирали для устройства ихъ городовъ по преимуществу гористыя мѣстности, наименѣе доступныя для врага Они устрояли ихъ на горахъ или при горныхъ проходахъ. Такъ городъ Ветулія былъ расположенъ за такимъ тѣснымъ ущельемъ, что чрезъ него былъ затрудненъ проходъ даже для двухъ человѣкъ рядомъ. Такое мѣстоположеніе городовъ Святой земли вполнѣ объясняетъ слѣдующее мѣсто книги Іудиѳь. „Этотъ народъ сыновъ Израиля надѣется не на копья свои, но на высоты горъ своихъ, на которыхъ живутъ, потому что неудобно всходить на вершины ихъ горъ.“ Въ виду такого устройства городовъ съ Іудеями и Израильтянами необходимо было вести особый родъ войны. Вожди Моавитскаго народа говорили Олоферну: „Господинъ, не воюй съ ними такъ, какъ бываетъ обыкновенная война.“ Города св. земли главнымъ образомъ сдавались врагу только тогда, когда истощались съѣстные припасы и оскудѣвали источники воды. Города Палестины въ древнее время не только устраивались на болѣе или менѣе неприступныхъ возвышенностяхъ, но, въ добавленіе къ природной недоступности, укрѣплялись еще весьма прочными и каменными стѣнами. Причиною этого было то обстоятельство, что чрезъ Палестину тогда очень часто проходили Египетскія войска, направляясь въ Сирію или Вавилонію, и наоборотъ Сирійскія и Вавилонскія войска направлялись въ Египетъ и по пути иногда

дѣлали нападенія на Палестинскія города. (Властовъ Примѣч. 10 къ Числ. XIII гл.).

Выбравъ для города по возможности неприступное мѣсто, какъ древніе, такъ и позднѣйшіе обитатели св. земли, какъ хананскіе народы, такъ и евреи ограждали это мѣсто каменною крѣпостною стѣною. Безъ крѣпостной стѣны вокругъ города немыслимъ ни одинъ городъ въ св. землѣ. О крѣпостныхъ стѣнахъ очень часто упоминается, какъ въ книгахъ Ветхаго Завѣта, такъ и Новаго. Когда при І. Навинѣ евреи перешли черезъ Іорданъ и подходили къ Іерихону, то взорамъ ихъ представились каменныя крѣпостныя стѣны этого перваго отъ Моавитской границы города св. земли. „Іерихонъ заперся и былъ запертъ отъ страха сыновъ Израилевыхъ; никто не выходилъ изъ него и никто не входилъ (Нав. 5, 16). По словамъ св. Епифанія Іерихонъ въ его время имѣлъ въ окружности три съ половиною версты. Таково приблизительно было и протяженіе крѣпостной стѣны древняго Іерихона. Слѣдовательно, когда въ седьмой день священники обошли, по слову І. Навина, 7 разъ вокругъ города, то они сдѣлали при этомъ въ день всего 24 $^1/_2$ версты. Но это вычисленіе не вѣрно. По раскопкамъ, произведеннымъ германскими учеными въ 1909 году выяснилось, что древній Іерихонъ находился на холмѣ Эсъ-султанъ, имѣлъ правильное яицевидное очертаніе и вся поверхность его равнялась только 4 гектарамъ и былъ окруженъ стѣною только въ 400 саженъ протяженія. Нужно совершенно отрѣшиться отъ представленія будто эти библейскіе города были обширныхъ размѣровъ, напр. *Самарія* столица Израильскаго Царства, размѣщалась на поверхности 5—6 гектаровъ. Здѣсь сосредоточивались и царская пышность Ахава и распущенность двора Іезавели. Іерихонъ, какъ видно, былъ окруженъ стѣной протяженіемъ въ 773 метра, т. е. около 400 саженъ. На твердыхъ фундаментахъ, спаянныхъ глиной, возвышалась кирпичная стѣна, толщиною въ сажень и высотою съ фундаментомъ въ 12—15 метровъ т. е. въ 7 саженъ, поднимаясь надъ окрестной

страной, какъ непреодолимая твердыня. Крѣпость по постройкѣ настолько замѣчательна, что длинный рядъ протекшихъ столѣтій не оставилъ ни одной вертикальной щели въ колоссальной стѣнѣ. Городъ былъ окруженъ глубокимъ и широкимъ рвомъ, такъ что доступъ въ него былъ положительно невозможенъ.

Стѣна и городъ должны быть отнесены къ Ханаанской эпохѣ...

Тоже говоритъ Вильгельмъ Тирскій объ Аскалонѣ „Аскалонъ, говоритъ онъ, имѣлъ форму полукруга, діаметръ котораго идетъ вдоль берега моря, а окружность или арка обращена къ землѣ. Весь городъ имѣетъ видъ впадины, окруженной со всѣхъ сторонъ искуственными возвышеніями, на которыхъ идетъ стѣна съ многочисленными башнями. Камни стѣны скрѣплены между собою цементомъ, болѣе крѣпкимъ, чѣмъ камни. Стѣна имѣетъ значительную ширину и высоту. Кромѣ того городъ защищенъ рядомъ передовыхъ укрѣпленій, построенныхъ также очень крѣпко. Въ стѣнѣ четверо воротъ, защищенныхъ высокими и крѣпкими башнями. Первыя ворота, Іерусалимскія, прикрываются двумя высокими башнями и предшествуются тремя или четырьмя другими, меньшими, воротами передовыхъ укрѣпленій, которыя нужно было обойти нѣсколькими оборотами, чтобы достигнуть главныхъ воротъ“...

Стѣны укрѣпленныхъ городовъ Палестины были довольно широки, такъ что нѣсколько человѣкъ могли пройти по нимъ въ рядъ. Со стороны города на нихъ входили по лѣстницамъ и иногда они служили мѣстомъ прогулокъ для жителей.

Когда городъ подвергался нападенію, на стѣны входили воины, чтобы защищать его; но вѣроятно входилъ вмѣстѣ съ воинами и народъ. Такъ было, безъ сомнѣнія, въ то время, когда Рапсакъ осаждалъ Іерусалимъ, потому что начальники Іудейскіе прервали рѣчь этого полководца, прося его не говорить на еврейскомъ языкѣ, такъ какъ народъ, который находился на стѣнѣ, могъ слышать его (4 Цар. 18, 26). Въ Священ. Писаніи

упоминается также о домахъ, построенныхъ на городской стѣнѣ. Въ Дамаскѣ еще доселѣ показываютъ на городской стѣнѣ тотъ домъ, изъ котораго спасся Ап. Павелъ, будучи спущенъ по стѣнѣ (Дѣян. 9, 24). Два соглядатая, посланные І. Навиномъ въ Іерусалимъ, спаслись такимъ же образомъ. Раавъ „спустила ихъ на веревкѣ чрезъ окно, ибо домъ ея находился на городской стѣнѣ“ (І. Нав. 11, 15). Стѣны древнихъ городовъ бывали очень крѣпки, такъ что могли противостоять древнимъ стѣнобитнымъ орудіямъ. Обыкновенно въ стѣнахъ устраивались крѣпкія башни, въ которыхъ помѣщались воины, защищавшіе городъ. Подъ укрѣпленными башнями обычно устраивались подземные ходы, при посредствѣ которыхъ защитники города могли сноситься съ важнѣйшими городскими мѣстностями, имѣли доступъ къ водѣ, а иногда могли дѣлать вылазки изъ города.

Какъ башни, такъ и самыя городскія стѣны имѣли на верху зубцы.

Въ стѣнахъ города устраивались очень крѣпкія ворота, иногда обитыя желѣзными или мѣдными листами, а около стѣнъ, почти на всемъ ихъ протяженіи, выкапывались глубокіе и широкіе рвы и насыпались высокіе валы. Послѣднее дѣлалось съ цѣлью воспрепятствовать осаждающимъ приблизиться къ городу, особенно подвести къ нему стѣнобитныя машины (Каррьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры 1, 266; Гнѣдичъ Исторія искусствъ 53, 54 и др. Вейсъ стр. 260—261). На крѣпостныхъ стѣнахъ городовъ св. земли были сооружены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сторожевыя башни. Объ этихъ башняхъ очень часто упоминается въ Св. Писаніи. Св. Писаніе часто говоритъ намъ о стражахъ, стоящихъ на стѣнахъ или на башняхъ, откуда они видѣли идущаго издали непріятеля и такимъ образомъ могли во время извѣстить гарнизонъ, которому поручено было защищать городъ. Такъ сдѣлалъ стражъ, стоящій на башнѣ Іезрееля, когда онъ увидѣлъ приближающееся войско Іуя (4 Цар. 9, 17). Давидъ также имѣлъ въ виду это обыкновеніе, когда говорилъ: „Если Господь не

сохранитъ города, напрасно бодрствуетъ тотъ кто стережетъ его". (Ис. 127, 1). Иногда башни для наблюденія устраивались и не на городской стѣнѣ, а гдѣ либо въ окружающей городъ мѣстности, по возможности на горныхъ возвышенностяхъ. Иногда крѣпкія башни устроялись среди самаго города, и когда противникъ пробивалъ проходъ въ крѣпостной стѣнѣ, жители города укрывались въ башнѣ. Такъ, среди одного небольшого города въ Самаріи, среди города Тевецъ, была крѣпкая башня. „Когда Авимелахъ осадилъ этотъ слабо укрѣпленный городъ, въ башню убѣжали всѣ мужчины и женщины и всѣ жители города, и заперлись и взошли на кровлю башни. Авимелахъ поджегъ башню. Тогда одна женщина бросила отломокъ жернова на голову Авимелаха и проломила ему черепъ" (Суд. 9, 50 54). Иногда верхніе ярусы этихъ башенъ были шире нижнихъ. Въ Экбатанахъ крѣпостная стѣна была въ ширину 50 локтей, а сторожевая башня надъ городскими воротами этой стѣны имѣла до 60 локтей ширины (Іудиѳь 1, 2, 4). Очевидно, что это дѣлалось съ той цѣлью, чтобы удобнѣе было метать камни на осаждающихъ. Во время осады города непріятелями на городскихъ башняхъ зажигались огни, какъ на маякахъ. Такъ, при осадѣ Ветуліи, жители города, взявъ каждый свое оружіе и зажегши огни на башняхъ своихъ, всю ночь провели на башнѣ (Іуд. 7, 6).

Городскія ворота въ стѣнахъ города были большія и малыя, потаенныя. Большія ворота сооружались по направленію большихъ караванныхъ дорогъ. Пророкъ Исаія упоминаетъ еще о *воротахъ властелиновъ* (13, 2). По всей вѣроятности такъ назывались главныя ворота столичныхъ городовъ, служившія для въѣзда царей— ворота широкія и красиво устроенныя. Малыя ворота устраивались для вылазокъ при осадѣ города. Можетъ быть эти малыя ворота на образномъ восточномъ языкѣ носили обычно названіе *игольныя уши* и собственно узость этихъ воротъ разумѣлъ Господь, когда сказалъ, что удобнѣе верблюду пройти чрезъ игольныя уши, чѣмъ богатому войти въ Царствіе Божіе. И большія и малыя

ворота города строились на востокѣ изъ такого плотнаго матеріала и запирались изнутри такими крѣпкими запорами, что нерѣдко легче было разрушить часть стѣны, чѣмъ разбить такія ворота. Правда, первоначально они были деревянныя, съ деревянными же задвижками, но впослѣдствіи ихъ обивали мѣдными досками, прикрѣпляя къ нимъ желѣзные замки и задвижки (Псал. 106, 16; Исаіи 42, 2). Запираніе городскихъ воротъ было дѣло не легкое и не скорое и часто для этого требовалось много сильныхъ людей. Поэтому нерѣдко бывало, что когда изъ осажденнаго города дѣлали вылазку и она была отбита, то вмѣстѣ съ бѣгущими въ городъ войсками врывался и непріятель, потому что не успѣвали запереть воротъ. Можетъ быть это имѣлъ въ виду Саулъ, когда обрадовался тому, что Давидъ ушелъ въ городъ Кеилу. Когда донесли Саулу, что Давидъ пришелъ въ Кеилу, онъ сказалъ: Богъ предалъ его въ мои руки, ибо онъ заключился въ городѣ съ воротами и запорами“ (1 Цар 23, 7). Но вѣроятнѣе Саулъ, говоря такъ, имѣлъ въ виду то, что спасаться въ малыхъ укрѣпленныхъ городахъ было ненадежно, потому что въ нихъ мало было съѣстныхъ припасовъ и, несмотря на крѣпость запоровъ, жителей можно было заставить сдаться вслѣдствіе недостатка продовольствія. Большіе города хвалились одинъ предъ другимъ количествомъ воротъ; чѣмъ больше было воротъ, тѣмъ, значитъ больше, могущественнѣе и крѣпче былъ городъ. Городъ Ѳивы въ Египтѣ такъ и назывался „Стовратные Ѳивы“. Матеріаломъ для сооруженія городскихъ воротъ въ Палестинѣ служили вѣковые ливанскіе кедры. Неемія просилъ царя Артарксеркса, чтобы онъ далъ письмо къ зарѣчнымъ областеначальникамъ, къ Асафу хранителю царскихъ лѣсовъ, „чтобы они дали ему деревъ для воротъ крѣпости въ Іерусалимѣ“ (Неем. 2, 2). Иногда, кромѣ того городскія ворота оковывались мѣдью. Такъ какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ устраивались ворота, стѣна представляла основаніе для находящейся надъ воротами башни и была очень широка, то очень можетъ быть, что подъ каждой такой башней устроялось

по нѣскольку воротныхъ створовъ: одни съ наружной стороны стѣны, со стороны обращенной къ полю, другіе съ внутренней стороны, обращенной къ городу, а потомъ мѣсто дозволяло даже устроить подъ башнею воротные створы въ срединѣ. Кто бывалъ въ Москвѣ, въ московскомъ Кремлѣ, тотъ пойметъ въ чемъ дѣло, а житель Казани можетъ вспомнить о воротахъ, ведущихъ изъ крѣпости на Казанку. Цитуя слова Библіи „Давидъ сидѣлъ между двумя воротами“ (2 Цар. 18, 24), одинъ изслѣдователь думаетъ, что Давидъ сидѣлъ подъ башнею. Если въ стѣнахъ были ворота—съ внѣшней и внутренней стороны, то промежутокъ между ними, равный толщинѣ стѣны, могъ быть названъ мѣстомъ между двумя воротами. Но едва ли это такъ. Естественнѣе думать, что Давидъ сидѣлъ между двумя воротами въ разныхъ мѣстахъ одной и той же стѣны, т. е. выраженіе Библіи, что Давидъ сидѣлъ между двумя воротами имѣетъ такой же смыслъ, какъ и выраженіе, что памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ стоитъ между двумя воротами (т. е. между Никольскими и Спасскими). У городскихъ воротъ на Востокѣ обыкновенно устраивались народныя собранія. Такъ Воозъ изъ Виѳлеема вышелъ къ воротамъ и сидѣлъ тамъ, ожидая народнаго собранія, чтобы объявить, что онъ беретъ себѣ Руѳь въ жены (Руѳь 4, 1). У городскихъ воротъ производился и общественный судъ. Такъ о людяхъ праведныхъ Давидъ говоритъ, что они „не стыдятся, егда глаголятъ врагомъ своимъ во вратѣхъ“. (Пс. 126, 5) Поэтому же и пророкъ Исаія, предсказывая Іерусалиму болѣе счастливыя времена, говоритъ, что тогда не будетъ такихъ людей, которые требующему суда у воротъ разставляютъ сѣти и отталкиваютъ праваго. Св. Писаніе часто упоминаетъ о царяхъ и о другихъ важныхъ особахъ, которые сидѣли у городскихъ воротъ. Вообще у воротъ на востокѣ было самое главное правительственное мѣсто, что и доселѣ звучитъ въ названіи Турецкаго правительства высокой Портой. Въ виду этого совершенно понятно, почему Господь, желая дать понять своимъ слушателямъ, что и высшія силы не одолѣютъ

Церкви Божіей,—сказалъ имъ вмѣсто того, что и „врата адовы не одолѣютъ Церкви Божіей“.

У городскихъ воротъ устроялись еще мытницы для сбора пошлины съ товаровъ, провозимыхъ въ городъ на верблюдахъ и ослахъ и приносимыхъ на плечахъ бѣдныхъ людей. Тѣ, которымъ поручено было собирать эту пошлину, жили въ небольшихъ домахъ, построенныхъ близь городскихъ воротъ. У такой мытницы увидалъ Господь въ Капернаумѣ Матѳея и позвалъ его за собою, сказавъ: слѣдуй за Мной. Тутъ же при воротахъ находились и торговыя площади города (Іов. 29, 7; 4 Цар. 7, 8. Неем. 8, 1, 3, 98, 13, 19, 32), иногда за воротами внѣ города (Неем. 8, 1, 3; 2 Цар. 21, 12, 1 Цар. 31, 10, 11), а иногда по сю сторону воротъ, внутри города (2 Пар. 32, 6). Вѣроятно та площадь у воротъ Самаріи, гдѣ Іосафатъ и Ахавъ сидѣли на тронахъ (3 Цар. 22, 10, 2; Пар. 8, 9) была также торговая площадь, такъ какъ именно на торговыя площади народъ собирался для совѣщанія и для игрищъ.

Съ наступленіемъ ночи городскія ворота на востокѣ запираются на всю ночь, до восхода солнца. „Пусть не отворяютъ воротъ Іерусалимскихъ доколѣ не обогрѣетъ солнце“, сказалъ въ свое время Неемія начальнику крѣпости (Неем. 7, 3). Закрытіе городскихъ воротъ на ночь даетъ ясное значеніе слѣдующимъ двумъ пророчествамъ. „Возстань, свѣтись Іерусалимъ, взывалъ пророкъ Исаія, потому что пришелъ свѣтъ твой и слава Господня взошла надъ Тобою. И будутъ всегда отверзсты врата твои, не будутъ затворяться ни днемъ, ни ночью (т. е. не будетъ больше никакихъ опасностей.) Врата новаго Іерусалима, по Апокалипсису, не будутъ запираться днемъ, а ночи тогда не будетъ (Ап. 21, 2).

Улицы восточныхъ городовъ нынѣ обыкновенно очень узки. Людекке полагаетъ ширину восточныхъ улицъ отъ двухъ до четырехъ аршинъ. Такое устройство улицъ имѣетъ свою причину въ климатѣ, такъ какъ узкія улицы, покрытыя тѣнью отъ домовъ, защищаютъ отъ палящаго жара. Такъ какъ и въ древнія времена,

безъ сомнѣнія, старались избѣжать зноя, то надобно полагать, что и тогда улицы были такъ же узки, какъ и теперь. Такая узость улицъ восточныхъ городовъ обусловливалась и тѣмъ, что города имѣли значеніе крѣпостей. Города Св. земли не могли быть велики по размѣрамъ, потому что обширный городъ невозможно было укрѣпить неприступною крѣпостною стѣною. Прямымъ естественнымъ и непосредственнымъ условіемъ того, что города Палестины были не велики по размѣрамъ своимъ было то, что каждая пядь земли внутри города была цѣнима самою высотою, самою дорогою цѣною. „Блаженъ, кто имать южики въ Іерусалимѣ," говорили нѣкогда евреи. Такъ трудно было сдѣлаться домовладѣльцемъ во св. Градѣ. Здѣсь могли имѣть дома только богатые люди. Впрочемъ въ древности въ восточныхъ городахъ были всетаки и широкія улицы, такъ какъ тогда въ городахъ ѣздили въ колесницахъ, требовавшихъ большого пространства. Названіе рехоб (происходящее отъ слова рахаб —широкій) по словамъ Яна и Мунка усвоялось не только площадямъ, но и улицамъ. Широкія улицы были, вѣроятно, заняты торговыми лавками и назывались по роду промышленности въ нихъ преобладавшей. Такъ напримѣръ въ книгѣ Іереміи (37, 21) упоминается улица хлѣбопековъ въ Іерусалимѣ, а Флавіемъ упоминается тамъ же долина *Тиропеонъ* т. е. торговцевъ сыромъ. Эти главныя улицы городовъ вѣроятно были мощеныя. Уже Соломонъ устлалъ ведущіе въ Іерусалимъ пути чернымъ камнемъ, слѣдовательно вымостилъ. Эта забота объ устройствѣ въ странѣ удобныхъ дорогъ заставляетъ предполагать, что также заботились о замощеніи по крайней мѣрѣ главныхъ улицъ въ большихъ городахъ. Видъ улицы восточныхъ городовъ вообще былъ такой же печальный, какъ и нынѣ, потому что и тогда оконъ на улицу въ домахъ почти не было и дома были обращены фасадомъ своимъ къ внутреннему двору, а не къ улицѣ. Улицы городовъ Палестины, поэтому, за исключеніемъ торговыхъ и базарныхъ площадей, представляли собою узкіе, неправильными зигзагами идущіе корридоры

между двухъ высокихъ стѣнъ, совершенно сплошныхъ, имѣющихъ по мѣстамъ только узкія калитки, представляющія входъ въ домъ. Притомъ же въ городахъ, расположенныхъ на горахъ, улицы эти шли то въ гору, то подъ гору. Господь любилъ проводить ночное время въ молитвѣ на Елеонской горѣ или удалиться изъ Іерусалима въ Виѳанію. „Кому извѣстна отвратительная нечистота древнихъ восточныхъ городовъ, пишетъ одинъ изслѣдователь, тотъ лучше другихъ можетъ представить себѣ то облегченіе, какое могъ чувствовать Господь, когда могъ удалиться изъ тѣсныхъ улицъ и многолюдныхъ рынковъ въ загородную мѣстность Елеонской горы и Виѳаніи".

Селенія.

Изъ многочисленныхъ мѣстъ Библіи, гдѣ говорится о еврейскихъ селахъ, можно составить слѣдующее представленіе о нихъ. Во-первыхъ, они не были обнесены крѣпостными стѣнами, какъ города Палестины. Этимъ, конечно, села только и отличались отъ многихъ мелкихъ городовъ св. земли. Кромѣ того дома въ селеніяхъ отличались патріархальной простотой своей постройки, это были простыя известковыя мазанки, или дома, сложенные, какъ заборы, изъ необдѣланныхъ и несвязанныхъ никакимъ цементомъ камней. Въ книгѣ Іисуса Навина, гдѣ говорится о раздѣленіи земли между колѣнами Израиля, постоянно встрѣчается выраженіе города и ихъ села (Числ. 13, 23, 28. 15, 32, 36, 41). Очевидно, что къ городамъ обыкновенно были приписаны сосѣднія деревни, состоявшія въ нѣкоторой зависимости отъ городовъ. О селахъ „вокругъ городовъ" упоминается еще во 2-й книгѣ Паралипоменонъ.

Въ частностяхъ устройство селъ святой земли обусловливалось занятіями жителей ихъ. Села хлѣбопашцевъ имѣли свои особенности, села—садовниковъ—свои; села рыболововъ, расположеные по берегамъ Галилейскаго озера—свои. Бытовая жизнь села давала ему особый видъ. Если село было населено хлѣбопашцами, оно было

все скучено вмѣстѣ. Гумно было за селомъ (Руѳ. 3, 2 16); огородовъ вовсе нѣтъ; о большомъ выгонѣ для стадъ нечего и думать. Село скучивалось вмѣстѣ потому, очевидно, что живущіе въ немъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, дорожили каждымъ клочкомъ пахатной земли. Таково было то нечестивое село самарянское, гдѣ не желали принять Христа Спасителя, когда Онъ шелъ въ Іерусалимъ (Лук. 9, 52). Не широкій просторъ представляли собою и тѣ поля Самарійскія, о которыхъ І. Христосъ сказалъ Своимъ Апостоламъ: „возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“ (Іоанн. 4, 35).

Но не таково было по виду селеніе, отстоявшее стадій на 60 отъ Іерусалима, называемое Еммаусъ (Лук. 24, 13), не такова была по виду и весь Геѳсиманская. Не таковы были въ большинствѣ случаевъ и селенія Іудины. И вотъ почему:—это были по преимуществу селенія садоводовъ. Дома въ селеніяхъ садоводовъ не скучивались вмѣстѣ, а напротивъ, располагались длинной каймой у подножія горъ и высотъ св. земли. Широкія усадьбы этихъ селеній огораживались или высокими кактусами, или заборомъ изъ необдѣланныхъ камней. О послѣдняго вида оградѣ упоминается въ притчѣ Спасителя о злыхъ виноградаряхъ. „Нѣкоторый человѣкъ посадилъ виноградникъ и обнесъ его оградою“ (Марк. 12, 1). Домъ, или *столпъ*, по Евангельскому выраженію, устроялся посреди усадьбы, чтобы хозяину удобнѣе было охранять садъ. Въ каждомъ виноградномъ саду устроялось точило для винодѣлія. По такимъ древнимъ точиламъ въ окрестностяхъ Хеврона, гдѣ росъ самый лучшій виноградъ и гдѣ именно 12 соглядатаевъ и срѣзали вѣтку, которую принесли вмѣстѣ съ гранатовыми яблоками на жерди; и теперь можно свободно разграничить усадьбы временъ Халева, такъ какъ точила изсѣкались прямо въ известковымъ грунтѣ.—Въ масличныхъ садахъ устроялись давильни для выдѣлки изъ маслинъ оливковаго масла. Вообще селенія садоводовъ были разнообразнѣе и пріятнѣе на видъ, чѣмъ селенія пахарей.

Еврейскія поселенія, говоритъ одинъ изслѣдователь (Восходъ 1896 г. Мартъ, стр. 37), какъ и города, большею частью лежали на склонѣ холмовъ; вершину холма занимала *высота* и тамъ росло священное дерево,—а ниже селенія былъ ключъ, или колодезь.

Проф. *С. А. Терновскій.*

